ВОСПОМИНАНИЯ

ЛЕОНИД КНУБОВЕЦ

Светлой памяти родителей посвящается

ЛЕОНИД КНУБОВЕЦ

ВОСПОМИНАНИЯ

КАЗАНЬ – МОСКВА – ТЕЛЬ-АВИВ
1934–1997 ГОДЫ

Sofia–Moscow

2015

ВОСПОМИНАНИЯ

Leonid Knubovets
100 Centre str. #601, Brookline 02446, MA, USA
e-mail: lknubovets@yahoo.com

First published 2015
ISBN: 978-954-642-766-3

Pensoft Publishers
Prof. Georgi Zlatarski Street 12, 1700 Sofia, Bulgaria
e-mail: info@pensoft.net
www.pensoft.net

Printed in Bulgaria, January 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Из моих жизненных странствий, поисков, блужданий, из многочисленных встреч с людьми (в самых невообразимых ситуациях), порой у меня складывались картинки, которые, как в калейдоскопе, переливались мозаичными бликами, часто беспокоили меня и просились на бумагу. В итоге, поразмыслив, я решил сделать краткие зарисовки различных моментов моей жизни. Они не всегда будут располагаться в хронологической последовательности, так как моя память не выдерживает испытания временем.

Детство

В детстве всё нас поражает
Новизной картин,
Детский мозг запоминает
Красоту витрин.
Пацанёнку всё впервой
И гроза и ветер,
Хочется познать порой
Всё на белом свете.
Всё понять, всё разузнать,
До всего добраться,
Солнышко с утра поймать
И к нему прижаться.
Ощутить его следы
И желать прохлады,
Облить струями воды
Всех ребят из сада.
Побежать быстрее в лес
Свежим утром ранним,
Обомлеть от всех чудес
От видений странных.
В воду чистую нырнуть
Озера лесного,
И понять, что в этом суть
Детства озорного!

Я родился 7 марта 1934 года в городе Казани. Там я прожил до 1963 года, затем переехал в Москву, потом в Тель-Авив (1991), а затем в Бостон (1997), где сейчас и живу. Моё детство пришлось на военное, очень трудное время. Вспоминая сейчас об этих годах, мне кажется, что всё это происходило не со мной, а в совершенно другой жизни. Хотя память моя со временем ослабела (нужно заметить, что я всё пишу только по памяти, так как никаких дневников я не вёл), но всё-таки многое застряло в ней надолго.

Наша семья (отец, мать, старший брат и я) жила в старом, странном доме, в самом центре города, на улице Свердлова, дом 2. Этот дом, видимо, до революции принадлежал одному богатому человеку. Дом был 2-этажный, с мансардой и сетью коридоров. Он был каменным с большим двором и с сараями на заднем дворе. Никаких удобств в доме не было. За водой мы ходили в соседний дом на другой стороне улице, где была водопроводная колонка. У нас не было ни газа, ни душевых, ни туалета (в нормальном, цивилизованном смысле) и т.д. Помывка осуществлялась раз в неделю с походом в рядом расположенные бани. Это был целый ритуал. Мне помнится, что я любил походы в баню, так как там можно было поплескаться водой и вволю пошалить. Отец к моим банным шалостям относился совершенно спокойно и не ругал меня, хотя и не одобрял этого. Наша квартира находилась на 2-м этаже. В неё мы попадали со двора по скрипучей, широкой, деревянной лестнице, которая далее переходила в коридор, из которого были входы в другие квартиры. Все окна нашей квартиры выходили на центральную площадь города, называемую Кольцо. Над нами, в мансарде, жила семья Киршеных. Далее по коридору, жила татарская семья, с сыном которой, Ренатом, я был дружен. Наш передний двор был замощён булыжниками, но это нам не мешало играть в волейбол. С правой стороны двора располагались квартиры в двух этажах. Помню, что в одной квартире жила семья Сайдашевых, дети которых всё время играли на скрипках. Высокая кирпичная стена отделяла наш двор от соседнего двора, с которым мы всё время враждовали и иногда даже бросали через эту стену каменья, которые могли принести неприятности ребятам того двора. Они отвечали нам адекватно. С левой стороны двора было какое-то деревянное возвышение, в котором проживала одна семья, которая в последующем уехала к родственникам в Узбекистан. Я помню, что там была девочка моего возраста, которую мы дразнили маймула, что значило по-татарски «обезьяна». В подвальном помещении, напротив входа в нашу квартиру жила

семья, сын которой работал на табачной фабрике. Он привлекал нас к набивке папиросок ворованным табаком и к продаже этих папиросок на площади. С правой стороны двора, в полуподвальном помещении жила дворничиха. У нее частенько собирались какие-то типы и устраивали попойки. С правой стороны от входа к нам находился склад какого-то магазина, в подвале которого стояла всё время вода. Мы частенько там катались на самодельном плоту с зажженым факелом. На заднем дворе находились сараи и несколько складов, где хранилась тара. В полуподвальном помещении там жил вредный «бабай» с женой, который нам попил немало кровушки, и одна добрая русская женщина, тётя Шура, которая работала у нас домработницей. В ближайшей к нашей квартире, практически с общим входом, жила еврейская семья Иозевсонов. Их дед, очень добрый человек, часто меня приглашал к себе, угощал жареной колбасой и играл на скрипке. В последующем мой старший брат Самуил женился на их родственнице, семья которой после войны переехала в Казань из Белоруссии.

Напротив нашего дома находился огромный дом, занимавший одну сторону площади. Это были так называемые Музуровские номера. Видимо, в былые времена там сдавались квартиры как ныне в гостиницах. Наискосок площади находилась раньше булочная Мельникова, в которой в юности работали Фёдор Шаляпин и Алексей Пешков. С левой стороны площади находился популярный тогда ресторан «Татарстан» и ряд продовольственных магазинов.

Наша квартира была большая с временными перегородками и состояла из двух комнат. Из всех комнат окна выходили на улицу Свердлова и на площадь. По площади непрерывно громыхал трамвай, так что мама окна почти всегда держала закрытыми. Для проветривания она открывала только форточки. В большой комнате, служившей как бы и столовой и спальней, стоял огромный буфет, который отгораживал закуток, где находился кабинет отца. На стене, в простенке между окнами, висели два портрета. Это были мои дедушка и бабушка по отцовской линии. Я их никогда не видел, так как они погибли во время еврейских погромов в Лемешевичах Пинской губернии от рук банд Петлюры. Портретов деда и бабушки по материнской линии я никогда не видел. Я в 5-летнем возрасте, о котором ничего не помню, гостил у бабушки под Москвой, в Малаховке. О дедушке я слышал какие-то отрывочные разговоры. Он оставил бабушку и подался в неизвестном направлении. Больше о нём у меня нет никаких сведений. Бабушка же умерла от рака где-то в начале

войны. Рядом с ней, в Томилино, жила её старшая дочь Софья, мамина сестра, которая бабушку мою и похоронила в Малаховке на еврейском кладбище. В нашей квартире был уникальный старинный паркет с очень интересным орнаментным рисунком. Паркет был, видимо, дубовый, очень прочный и красивый. Каждую неделю мы с братом намазывали пол специальной мастикой и натирали пол специальной ножной щёткой до блеска. На одной из стен, на обоях, были какие-то масляные следы. Как я узнал в последующем, это мой братец, хулиганя, запустил в стену пирожным, которое ему не понравилось. В квартире были высоченные потолки, и летом, несмотря на зной, было довольно-таки прохладно. В каждой из двух комнат были печи, которые пожирали уйму дров. Добыча дров, видимо, была очень сложная проблема. Родители часто говорили об этих проклятущих дровах. Мы же с братом их пилили, кололи и укладывали штабелями в нашем сарае на заднем дворе. В сарае они, как правило, отсыревали, и разжечь их зимой бывало очень сложно. Печи использовались также и для готовки пищи.

В квартире был чулан, в котором стирали и сушили бельё. Там же был импровизированный туалет-ведро. В чулане также был рукомойник и ведро для сбора грязной воды. Все нечистоты мы выливали в общественный туалет, который находился в конце коридора недалеко от нашей квартиры, или в выгребную яму, находящуюся на переднем дворе. В чулане (или коридоре нашей квартиры) мы держали огромную бочку солёной квашеной капусты, которую ежегодно заготавливали на зиму. В те довоенные годы все молочные продукты и яйца нам приносили на дом. Все продукты были всегда высокого качества. Они были свежими, изготовленными с любовью чуткими и умными руками. Мой отец, Яков Самойлович, был из большой многодетной семьи. Он родился в селе Лемешевичи Пинской губернии (Белоруссия) в 1903 году. Его отец был кузнецом, уважаемым человеком на всю округу. В их семье было 10 детей. Это хорошо видно в на рисунках 1-3 (стр. 64, 65, 66) – генеалогическом древе семьи Кнубовец. Происхождение нашей фамилии исторически связано с местом рождения отца. В этом районе произрастало много чеснока, что на идиш звучит как кнобель. Вот отсюда и пошла наша фамилия – Кнубовец, немного на белорусский лад. Многие члены этой большой семьи в последующем эмигрировали в Америку. А некоторые, как мой отец и дядя Лёва, оказались в России. Мой отец вместе с родителями попал в Казань в 14-летнем возрасте, перебравшись из Белоруссии, где в те годы гремели еврейские погромы и близко проходил фронт 1-й мировой войны. Родители отца, когда

обстановка на фронте стабилизировалась и Пинская губерния оказалась свободна и ей ничто не угрожало, вернулись в Лемешевичи, оставив отца в Казани. Их судьба оказалась трагической: они погибли там во время еврейских погромов в 1919 году от рук петлюровцев. Будучи смышлёным пареньком, мой отец, практически не имея никакого образования, поступил на службу к зубному врачу в качестве ученика. Затем он закончил зубоврачевную школу и стоматологический институт в Казани. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации и работал доцентом сначала в Стоматологическом институте, а после его закрытия – в ГИДУВе. Он также имел лечебную ставку и работал в клинике. У него были золотые руки, и к нему обращались многие видные учёные города (и не только города) за протезированием. Первое время он вёл частный приём дома, а затем по мере продвижения по научной и преподавательской линиям, эта часть его деятельности всё время сокращалась, пока совсем не прекратилась. Нужно сказать, что отец был красивый, добрый, но очень вспыльчивый человек, который весь смысл жизни видел в обеспечении семьи и работе. Я очень редко видел его за праздным времяпрепровождением. Он очень много и тяжело работал, совмещая основную работу с подготовкой и необходимыми экспериментами на собаках, которые отнимали много времени и сил. На наше воспитание у него просто физически не хватало ни сил, ни времени. Этот пробел восполняла наша мама, которая от природы была очень тихим, тактичным, интеллигентным человеком, всю свою жизнь посвятившим заботе о семье и детях.

Мама, Гольда Иделевна Гордон, родилась в Даугавпилсе в 1907 году. Её отец торговал украшениями. Они были состоятельными людьми. Бежав также от погромов, они обосновались в Казани. О её родителях я ничего не знаю, кроме того, что её мать в конце жизни жила под Москвой, в Малаховке. У бабушки в 5-летнем возрасте я и гостил летом в Малаховке, и она меня очень любила. Отец первое время снимал у родителей моей будущей мамы угол. Они так вот и познакомились и поженились в 1926 году. У родителей была беда. Первый ребёнок, девочка, умерла при родах. А так у меня была бы сестрёнка. Меня и назвали именем, созвучным с тем, которым родители хотели назвать дочку. Они хотели дочку назвать Леночкой, а так как родился вновь мальчик (в 1929 году родился мой брат Самуил), то меня и назвали Лёней. В годы войны мама работала в госпитале лаборанткой, специлизируясь на анализах крови. В мирное время она не работала, так как зарплаты отца хватало на покрытие наших житейских, нехитрых

потребностей. Да и времени у неё не было, так как она всё время была занята готовкой, уборкой и нашим воспитанием.

В продолжение об отце хочу сказать, что он обладал удивительным природным слухом: единожды услышав какую либо мелодию, он мог потом её намычать со всеми нюансами. У отца от рождения правое ухо было деформировано, и он нам маленьким говорил, что это ему рубанули шашкой, когда он воевал в 1-й Конной у С.М. Будённого. Он нас маленьких очень любил и в редкие часы досуга забавлялся с нами, играя на карандаше, зажав его губами, или показывал фокус с карандашом, который как-бы зависал в воздухе. Но как я потом уяснил, он держался на тонкой, невидимой нитке. Мы были в восторге и умоляли его повторять и повторять этот фокус бесчисленное количество раз. Отец был очень добрый, справедливый и честный человек. Как-то случайно, из какой-то газеты он узнал, что в г. Ижевске есть какой-то Яков Айзенберг (по предположению, его двоюродный брат из Польши). Отец написал письмо. Завязалась переписка, и выяснилось, что это действительно его родственник Яков Лейбович Айзенберг. Отец «перетащил» его в Казань и принял в его судьбе самое непосредственное участие. Помог с работой, жильём и даже женитьбой. У Якова Лейбовича вся семья – жена и двое детей – погибли в концлагере. Он воевал в армии Крайёвой и затем осел в России. Второй пример. У меня были две двоюродные сестры, Роза и Сима Лившиц. Их история связана с эмиграцией их родителей в Мексику в 1918 году. Дядя Гдаля, их отец, был художникам, и он почему-то остановил свой выбор на Мексике, хотя большинство ехало в Штаты. По какой-то причине в 30-е годы они вернулись в Россию, но уже без матери, которая умерла в Мексике. Всю свою жизнь отец принимал самое активное участие в становлении этой семьи в России. Он помог Розе стать врачом-стоматологом и Симе обрести профессию, связанную с речным транспортом. Он помогал дяде Гдале с получением заказов на художесвенные работы. В Саратове у отца жил его родной брат, дядя Лёва, и его жена, тётя Оля. Это были прекрасные люди, к сожалению, не имеющие детей. Дядя Лёва работал зам. начальника Камлесосплава. Когда я приезжал к ним в гости, то начиналась гульба – езда по бакенщикам на катере по Волге и нескончаемая уха. Дядю везде примечали, уважали и любили. Он был заядлый садовод и даже выращивал виноград в тех климатических условиях. Выйдя на пенсию, дядя Лёва и тётя Оля переехали в Казань, поближе к брату, который им всячески помогал во всех их делах.

Наш район проживания был очень хулиганский, пыльный и грязный. Этот район назывался Суконной слободой, где традиционно проживало много криминального народца, всякого жулья, шулеров и другого сброда. Здесь процветало воровство, хулиганство, пьянство и поножовщина. Это место хорошо описано в автобиографической книге Фёдора Шаляпина «Маска и душа». Ведь он провёл свои детские годы именно в этом гадюшнике. Нас, правда, отделяет время: всё, что он описывает, относится к началу 20-го века, а я говорю о 40-50 годах. В нашем доме тоже процветали всякие воровские “малины”, бывали драки и поножовщина. Одна из “малин” была у нашей дворничихи. К её дочерям наведывались какие-то сомнительного вида мужики с бритыми затылками. Особенно это разрослось после так называемой Бериевской амнистии 1953 года, после смерти И. Сталина, когда из тюрем были выпущены многие криминальные субъекты. Я с этим столкнулся в 1954 году, в Ереване, где я проходил преддипломную практику на Ереванском заводе СК. Жили мы там в городке завода, далеко от центра города. Для того чтобы позвонить в Казань, своей будущей жене, я ходил в центр города к 10 вечера, когда давали соединение с Казанью. Однажды я, возвращаясь после телефонного разговора (примерно в 11 вечера), столкнулся с автомобилем «Волга», дверка которого открылась, и какой-то чернявый мужчина на русском языке с большим акцентом спросил меня: «Ну что, тоже с нами воровать поедешь?» Я от них бежал почти всю 5-километровую дорогу до общежития.

Школьные годы

Мне особенно ярко помнятся первые школьные годы, пришедшиеся на страшное военное время. Я пошёл в 1-й класс в 1941 году, в год начала войны. Хотя Казань была далеко от линии фронта и город никогда не бомбили, но беды войны и её тяготы мы здорово ощущали. Мы с братом старались всячески помогать родителям. Пилили и кололи дрова, оттаскивали их в сарай и складывали их в штабеля. Помогали делать заготовки продуктов на зиму, стояли в очередях за хлебом и другими продуктами, отоваривая карточки. Все продукты тогда отпускались по карточкам. Всё было лимитировано, и жирели на военной обстановке только жулики и проходимцы. Потеря карточек неминуемо влекла голод. Я эти карточки, чтобы не потерять, прятал на теле под майкой. Помню, в первый год войны зима была очень

лютой, стояли морозы под 30 градусов, и вот в такие морозы я был вынужден часами стоять в очередях и отоваривать наши карточки. Я забыл упомянуть, что мой отец имел бронь, и его не взяли на фронт. Так что наша семья была в полном составе, но жила впроголодь из-за жуткого дефицита продуктов питания. Иногда мама ходила на рынок и выменивала драгоценности (кольца, бусы и т.д.) на мясо, хлеб, картошку и овощи. Тогда в нашем доме бывали вкусные и сытные обеды. Я помню, самым большим лакомством тогда для меня (впрочем, как и сейчас) была яичница с луком или колбасой. В школе нам на полдник давали очень скудное количество картофельного пюре, и это было тогда большим подспорьем. В годы войны в нашей квартире проживало много эвакуированных семей из Москвы. Всего у нас жило 12 человек, в том числе семья сестры моей мамы (3 человека), двоюродные сестры Сима и Роза. Недолго жил профессор-стоматолог Бынин, у которого мы с братом воровали из рюкзака вкусные конфеты. Жила какая-то женщина с сыном и ещё кто-то, о ком я ничего не помню. Все как-то размещались, места всем хватало. Со многими из них у меня сложились дружеские отношения, сохранившиеся и в послевоенное время.

Мои школьные друзья были, в основном, из татарских семей. Никаких проявлений антисемитизма ни от ребят, ни от их родителей я никогда не встречал. Этого просто не было. Меня всегда очень хорошо принимали в этих семьях, угощали традиционными национальными кушаниями и т.д. Один из моих закадычных друзей, Ренат Ркиев, жил по соседству в доме № 6. У них в доме была идеальная чистота, мама замечательно готовила, и я любил бывать у них. У другого друга, Айрата Мратхузина, который жил тоже на нашей улице в доме № 28, тётя работала в лагере для немецких военнопленных недалеко от Казани, в Парацке. Она привозила иногда очаровательные поделки по дереву, которые ей дарили благодарные пациенты (она была врачём-стоматологом). Это были прелестные вещицы, аккуратно вырезанные, подшабренные, красиво раскрашенные. Мельница с вращающимися лопастями, фигурки крестьянок с коромыслом и вёдрами, различные зверюшки и т.д. Мне очень нравились эти поделки, и верилось с трудом, что это сотворено руками человеческими.

Сначала я учился в школе № 15 (1-й класс), по улице Бутлерова, затем мы занимались в здании Финасово-экономического института (ФЭИ), а затем до 7-го класса включительно в школе № 4 (на той же улице, напротив ФЭИ). Школа эта располагалась на горке, на противоположной стороне улицы, по которой всё время громыхал

трамвай № 2. Рядом находился кинотеатр «Вузовец». Через проходной двор Музуровских номеров, спустившись с горки, я попадал на нашу улицу Свердлова, перейдя через дорогу, я был дома. Так что дорога у меня из школы домой занимала минут 12-15. Учился я средне. Правда, троек почти не было. В нашем доме, вдоль по коридору, жила одна татарская семья, с сыном которой я дружил. Звали его Ренат. Как-то раз, летом в жаркий день, готовясь к экзаменам в классе 6-м или 7-ом, он забрался на крышу через чердак и совмещал занятия с загаром. Мне это тоже приглянулось, и я полез к нему. Но ужас, доски не выдержали, и я вместе с кровельным железом и обломками досок улетел вниз. Пролетев примерно 4-5 метров, я оказался на площадке в 20 сантиметрах от лестницы. Я не мог дышать, у меня был болевой шок. Я еле держался на ногах, но всё-таки доплёлся до квартиры, поддерживая правой рукой сломанную кисть левой руки. Хорошо, что в это время у нас была Женечка, студентка мединститута, подруга моего двоюродного брата Бориса, которая меня срочно отвела в Старую клинику (недалеко от дома). Там мне сделали противостолбнячный укол в задницу и зашили рану на кисти левой руки. Я провалялся в клинике около месяца, пока рука не зажила. Я первое время, держа её на повязке, укреплённой на шее, мог даже играть в волейбол во дворе одной рукой.

В это же время я ходил к частной преподавательнице, беря уроки игры на пианино. Эти занятия я не любил, и они в моей памяти не оставили следа. Я так и не полюбил это занятие, которое, как я понимаю сейчас, требовало огромного терпения, настойчивости и трудолюбия. Видимо, этими качествами я тогда не отличался. Я сейчас очень сожалею, что из-за моей лени я так и не почувствовал всей прелести пианизма. Может быть, в этом частично повинна учительница, которая не смогла меня увлечь этим видом искусства. Может быть, если бы она дала мне изучать вещи Шопена, а не Гайдна, всё сложилось бы по-другому! Пробовал я также играть на аккордеоне и гитаре. Но это также не пошло. Самое яркое впечатление тех лет – это, конечно, футбол (особенно зимой, при электрическом освещении). Мы собирались после школы (а мы учились во 2-ю смену) у Рената во дворе и гоняли мяч по заснеженному двору до изнемождения. Азарт перехлёстывал все возможные уровни! Мы, вспотевшие, уставшие, голодные, но довольные (особенно тот, кто выиграл), плелись еле-еле домой. А ведь нужно было ещё подготовить домашние занятия, да и игра на пианино требовала усилий. Но всё другое отодвигалось на второй план во имя футбола. Играли мы, конечно, в футбол и летом

на пустырях и во дворах. Мячей нормальных у нас не было, и мы играли или тряпичными мячами, или пустыми консервными банками. Большим увлечением тех лет у меня были коньки. На коньках мы, бахвалясь друг перед другом, цеплялись металическими прутами за грузовики, проходившими по «Кольцу», и, счастливые, мчались на всех парах за автомобилем. Частенько это кончалось плачевно. Однажды сидевший в кузове дядька содрал с меня малахай и уехал с ним, отцепив мою хваталку. Ещё запоминающееся зимнее увлечение – это спуск с горки (около школы № 4) на металических полозьях. Где и как мы доставали эти полозья, я не помню, но хорошо помню, как мы мчались на них с горки. Это был смертельный номер, так как буквально в двух шагах от горки проходила линия трамвая №2, под колёса которого мы могли угодить. Ещё мы спускались с этой горки на фанерной дощечке или на портфеле по ледяному желобу. Это также было очень увлекательно!

Горка ледяная

Зимою холодной,
Оглушен войной,
Я несусь голодный
С горки ледяной.
Я качусь – мальчишка,
Презирая зло,
В старом пальтишке,
Всем чертям назло.
Голова и ноги –
Всё переплелось,
На крутой дороге
Улетела злость.
Вовсе не перечу
Горочке крутой
И качусь навстречу
С собственной судьбой.
Что же ты припас мне,
Ты – мой добрый рок,
Будет ли приласкан
Бедный паренёк!

Позже, вместо коньков, привязываемых к валенкам, я получил в подарок от родителей настоящие коньки с ботинками. Беговые, так называемые ножи, как мы тогда их называли. Я очень любил это занятие и пропадал все зимние вечера на катке «Динамо». Вся обстановка на катке мною описана в стихотворении «Каток».

Каток

В той безрадостной жизни,
После страшной войны,
На катке мы хотели
Воплотить свои сны.
Сколько было там света,
Разноцветных огней,
Звёздно-чёрного неба
И беспечных людей.
Все там были как братья
С так похожей судьбой,
Нам военных проклятий
Всем досталось с лихвой.
Там слились воедино
Волшебство и полёт,
Где любые картины
Звонкий лёд признаёт.
Звуки чудным оркестром
Ниспадали с небес,
Лунным множились блеском
Хороводы чудес.
Там царило веселье,
И звучал всюду смех,
Там мы были роднее
И счастливее всех.
И на льду, в возбужденьи,
И беспечен, и рьян,
Без тревог и сомнений
Я от счастья был пьян!
Как в кино, на экране,
Мягкий снег порошил,
И домой к своей маме
Я усталый спешил.
Ну а после, ночами,
Засыпая в тоске,
Всё звенел я коньками
На вчерашнем катке!

Под влиянием брата мы приобрели крольчиху и устроили её жилище в сарае на заднем дворе. Сооружение клетки было сопряжено с душераздирающей историей. Нам необходимы были материалы: фанера, доски и т.д. Все эти материалы в те годы можно было только украсть. Купить их было тогда невозможно! На заднем дворе были какие-то склады, где хранились деревянные ящики. На одном из складов не было крыши, и мы, подцепив крюками на верёвке, утащили оттуда несколько ящиков, пригодных нам для сооружения клетки. Но кто-то видел наши маневры и "стукнул". Нас забрали в милицию. Мать в панике позвонила отцу на работу, и он примчался в милицию вызволять нас. Каким образом отец нас освободил, я не знаю, но думаю, что это стоило ему каких-то денег. Кстати говоря, клетку мы всё-таки соорудили и очень трепетно ухаживали за крольчихой. Брат с кем-то договорился, и за стакан овса состоялась случка. Вскоре крольчиха наша принесла 6 малышей. Радости нашей не было границ. Но..., как всегда «но». Мы не ведали тогда, как нужно ухаживать за мамашей в этот послеродовой период. И в один прекрасный день мы обнаружили в вольере 6 задушенных малышей. Это сделала сама крольчиха по неизвестной причине. К беде неопытность ведёт! Мы не могли этого простить крольчихе, и брат её продал. В чём была причина этого вандализма, я не знаю до сих пор. Суммируя мои увлечения тех лет, я бы мог отметить следующие:

- игра в махнушку (до одури)
- игра в лапту (с ленцой)
- волейбол (увлечённо и страстно)
- плавание (на озере Кабан и реже на Волге, увлечённо)
- игра в пристеночку (на деньги, страстно)
- футбол (страстно, азартно, с любовью)
- бег наперегонки по площади (азартно и часто)
- салочки (импульсивно, шутливо)
- езда на велосипеде (увлечённо)
- прятки (редко, без особого интереса)
- катание на плоту под факелом, в подвале дома (фантастично)
- игра в расшибалку (на деньги, азартно)
- бои на самодельных, деревянных рапирах (редко)
- поднятие тяжестей на спор (редко)
- уход в ночное – выпас лошадей с соседнего двора (редко, романтично).
- гребля на лодке (увлечённо).

Из этих же воспоминаний. Мы любили с дружками ходить в лес по ягоды и грибы. Выбирались из города на пригородних поездах безбилетниками, на подножках. Однажды, возвращаясь из похода за ягодами, я сидел на подножке поезда, держась за поручень. Вдруг я почувствовал дикую боль в коленке левой ноги: в неё попал камень, брошенный хулиганами, идущими внизу ж.д. полотна. Как я не свалился с поезда, я не знаю. Но я не мог идти. Мои дружки, подхватив меня, довели до дома и сдали матери. Нога сильно распухла. Пошли в ход всякие примочки, компрессы и т.д. Через месяц я был снова в строю.

Вспоминается ещё такая история. Меня родители в году 1946 или 1947 (не помню точно) отправили на лето в лагерь на Волге, «Красновидово». Жили мы там в помещении какого-то храма, в большой, просторной комнате, где стояло 20-30 кроватей. Во дворе были какие-то захоронения, покрытые могильными плитами. Мы хулиганили, пугая друг друга: натягивали простыни на себя и с дикими воплями носились по комнате и двору. Помню, что мы всё время там хотели есть. Большим подспорьем была неизвестно откуда взявшаяся коза, которую мы доили и пили прекрасное козье молоко. Мы её выпускали попастись во двор, где было много травы. Мы ухаживали за ней, как могли, и укрывали её от любопытных глаз. Так мы и жили. Запомнился страшный эпизод. Я взял лодку покататься по Волге, как вдруг налетела чёрная туча, засвистел ветер, пошли приличные волны, и я никак не мог справиться с управлением лодки. От страха я всё время пытался загребать в другую, неправильную сторону, направляя лодку против волн. Вода начала захлёстывать в лодку, меня течение относило всё дальше и дальше. А я никак не мог сообразить, что же делать. Помощи было ждать не откуда. Я был растерян и очень напуган. Наконец, я успокоился и сообразил, что нужно грести, используя наплывающие волны. Таким образом, изрядно подустав и нанервничавшись, я пристал к берегу.

Всё перечисленное, как вы понимаете, не оставляло времени для школьных занятий.

Был один случай, который врезался мне в память навсегда. В старину озеро Кабан соединялось с Волгой протокой под названием Булак. Затем, с годами, это соединение пересохло, и в наше время Булак был самостоятельной протокой, соединявшейся только с озером Кабан. Уровень грунтовых вод, видимо, был высок, как это я сейчас понимаю. Этому подтверждение – подземное озеро в подвале нашего дома, где мы катались на плоту. И вот однажды... На заднем дворе дома,

где жил мой друг Ренат Ркиев и где были конюшни, случился большой оползень. Земля разверзлась и утянула в воронку множество лошадей. Я видел образовавшуюся воронку диаметром 18-20 метров. Эта трагедия потом долго была предметом наших разговоров.

Мы любили гонять металический обруч, управляя его движением специальной металической направляющей. Это было целое искусство, так как обруч норовил всё время упасть.

Ещё мне запомнились школьные шалости (речь идёт о 4-й школе с 1942 до 1948 года). За эти шалости меня исключали из школы на одну-две недели. Первый случай: я ломился в школу, барабаня в закрытую дверь ногами. А когда кто-то попытался меня остановить, я его послал куда подальше. Обернувшись, я увидел директора школы, г-на Желткова. Расправа не заставила себя ждать: я был немедленно отправлен на каникулы на 10 дней.

Второй случай. Мы учились во вторую смену. Зимой рано темнело, и занятия проходили при электрическом освещении. Мы хулиганили и, держа за тонкую нить, размыкали электропровода (выключатель был сломан), погружая класс в темноту. В это время кто-то из взрослых вошёл в класс и попытался навести порядок. Мы же, воспользовавшись темнотой, устроили чехарду и бегали между рядов парт. Я заскочил на плечи вошедшего в класс мужчины и начал крутить его волосы на голове. В это время зажёгся свет, и о ужас! Я узнал, что я сижу на плечах нашего завуча. За что и был отправлен в отпуск на те же 10 дней. Вынужденные отпуска я проводил тихо и скрытно, не посвящая родителей в случившееся. Я каждое утро уходил как бы в школу и летел в сад, где гулял и играл в футбол. Затем, когда уроки заканчивались, я подходил к школе и у друзей узнавал домашние задания. Как ни странно, все эти мои шалости заканчивались мирно, и я переходил из класса в класс, имея довольно-таки сносные оценки. Ещё в классе было совершенно преступное увлечение. У нас на стене висели портреты членов Политбюро страны. Так вот, мы поголовно, увлекаясь стрельбой через трубочку комочками промакашки, растреляли всех этих ублюдков (как будто знали о всех чинимых властью зверствах). К счастью, это осталось незамеченным руководством школы, и всё обошлось.

Приведу несколько строк из моего стиха, отражающего период моего детства:

По ошибке, видно, Всевышнего,
В женский день я родился мальчишкою,
И нисколько о том не жалеючи,
Бесшабашно я жил, не умеючи.
Баловал, хулиганил, бранился,
Бестолково и плохо учился,
Безобразничал в школе и дома,
Был милиции даже знакомым!

Всё, что я описал выше, относится к 1941-1948 г.г. (1-7 классы). Продолжить образование по решению отца, я должен был в школе, которую закончил мой брат, в школе № 19, одной из лучших школ города. Этот период с 1948 по 1951 год был очень насыщенным и интересным. Во-первых, совершенно другая обстановка. Великолепные преподаватели, сильный состав учеников, много детей из профессорских семей, отличные условия, богатые школьные традиции. Школа располагалась в верхней части города по улице Гоголя, в вузовском районе. Неподалеку находилась школа № 3. Нужно заметить, что в те годы образование было раздельным: существовали мужские и женские школы. Большего идиотизма советская власть придумать не могла!

Наша школа дружила с женскими школами № 3 и № 15. Недалеко от нашей школы располагалось Суворовское училище, с которым мы конкурировали по части связей с женским полом. Нравы в то время были пуританскими, овеянными романтикой героики военных лет и литературными произведениями. Для меня эти годы были годами становления меня как личности, обретения характера. Первая влюблённость, серьёзное увлечение спортом, музыкой, литературой, стихами, кино, театром, оперой, пением, живописью и т.д. Я даже пытался сочинять музыку. Сочинил что-то вроде вальса, используя восточные напевы, и выступал с этим на вечерах в школе. Первое время в новой школе мне было несладко, так как моя подготовка в 4-й школе не заложила во мне необходимого фундамента, и мне приходилось всё время догонять и догонять. Нужно сказать, что в этой школе учились ребята из профессорских семей, которые, как правило, проживали в верхней части города, вблизи от школы. Такие ребята, как Олег Киселёв (мой сосед по парте), Юра Яблоков, Олег Русецкий, Эльмар Мукминёв, Вадим Голицын, Алик Ратнер были прекрасно подготовлены и тянули всех учеников за собой. Со временем я как-то попривык, стал учиться лучше (конечно, пришлось дома позаниматься побольше), и я школу закончил на 4 и 5.

Преподавательский состав в школе был очень хорошим. Особо запомнились Анна Николаевна Квасова (наш классный руководитель) и директор школы Пётр Борисович Хорунжий. Хорошие отношения у меня были с нашим физруком, который уделял мне много внимания. У нас сложилась дружная волейбольная юношеская команда, которая в последующем целиком перешла под юрисдикцию мединститута, выступая за него на первенстве города. Одновременно я самостоятельно, начитавшись и наглядевшись на звёзд отечественной лёгкой атлетики (Отто Григалка), начал пробовать толкать ядро и метать диск. Результаты были неплохие, и я в составе школьников Татарстана попал в Тулу (1950 г.) на всероссийские соревнования школьников, где занял 7-е места в толкании ядра и метании диска. Но самым ярким спортивным моментом тех лет была поездка в Новочеркасск на юношесткое первенство России по волейболу (1951 г.). Я был капитаном команды, которая была укомплектована игроками из центральной части Казани и его Ленинского района, где находились два авиационных завода. Мы на этих соревнованиях заняли 2-е место среди 20 команд. Меня и ещё двух оставляли на сборах в составе сборной юношей России, которая должна была через месяц принять участие в первенстве Союза, но наш тренер (Юрий Кудряков) не оставил нас, мотивируя ответсвенностью перед родителями. Вздор! А мы так хотели поиграть за сборную России! Новочеркасск незабываем! Это зелёный южный городок. Город-сад. Соревнования проходили на базе Политехнического института, богатого отличными спортивными сооруженими. Жили мы в благоустроенном общежитии. Прямо под окном росли абрикосовые деревья и деревья шелковицы, плодами которых мы любили лакомиться. 1951 год был для меня очень важный, переломный. Я закончил школу и, следуя своей привязанности к химии, поступил в КХТИ на технологический факультет. Здесь будет отступление личного характера.

С 1950 года (9-й класс) началось моё увлечение девочкой. Её звали Тамара. Она училась в 15-й школе и была на 2 года старше меня (она пропустила один год по болезни). Это было очень серьёзное увлечение, вплоть до 1953 года, когда я встретился со своей будущей женой Рэной. Приведу стихотворение, посвящённое Тамаре и нашим взаимоотношениям.

Первая Любовь

Мне грезится твой образ милый.
Я вспоминаю юные года,
Мне слышится твой голос дивный
И видятся твои глаза.
О, юности свободное паренье,
Безудержной фантазии полёт,
Тобою воздух напоённый
Был ароматней всяких роз.
Мы предавались развлеченьям,
Беспечной юности младой,
Я каждый день, как наважденье,
Стремился встретиться с тобой.
Мы уносились мыслями далёко,
Судьбу пытаясь разгадать,
Она ж, коварная, за что-то
Желала нас безумством испытать.
Безумством страсти пробужденья,
Любовной жажды упоенья,
Ударам соприкосновенья
И сладостью грехопаденья.
Мы были продолжением друг друга,
Пытались Счастье обрести,
Готовы были друг за друга
Любую боль перенести.
Но Счастье, невидимкой ускользая,
Зелёных и неопытных юнцов,
К себе и за версту не подпуская,
Несла в секрете Счастья код.
Под тяжестью бредовых разногласий,
Мы разошлись, не чувствуя обид,
Не вынесла Любовь тяжелых испытаний,
Но память это Чудо сохранит.
Тебе за всё я благодарен,
За чувства, пробудившие во мне,

И искромётность, и желанья,
И страсть, и доброту к тебе.
Тебя вовеки не забуду,
Ведь первую Любовь забыть нельзя,
Тебя благославлять я буду
И вспоминать до финишного дня!

Она поступила в Пединститут и специализировалась в русском языке и литературе. По окончании института наши пути разошлись. Она вышла замуж за лётчика и уехала в Полтаву, куда был направлен её муж для прохождения воинской службы. В 1960-х годах мы случайно встретились в Казани, на Кольце. Мы разговорились. Я узнал, что она стала матерью двух пацанов, живёт в Полтаве и счастлива. Мы очень тепло распрощались, и больше я её никогда не видел и ничего о ней не слышал. Так распорядилась Судьба.

Вспоминая свои юношеские годы, я хочу ещё рассказать о своём увлечении боксом. У нас в классе был тихий, неприметный паренёк, Шарипов. Однажды на переменке, наш верзила Кондрашов повздорил с ним, и тот каким-то молниеносным, резким ударом поверг Кондрашова наземь. Этот эпизод подвиг меня на разговор с Шариповым. Оказалось, что у него 1-й разряд по боксу и что он тренируется у Димитрошкина (друг Огуренкова, чемпиона СССР) в здании Авиационного института, расположенного рядом с нашей 19-й школой. Я попросил представить меня тренеру. Таким образом, я попал в этот коллектив и стал тренироваться. У тренера был железный закон. Если плохо учишься, то тебя отчисляют. Со мной так и произошло. Я стал хуже учиться, и через год, ещё и потому, что времени не хватало на другие виды спорта (лёгкая атлетика, волейбол, плавание), я уже не говорю об основных школьных занятиях, из бокса я ушёл.

Основным спортивным увлечением у меня остался волейбол, где я достиг неплохих результатов на студенческом уровне. Я все студенческие годы играл в основном составе 1-й команды КХТИ, бывшей в те годы 3-й командой среди студенческих коллективов города (КАИ, КГУ, КХТИ). В 1954 году в составе сборной студентов города я был в Тбилиси на соревнованиях по волейболу. Сыграли мы там из рук вон плохо, заняв последнее, 14-е место. Из нашего города в Большой волейбол был призван только Нил Фасахов, в последующем – капитан сборной СССР по волейболу, неоднократный чемпион Европы и мира.

Знакомство с Рэной и женитьба

Очень многое в жизни случается непреднамеренно. Как будто кто-то свыше направляет нас. Так у меня и произошло. Я уже не помню, из-за чего я крепко повздорил с отцом. А год 1954 был у меня предвыпускной, и я уговорил отца достать мне путёку на Юг, на Черное море. Он её приобрёл, но мне до поры до времени об этом не говорил. А тут и произошла наша ссора, и отец решил наказать меня. Взял, да и сдал путёвку. Тогда мы с ребятами (Лёва Хлюпин, его брат, Айрат Мратхузин и я) решили соорудить домишко на Волге, недалеко от дома отдыха «Пустые Моркваши», где и провели всё лето 1954 года. Там я и повстречал Рэну, мою будущую жену. Она была неимоверно хороша, училась в КГУ на физмате. Она отдыхала с подругой, которая, как мне тогда показалось, была приставлена к ней для компании и присмотра. Это было замечательное время! Лето, жара, Волга, лес, танцы, волейбол и полная свобода. Чего ещё душе надобно! Красивая девушка с очаровательной фигуркой, обворожительной улыбкой и, кажется, проявляющая ко мне интерес. Я был сражен, покорён и влюблён! Внутренний голос мне нашептывал, что эта девушка будет моей женой. Так и случилось. Ниже я приведу ряд стихотворений, посвящённых Рэне и нашим взаимоотношениям. И вот уже 59 лет мы вместе. Вырастили дочь, а сейчас пытаемся влиять на поведение и становление внука, которому уже исполнилось 24 года.

Нам повезло...

Нам повезло, что мы нашли друг друга,
Найти тебя мне было нелегко,
Но, отыскав тебя, любимую подругу,
Мне на душе вдруг стало так тепло.

Припев
Счастье, что не прошёл тогда я мимо,
Случай, так видно было суждено,
Впрочем, тебя нашёл я не в Париже,
А там, недалеко, у волжских берегов.

Была ты поразительно красива,
С копной прелестнейших волос,
Я был сражён красой неповторимой
И подавал всё время знаки СОС.

Припев
И вот уже мы более полвека
Пылим по тропам разных стран,
Но нету ближе человека,
Чем ты – любимый талисман

Богиня

Сошедшею с небес Богиней
Ты озарила жизнь мою,
С тобою, ласковой и милой,
Связал навек Судьбу свою.
Я пред тобою чист и честен,
Я не лукавлю, не грешу,
Мир без тебя и сер, и бледен,
Тобой живу, тобой дышу!

Тебе я поверяю душу,
Я навсегда в твоём плену,
Я пред тобой порою трушу,
Но вижу лишь тебя одну.
Я за тебя пойду на плаху,
Я жизнь свою готов отдать,
Не попрошу за это плату
И не заставлю всех страдать.
Готов пройти огонь и воду,
Кочевником в степях брести,
Готов всегда, не зная брода,
По жизни за тобой идти.
Я за тебя прошу у Бога
И снисхожденья, и щедрот,
Прошу, чтоб дал благославенье
И оградил от всех невзгод!

Но я несколько забежал вперёд и хотел бы вернуться в хронологическом порядке к моим студенческим годам.

Студенческие годы (1951-1956 г.г.)

Как я уже писал, я учился в КХТИ. Я поступал в институт на общих основаниях. Сдавал вступительные экзамены (кажется, их было 6) уверенно, без особой нервотрёпки. Родители, видимо, были уверены в глубине моих познаний и на время сдачи вступительных экзаменов уехали отдыхать на юг, оставив нас вдвоём с братом. Сдал я экзамены хорошо, три пятерки и три четверки, и был принят на 1-й курс технологического факультета. Конкурс в те годы был невелик, кажется, 2 человека на место.

Наша группа оказалась интернациональной. Я учился вместе с поляками, китайцами и румынами. На других факультетах института ещё учились венгры и чехи. Со мной учились 6 поляков (5 ребят и одна девушка), двое румын (парень и девушка) и 5 китайцев (двое парней и три девушки). Все иностранцы выделялись своей неуёмной тягой к познаниям. Особым трудолюбием отличались китайцы. После лекций, которые они тщательно конспектировали, они их повторяли в общежитии, закрепляли и дополнительно по учебникам готовились к следующим лекциям. Китайцы были довольно-таки закрытыми персонами. Может быть, сказывалась трудность в языке или это отражало их менталитет. Нужно сказать, что это также было заметно у румын: им трудно давался русский язык, несмотря на то, что у них был специальный курс русского языка. Легче всего в языке было полякам, так как языки имеют много общего, и, кроме того, они изучали русский язык в школе. Русский состав студентов был разношерстным. Казанцев было немного. Было два человека, прошедших войну (конечно, опытнее нас желторотых). Группа была наполовину мужской, наполовину женской. Много было иногородних, из глубинки республики и деревень. Уровень подготовки резко различался, и притирка шла тяжело и долго. Но, насколько я помню, после первого курса отсева не было. У меня был шанс попасть на учёбу в Ленинградскую техноложку. У них был набор на спецфак, на 2-й курс. И у нас было объявлено, что желающие могут подать заявления о переводе. Конечно, Питер – культурный центр России, с Казанью не сравнить. И я решил подать заявление о переводе. Однако оно не было удовлетворено. Руководство института, борясь за успеваемость и желая высвободить

места в общежитии, удовлетворило заявления иногородних и плохо учившихся студентов. Вот знай, что если бы я плёлся на тройках я, наверное, учился бы в Питере. Так Судьба распорядилась мной, и я остался продолжать учёбу в КХТИ.

Студенческие годы стали запоминающимися на всю жизнь. Это было очень интересное и весёлое время, хотя обстановка в стране была очень сложная. Вспоминается так называемое дело врачей. Ведь это сфабрикованное дело, в основном, было направлено против врачей еврейской национальности. Оно било прямой наводкой по моему отцу. Каждый раз, возвращаясь с работы, отец сообщал маме, что он пока ещё не уволен. Было ощущение надвигающейся большой беды. Тревога проникла во все поры. Все знакомые и друзья моих родителей, тоже врачи, всё время находились в стрессе и ожидали увольнения и ареста. Лишь впоследствии я узнал, что это была злобная акция Сталина. Он хотел выслать всех евреев в Сибирь, Казахстан и Дальний Восток. Евреям инкриминировалась их якобы преступная деятельность по уничтожению вождей страны. Это была абсолютнейшая чушь, которая лопнула как мыльный пузырь вслед за смертью Генералиссимуса! Наша семья и многие другие еврейские семьи вздохнули с облегчением.

Вернусь к студенческим годам. Учиться было трудно, но интересно. Конечно, это было связано со многими факторами: взросление, любовь, взаимоотношения с сокурсниками и т.д. Профессорско-преподавательский состав КХТИ был очень сильным. Институт был 3-м институтом такого профиля в стране, после Московского и Ленинградского. Такие титаны, как академик Арбузов, профессора Воздвиженский, Разумов, Пауткин, Григорьев, Муштари, Камай, Кочергин, Абрамов и многие другие составляли славу института, являсь учёными всесоюзного и мирового уровня. В 1926 году, при создании Новочеркасского политеха, часть профессуры из КХТИ переехала на работу в Новочеркасск. Будучи в 1951 году на соревнованиях (о которых я упоминал выше), мы замечали нескольких ярых поклонников, пожилых мужчин на играх нашей команды. Как потом я выяснил (разговорившись с ними), это были те самые люди, которые в 1926 году переехали из Казани на становление Новочеркасского политеха. Видимо, ностальгия по родному городу подвигла их на поддержку нашей команды.

Я учился через пень колоду, так как был увлечён спортивными занятиями и дружбой с Тамарой. Учиться было совершенно некогда: много времени требовали регулярные тренировки по волейболу и лёгкой атлетике. Ну и, конечно, участие в соревнованиях. А также

танцы, театр, кино, концерты и т.д. Так что в межсессионное время науки я постигал, в основном, на лекциях и лабораторных работах. На занятия дома времени не хватало. Не хватало также времени на чтение, что я потом и обнаружил. У меня оказались большие пробелы в литературе, поэзии, музыке и живописи. У нас сложилась хорошая, дружная компания, с которой мы проводили много времени вместе. Бывали в ресторанах, на танцах в Доме учёных, КАИ и Доме офицеров. Этой же компанией мы всегда вместе встречали все праздники, включая Новый Год. Летом нашим самым любимым местом отдыха был уникальный остров Маркиз, расположенный на Волге немного ниже Казани. Там был чистейший пляж, чудесный песок и ивнячок, зарывшись в который можно было укрыться от солнца.

Остров Маркиз

Под Казанью, чуть вниз,
Стоял остров Маркиз,
Бесподобен и чист,
Бога славный каприз!
Волга – матушка река,
Навидалась за века,
Но Маркизу, отродясь,
Кланялася, изумясь!
Остров сказочной мечты –
Солнца, воздуха, воды,
Остров юности моей,
Несравненный чародей!
Он стоял, как исполин,
Реку надвое делил,
И любили все его
Нежно, искренне, светло.
Скольких он сдружил людей,
Сколько он взрастил детей,
Сколько дивных, чудных дней
Подарил душе моей!
Но пришли из ГОЭЛРО,
Дали Волге под ребро,
Река вздулась, поднялась,
Потеряв былую власть.
Где стоял святой Маркиз,
Воды бурно катят вниз,
Лишь прощальные гудки
Оглашают бег реки!
Сказка юности скончалась –
Нежность к острову осталась!

Этот остров был любимым местом отдыха казанцев, хотя добраться до него было непросто. Сначала около 7 км на трамвае, а затем надо найти лодочника, который бы согласился перевести вас на остров. Обратный путь тоже был сложен. Иногда мы не могли нанять лодку, чтобы вернуться в город, и оставались ночевать на острове. На острове был ресторан-кафе, где вы могли перекусить и что-то выпить. Но, как правило, люди (и мы в том числе) брали провизию с собой, не надеясь на общепит. Мы купались, загорали, играли в волейбол, футбол, устраивали импровизированные соревнования по прыжкам в длину (с разбега и с места). В общем, резвились как щенята. Мы никогда не брали с собой спиртного, но проводили время очень весело и изобретательно. Обычно мы уезжали целой компанией, человек 6-8: 3-4 пары парней с девчатами.

После первого курса (1952 г.) летом я работал вожатым в пионерском лагере в Васильево (примерно час езды от города). Лагерь располагался в чудесном сосновом лесу. У меня была так называемая нулевая группа (20-25 ребят) учеников 9-10-х классов. Работа была сложная, так как у нас разница в возрасте была мизерная (год-два), и мне было необходимо найти с ребятами линию поведения, укрепить контакт и установить правила игры, чтобы они как-то меня слушались. Здесь мне очень помог спорт. Я их всех увлёк плаванием, волейболом и лёгкой атлетикой, так как во всех этих видах был почти профи. Я стал для ребят авторитетом, и наши взаимоотношения укрепились. Были в группе и конфликтные ситуации (из-за излишнего гонора одного фехтовальщика и из-за девочек), но благодаря моему окрепнувшему авторитету, мне удавалось все конфликты улаживать мирным путём. Я спал с ними вместе, в одной палате, хотя имел персональную, небольшую комнату в домике пионервожатых. Пионерлагерь находился довольно далеко от Волги, и мы обычно плавали в рядом расположенном озере. На Волгу мы выбирались редко, и купание всегда было особо ответственным делом для пионервожатых. Мы должны были обеспечить безопасность купающихся ребят. Запомнились увлечения ребят моей группы девочками из соседней группы. Ребятам было по 14-15 лет, сложный возраст. Пора влюблённостей, увлечений, полового влечения, естественный отбор, симпатии и антипатии. И со всеми этими проблемами я вместе с ребятами по вечерам разбирался в спокойной, доверительной обстановке. Помню, какой для меня был праздник, когда ко мне приехала Тамара. Я перезнакомил её со всеми пионервожатыми, она всем понравилась. И она себя в нашем коллективе

также чувствовала комфортно. К сожалению, её пребывание было очень кратким. Она торопилась домой на какое-то семейное торжество.

Возвращаюсь к делам институтским. Особых радостей занятия в институте мне не приносили, и я с нетерпением ждал специализации, которая начиналась с 3-го курса. Все общеобразовательные предметы, как то начертательная геометрия, аналитическая математика, физика, неорганическая и органическая химии, термодинамика, коллоидная химия и т.д. расширяли мой мир познания окружающего мира и только. А как хотелось быстрее влезть в профессию! Я мечтал о синтетических каучуках, что в последующем и состоялось. Но обо всём по порядку. Должен был быть пройден определённый путь длиною в несколько лет, пока я смог понюхать каучук и понять, «с чем его едят». Второй курс (общеобразовательный) я закончил успешно.

Летом, в течение двух месяцов, я был на военных сборах в специальном лагере под Казанью, где постигал премудрости лагерной, военной жизни. Из нас готовили офицеров-артиллеристов запаса. Это был нудный, скучный и противный период жизни: муштра, чистка сортиров, ранний подъём (5 утра), сон в палатке на 20-25 человек с запахом пропотевших портянок, марш-броски (с полной выкладкой) в сапогах на 5-10 километров с пробежками, работа в столовке, строжайшая дисциплина, неукоснительный график и т.д. Всё это, включая подлого и злющего старшину-человеконенавистника и самодура, не прибавляли нам оптимизма и радости. Я вспоминаю лишь те светлые мгновения, когда бывали занятия по спецпредмету: стрельбе из орудий (холостыми) под руководством офицеров-югославов, застрявших в СССР после войны. Это были два замечательных парня, мечтавших побыстрее вернуться на Родину. Они были мягкие, интеллигентные, образованные, красивые ребята, сглаживающие наше беспросветное существование. Какой огромный контраст был между ними и нашими, отечественными солдафонами! Не передать словами. Слов не хватит! Кстати, в качестве справки: в стране был порядок, что, если в вузе была военная кафедра, то студентов этих вузов не призывали на военную службу, а готовили из них офицеров запаса на кафедрах (теоретическая часть), а пракческую часть – на военных сборах в спецлагерях. В Казани был такой базовый военный лагерь, где проходили подготовку студенты некоторых волжских вузов.

И вновь к студенческим делам. Я продолжал разрываться между учёбой, спортом и массой других увлечений. Времени катастрофически не хватало, а ведь ещё и девочки. С этим вопросом у меня в институте

было не всё ладно. У нас была шефиня группы, Клара Семёновна Книрик. Чудесная, красивая, интеллигентная женщина с кафедры неорганической химии. Как сейчас помню, однажды она пригласила меня на приватную беседу. Она заявила мне, что девочки нашей группы ей жаловались, что я им не уделяю должного внимания. Это была явная подстава, как я сейчас понимаю. Просто она хотела, так как мальчиков в группе было мало, чтобы мы поухаживали за девочками. Я не стал спорить и оправдываться и, сославшись на занятость, пообещал исправиться и наладить дружеский контакт с женской половиной нашей группы. Об этом разговоре мы со смехом вспоминали с Кларой Семёновной во время 15-летнего юбилея окончания института в 1971 году. Так незатейливо, в трудах праведных, развлечениях и увлечениях текла студенческая пора. Ниже приведу несколько стихотворений, отражающих этот период.

Альма Матер

Альма Матер, Альма Матер,
Дом науки и добра,
Там оставили навечно
Свои юные сердца.
Ты сплотила нас, вскормила,
Воспитала, обучила,
Научила нас, как жить,
Как друзьями дорожить.
Ты нам мягенько стелила,
Нас легонечко журила,
Наставляла, как детей,
Но не лила нам елей.
Ты была порой строга,
Но сердечна и добра,
Справедлива, неворчлива,
И нисколько не злоблива.
Ты была нам словно мать,
Позволяла нам гулять,
Ты вела по жизни нас
И спасала в трудный час.
Педагоги были страстны,
Но судили беспристрастно,
Нас вели к вершинам она
По известным им законам.
Альма Матер, Альма Матер,
Не забыть тебя вовек,
Славных дел искусный мастер,
Продолжающий свой бег!!

Этот стишок посвящён Соне Бельдер-Дивгун, моей сокурснице.

Сегодня Праздник у людей,
Его не омрачит дождливая погода,
Мы отмечаем Сонин Юбилей
И сколько собралось народа!
Я помню твои юные года,
Твой колокольчиком звенящий смех,
Твои огромные глаза,
И радость на лице для всех.
Была ты девочкой прелестной,
К наукам проявляла интерес,
Была студенткой ты прилежной
И звёздочки хватала ты с небес.
Да, были мы когда-то
Ей-ей, как короли,
Ребята и девчата
Из КЭХЭТИ.
Нам было всё возможно,
И в снег, и в дождь, и в зной,
Влюблялись поголовно,
Бросаясь, словно в бой.
Долбить не забывали
Все химии подряд –
А ты же успевала
Сразить ещё ребят!
Не спас её Соцлагерь,
Наш лагерь был сильней
Не только лишь ракетой,
Но храбростью парней!
Сменив в инициале
Лишь букву Б на Д,
Вдруг Соня ощутила
Опору на земле!
Не знала Соня скуки,
Рожала пацанов,
Толкала вверх науки,
Растила удальцов.
И вот Вам результаты,

И здесь всё налицо –
Все в Сонин день рожденья
Даруют ей кольцо:
Кольцо нежных объятий
Детей, Друзей и внуков,
Целующих у Сони
Натруженные руки.
Пусть так же светятся глаза,
Пусть будет мысль остра,
Пусть никогда не гаснет
Всевышним данная Искра!

Третий курс, 1953-1954 годы

Наиболее запоминающийся момент – это летняя практика на Бондюжском химзаводе. Бондюжский химзавод – очень старое предприятие отрасли, производящее серную кислоту и некоторые соли этой кислоты. На этом заводе ещё когда-то работал Менделеев. Ныне этот городок переименован и называется Менделеевск в составе Татарстана. Он находится на высоком берегу Камы, недалеко от Набережных Челнов, Нижнекамска и Елабуги. Мы плыли туда из Казани на корабле 2 дня. От пристани пешком добирались до общежития завода. Месяц пролетел незаметно, не добавив к нашим знаниям ничего. Оборудование на заводе было очень древнее, трубы худые, латаные-перелатаные, автоматики никакой. Весь режим технологический поддерживался вручную. В общем, страх Господний. Ужасная картина деградации. Но предприятие как-то работало и жило. Как это им удавалось, одному Богу известно.

На личном фронте никаких особых изменений не происходило. Я был с Тамарой по-прежнему в дружеских отношениях. Я чувствовал, что они заходят в тупик. Тамара должна была заканчивать вуз на следующий год, так как у неё было 4-летнее обучение, я же не мычал и не телился, даже не намекал на женитьбу. Но она была на 2 года старше меня и ей, конечно, домашние давали понять, что ей, русской по национальности, от меня не стоит ждать предложения. А, кроме того, я должен был ещё 2 года учиться, а потом выяснилось, что даже 3 года, так как наш выпуск был задержен на год и нам добавили курс автоматики, теорию и практику на Воронежском СК. У Тамары,

видимо, были серьёзные кавалеры из соседней с её домом лётной школы. Так всё и произошло. Мы мирно расстались. Этому способствовало моё знакомство с Рэной, моей будущей женой. У неё ситуация была похожая: она к этому времени рассталась со своей первой любовью и находилась также на перепутье. Наше знакомство произошло в 1954 году, после 4-го курса. В тот год было много событий: началась специализация на кафедре синтетического каучука, возглавляемой профессором В.А. Абрамовым. Летом намечалась поездка в г. Тбилиси на всесоюзные соревнования среди студентов по волейболу, намечался отдых на Черном море. Но обо всём по порядку.

Я уже писал выше, что, повздорив с отцом, я оказался отлучён от Чёрного моря и проводил то лето с ребятами в построенном нами лёгком домике на берегу Волги в Пустых Морквашах, рядом с домом отдыха. Там-то и произошла наша встреча с Рэной в танцзале. Я её заметил и пригласил потанцевать. На неё также обратил внимание и Валя Кравцевич (мой знакомый), но она, я чувствовал, отдавала предпочтение мне. События развивались стремительно, и мы после этого лета практически не расставались и поженились через год. У меня было всё время какое-то приподнятое настроение. Я как бы находился всё время под кайфом. Конечно, я нервничал. Она была очень красива. Как мне говорил мой старший брат, самая красивая девушка в городе. Я тоже так считал и боялся конкуренции. В действительности, было чего и кого опасаться! За ней пытались ухаживать многие ребята. Но она выбрала меня – мы любили друг друга, хотя было всё и непросто. Например, я должен был ехать в Тбилиси на соревнования. Она мне заявляла, что если я не поеду с ней в Ригу отдыхать (а это было в то же время), то между нами будет всё кончено! До чего она была своенравна, строптива и избалована мужским вниманием. Я не мог не ехать на соревнования, не мог подвести команду. Да, честно говоря, я очень хотел повидать замечательный город Тбилиси. Я уехал на соревнования, а Рэна уехала в Ригу. Но перед нашим расставанием я упросил её встретиться в Москве на обратном пути, на Казанском вокзале. Мы встретились, и она мне так вкрадчиво заявляет, что она выходит замуж. Ей в Риге сделали предложение. У меня всё помутнилось в голове, и я, ничего не соображая, тихо вышел из здания вокзала и пошёл в сторону Преображенки. Вдруг я услышал за собой стук каблучков – это была Рэна. Оказалось, что она пошутила! Ничего себе шуточки! В конечном итоге, всё уладилось, и мы вместе вернулись в Казань.

Был ещё случай. Я пригласил Рэну к нам в КХТИ на вечер. Я познакомил её со своими сокурсниками, и мы танцевали вместе почти весь вечер. Но мне было как-то неловко перед нашими девчатами. Я извинился и пригласил нашу девочку на танец. Когда танец закончился, я Рэны в зале не обнаружил. Она обиделась, пошла вниз, взяла на вешалке пальто и ушла домой. Я её смог догнать только в передней её дома и долго её просил меня простить. Обещал, что такого больше не случится никогда. Был прощён. Но какова? А?

Из стремительно развивающихся событий могу отметить три момента.

1. Благотворное влияние Рэны на меня. Она была все годы круглая отличница, а я середнячок. И вот, не желая отставать от моей невесты, я подналёг на учёбу и вышел в круглые отличники.

2. Отъезд иностранных студентов из Казани из-за отсутствия продуктов питания. Наших иностранцев перевели на 5-й курс в Москву, и они заканчивали обучение в МХТИ.

3. Наш курс получил карт-бланш. Ты мог закончить обучение и выпуститься из института с дипломом инженера химика-технолога или, продлив обучение на год, приобрести вторую специальность, инженера химика-технолога и инженера по КИП и автоматике. Вторая специальность была в то время очень востребована в отрасли. Я и начинал работать мастером в цехе КИП на Казанском заводе СК. Но это случилось позже. А пока впереди был 5-й курс обучения, практика на Ереванском заводе СК, женитьба, новые курсы по КИП и автоматике, преддипломная практика на Воронежском заводе СК и защита диплома. Эти события по времени заняли 2 года. Я закончил институт в 1955 году, защитив дипломную работу на отлично.

Хочу отметить ещё несколько моментов в студенческой жизни:

- осенние поездки на сбор картофеля,

- работа в научном кружке на кафедре СК,

- курьёзный случай, когда у меня в лаборатории взорвалась колба с серной кислотой, и мой новый костюм разлезся на глазах, к счастью кислота на лицо не попала. Меня из профилактических целей раздели и уложили в ванну со щелочным слабым раствором. Я остался в лаборатории почти голым. Позвонил домой Рэне, чтобы она принесла что-нибудь из одежды. А у неё эта ситуация вызвала лишь взрыв смеха. Хорошо, что она не понимала, что я мог лишиться зрения!

- встреча в Воронеже с нашими польскими сокурсниками, которые из Москвы тоже были на заводе на практике.

- встреча в Ереване с Ван Лином, моим сокурсником, который с 4-го курса был переведён в МХТИ.

- первая студенческая свадьба в группе, поляка Юрека Копытовского и румынки Никуцы.

- увлечение оперой («Иван Сусанин», «Риголетто», «Князь Игорь» и т.д.).

- увлечение театром и кино. Я часто бывал в просмотровом зале на фабрике киноплёнки. Я помню потрясение после просмотра трофейных американских фильмов: Тарзан, Джорж из Динки джаза, Тётка Чарлея, Серенада солнечной долины, Девушка моей мечты, Индийская гробница, Марко Поло и др. А актрисы - Дина Дурбин, Марика Рёкк! Это было захватывающее зрелище, надолго засевшее в моей памяти.

- увлечение шахматами и преферансом.

- традиционные вечеринки у Ани Цимириновой дома с неизменными сибирскими пельменями.

- спортивные баталии на первенство института и города среди студентов.

- наше бракосочетание с Рэной.

Мы поженились в Рэнин день рождения 19 апреля 1955 года. Многое выветрилось из памяти, но этот день 59-летней давности навечно, пока я жив, останется в моей памяти!

Свадьба была чисто студенческая. С обеих сторон были наши сокурсники-товарищи и друзья. Конечно, родители. Был мой двоюродный брат Борис с женой Идой, приехавшие из Москвы. Свадьбу справляли в доме моих родителей. Было очень шумно, весело и пьяно. Борис с Идой подарили нам замечательную чешскую хрустальную вазу, которую мы сохранили до сих пор. О других подарках и деталях свадьбы ничего не помню. Помню лишь то, что мы были с Рэнулей по-настоящему Счастливы!

Я уже писал, что мы с Рэной встретились в доме отдыха «Пустые Моркваши», в одном из лучших домов отдыха, расположенном недалеко от Казани вверх по Волге. Это было чудесное место. Дивная река, прелестный пляж с отличным, мелким, чистейшим песком. В реке водилось много рыбы, и я не помню, чтобы мы с ребятами, живя дикарями в лёгком домике на каменистом берегу Волги, имели когда-нибудь проблемы с едой. На пляж мы добирались, переправляясь на лодках на другую сторону реки, или, выказывая молодецкую удаль, переплывали реку, хотя ширина реки была приличная, километра два-три, и было сильное течение на стремнине. Нашим повальным

увлечением было ныряние на спор. Нужно было так глубоко нырнуть, чтобы достать песок со дна реки (метров 6-7) и продемонстрировать его своим соперникам-друзьям.

Начинался новый этап жизни – Казанский завод синтетического каучука (1956-1963 г.г.)

Этот завод был построен в 30-е годы по процессу академика Лебедева: газофазная полимеризация получения бутадиенового каучука. Аналогичные заводы были построены в Воронеже и Ярославле. Основным сырьём служил этиловый спирт. Я начинал работать в цехе КИП, в экспериментальной группе. Задачей этой группы было приспособление серийных приборов к технологическому процессу производства. Руководитель группы Розанов в это время бился над своей разработкой, автоматизированным pH-метром, пытаясь его поставить на поток для автоматизации дегидратации спирта. Вот на этот участок работы Розанов и “бросил” меня. Этот прибор устанавливался в горячем цеху, где температура воздуха была в районе 45-50 градусов. И я был вынужден работать по наладке этого прибора целый рабочий день. У пульта управления работало несколько аппаратчиц, и на них были направлены раструбы вентиляционных систем. Нужно сказать, что эти женщины работали в свободных, балахонного покроя одеждах и, как мне казалось, не имея на теле более ничего. Я же работал несколько в стороне, где не было вентиляции, и я, потея и проклиная эту службу, был вынужден за мизерную зарплату вкалывать, снимая показания этого явно неудачного детища. Этот прибор так в дело и не пошёл. Другой работой была попытка автоматизации процесса фильтрации, промывки при производстве катализатора по показаниям солемера. Эта работа также рухнула, не дав положительного результата.

Разуверившись в советском приборостроении, я стал подумывать о настоящем деле: основной технологии. И, как это нечасто случается, его величество случай помог мне выбрать дальнейший путь. А произошло это так. Я принимал участие в работе комсомола завода. Был даже замсекретаря у девушки, которая вскоре, вышедши замуж, уехала по месту жительства супруга. После её отъезда я был автоматически возведён в её сан, став секретарём комсомола завода. Но в это же время у меня появилась возможность уйти в аспирантуру

к Козлову на нефтяную кафедру КХТИ. А тут подоспели перевыборы секретаря ВЛКСМ завода. На собрании я поведал, что, видимо, скоро уйду в аспирантуру. Собрание, приняв это во внимание, оставило меня в покое, и секретарём избрали другого человека. А затем наш главный инженер А.М. Зенитов (он у нас на защите дипломе был председателем экзаменационной комиссии) неожиданно предложил мне место зам. начальника цеха производства первого в СССР силоксанового каучука. Я загорелся этой идеей и остался работать на заводе в новом качестве. Меня формально назначили зам. начальника 14-го цеха, выпускающего латекс ДВХБ, используемый на соседнем заводе Искож. Рядом с этим цехом располагалась площадка строительства нового производства. В его технологической схеме, выполненной Гипрокаучуком по регламенту ВНИИСКа, была представлена схема миниатюрного завода от подготовки сырья до получения полимера. Площадка была обнесена ограждением с колючей проволокой и охраной. Работали зеки, для которых в первую очередь был постоен бытовой корпус, который в последующем стал административно-бытовым зданием этого производства. За строительство отвечало СМУ (директор Эпштейн). С ним мне часто приходилось встречаться на оперативных совещаниях у директора М.С. Позднякова. Я весь трудовой день практически проводил на стройплощадке, особенно когда начался монтаж оборудования и трубопроводов. Мне приходилось часто бывать в Москве – "выбивать" оборудование для производства. Бывал я также и во ВНИИСКе в Ленинграде и в Данково, где производилось сырьё для нашего производства, диметилдихлорсилан. К этому времени относятся мои знакомства с Т.Н. Ратнер, завлаб в ЦЗЛ нашего завода, с Борисом Нагирнером, начальником опытной установки, с А.В. Карлиным, профессором, завлаб во ВНИИСКе, с ребятами из Гипркаучука: Н.М. Староминским, Ю.М. Шевяковым, Ю.Г. Шапошниковым, Ю.М. Рохлиным и др. Со многими из них у меня сложились хорошие, товарищеские отношения. А с ребятами из Гипрокаучука я в последующем проработал вместе долгие 28 лет!

Приближался день пуска производства, а необходимых насосов для перекачки опасного продукта не было, так как советская промышленность таких насосов не выпускала, а валюты на их закупку в капстранах выделено не было. Хотя малая толика оборудования была всё же закуплена в капстранах: эмалированный гидролизёр и фарфоровый насос для перекачки соляной кислоты. Я встретился здесь с курьёзом. Видимо, по ошибке Гипро в гидролизёре не был предусмотрен

штуцер для вывода продукта. Нам пришлось срочно-спешно заказать эмалированую царгу на Дзержинском химмаше специально только для того, чтобы разместить на ней этот злополучный штуцер. А по насосам, для перекачки флегмы на узле ректификации пришлось поломать голову нашим рационализаторам. Я с этими предложениями об усовершенствовании обычных водяных насосов поехал в Москву для согласования и оформления протокола. Сначала меня бросили в Гидромаш – разработчик и главный законодатель по этой теме в Союзе. Там я получил полный и безоговорочный отказ. Затем я помчался в Гипро. Там только смелость и решительность директора института А.Ф. Зиновьева спасла положение. Он просто заставил нач. отдела оборудования Гипро завизировать протокол, после чего утвердил его, что открывало нам дорогу к пуску производства.

Много времени отнимала подготовка технической документации и подбор персонала. Я в одном лице, исполняющий роль и нач. цеха, и главного технолога, должен был решать все эти вопросы. Составление инструкций по рабочим местам, инструкции по ТБ и т.д. занимало уйму времени. А ещё комплектация аппаратчиками, слесарями и ИТР – всё это требовало разрешения. Кстати о зарплате. Моя первая зарплата была 880 р. в месяц (в старых деньгах). Как зам. нач. цеха я стал получать 165 р. в месяц. В новых деньгах. Но всё равно денег не хватало. Запросы семьи увеличились на одно милое и чудное создание в марте 1960 года. Я стал подрабатывать, тренируя заводскую волейбольную команду, и преподавать в ПТУ технологию СК и КИП своим будущим аппаратчицам (как потом выяснилось). Группа была в основном девчачья: 16-17-летние девушки. Некоторые из них были очень смышлёными и быстро в последующем поднялись по работе.

Рождение ребёнка (1960 г.)

Рэна, закончив университет, получила работу в качестве МНС в филиале Государственного Оптического Института в Дербышках. Чтобы оградить Рэну от транспортных проблем (1-1.5 часа пути в одну сторону), мы сняли комнату в Дербышках, откуда я с трудом добирался до работы и обратно. Рэна 13 марта 1960 года родила очаровательное создание – Танюшеньку. Черноглазая, с волосиками на голове девчушка с вполне приличным весом и габаритами. Ну и вся жизнь после этого завертелась вокруг неё!

Возвращаюсь к рабочей теме. Пуск производства состоялся в 1962 году. Я дневал и ночевал в цехе. Но, в целом, всё прошло успешно, и производство начало жить. Было несколько курьёзов:

- воровство. Девочки стали замечать, что у них стали пропадать мелкие деньги из шкафчиков в бытовках. Они сказали мне об этом, и мы решили выследить воровку. Стали дежурить посменно, закрывшить в шкафчике. Так была выявлена воровка, которую мы проработали на товарищеском суде. Далее она была уволена с завода.

- милицейский протокол на слесаря. Это был татарский деревенский паренёк, очень мирный и спокойный. Но вот из протокола следовало, что он, едучи в трамвае №4, откусил кому-то часть уха. Разбираясь с этим делом, мы выяснили, что к нему пристали какие-то пьяницы в трамвае и стали его избивать. А он худенький, слабенький, ничего не нашёл лучшего, как вцепиться зубами в ухо одному из обидчиков. Мы составили протокол товарищеского суда и отправили его в милицию. Дело закончилось мирным путём, и мы взяли его на поруки.

- технологические аварии. Их было много и чаще всего они случались в ночную смену, так как в это время внимание аппаратчиков всегда бывает ослаблено из-за сонливости. В эти годы на пуске производства, в Казань часто наведовался из Питера проф. А.В. Карлин Он бывал и у нас дома. Ужинали, обсуждали возможный вариант моего переезда в Питер на работу во ВНИИСК, на опытный завод. Однако это не состоялось из-за жилищных проблем.

Начиная с 1955 года и до нашего переезда в Москву, мы с Рэной, а затем и втроём с Танюшей каждое лето отдыхали на юге, на Черном море. Это были Сочи, Гагра, Дагомыс. Обычно мы отдыхали диким путём. Лишь в Дагомысе мы отдыхали организованно, по путёвкам. Южный колорит, чистое безоблачное небо, солнце, море, фрукты, молодость, жажда жизни и новых ощущений, новые знакомства доставляли нам много радости. Мы подолгу плавали, загорали, играли в карты, путешествовали, фотографировались и наслаждались жизнью. Бывали, правда, и курьёзы. Отдыхая как-то раз в Сочи, мы не обратили внимания на дату и время отправления нашего поезда из Сочи на Москву. В этот вечер, я хорошо помню, мы были на представлении гастролировавшего в Сочи Московского театра имени Моссовета. Давали спектакль «Милый Лжец» в главных ролях с Любовью Орловой и Ростиславом Пляттом. Спектакль нам очень понравился, и мы, довольные спектаклем и собой, в 10 вечера вышли из театра. И тут Рэна решила навестить казанских родителей её подруги, Гули

Батуровой, которые в это время тоже отдыхали в Сочи. Нас радушно встретили, и мы были усажены выпить чайку. Вот так, спокойно попивая чаёк, думая, что наш поезд уходит из Сочи завтра в ночь, мы беседовали, и ничего не омрачало нашего настроения. До тех пор пока мама подруги Рэны не спросила, а когда же вы уезжаете? И только здесь до нас дошло, что поезд отправляется в Москву в эту ночь, а не в завтрашнюю. Где-то через несколько часов. О ужас! Как же нам успеть. Ведь мы далеко от съёмного жилья. Мы совершенно не готовы и не собраны. И здесь, в экстремальной ситуации и проявляется характер. Рэна поддалась панике, а я собрав волю в кулак, вытащив Рэну на улицу, стал ловить такси. Но, к сожалению... суббота, прелестный вечер, все машины расхватаны, и ехать не на чем. И всё-таки мне удаётся уговорить какого-то частника, и мы пулей помчались на хату. Свалили все сушившиеся шмотки в корзину, затарили чемодан и на этой же машине за 30 минут до отправления поезда прибыли на ж.д. вокзал. Без еды абсолютно. Помню отчётливо, что мне удалось на перроне схватить бутылку кефира и несколько бутербродов. В итоге, с грехом пополам, мы добрались до Москвы и далее до Казани. Этот случай относится к 1956 или 1957 году.

Помнится ещё один эпизод. Мы отдыхали в Дагомысе, в 2-3-х километрах от Туапсинского городского пляжа. Мы познакомились и подружились с парой из Киева, с которой обедали за одним столом и соседствовали по номерам проживания. Я не помню почему, но в тот день мы, не сговариваясь, поссорились с нашими половинками. Так вот, заплыв в море до контрольных буйков, я предложил Ивану схохмить и сплавать на Туапсинский городской пляж. Он согласился, и мы поплыли туда вдоль берега, не заплывая за буйки. Там мы застали фотографа из нашего дома отдыха. Сфотографировались на какой-то скале, отдохнули и поплыли обратно. Приплыв на наш пляж, мы застали там большое скопление лодок и ныряльщиков. Искали утонувших. Мы тоже с Иваном присоединились к поискам и стали нырять. Вынырнув в очередной раз, я вдруг услышал ругань. Оказывается, кто-то из ныряльщиков узнал Ивана и стал его лаять, так как искали нас! Выяснилось, что наши жёны подняли панику, решив, что мы утонули, так как мы долго не появлялись. Ну и досталось же нам на орехи от наших дам!!

Там же мы познакомились со Славой Мышаловым, студентом 1-го мединститута Москвы. Затем мы потеряли его из вида. Но по прошествии 15 лет я его встретил совершенно случайно в бассейне Олимпийского резерва, в Измайлово, в Москве. Я тоже ходил в

этот бассейн плавать, так как он находился очень близко от нашей московской квартиры на ул. Щербаковская. И вот однажды по дорожке передо мной плыл какой-то мужчина. Чем-то он мне кого-то напоминал. Приглядевшись, на повороте, когда я его почти догнал, я узнал в нём Славку. Он тоже меня признал и был неподдельно рад встрече. Он закончил мединститут и работал спортивным врачом. Уже в то время он был врачом сборной СССР по футболу при главном тренере К. Бескове и объездил с командой полмира. После этой встречи мы ещё несколько раз встречались, а затем окончательно потеряли друг друга.

Переезд в Москву (1963 г.)

Эта щемящая душу история достойна пера профессионального прозаика или драматурга. Началась она в 1962 году совершенно случайно. Гуляя по городу на площади у Дома офицеров, мы с Рэной увидели объявление об обмене комнаты в Люберцах Московской области на Казань. Требовалась 2-комнатная квартира в Казани. Вроде бы подходящий вариант. Я сразу связался по телефону с двоюродным братом Борисом, живущим по соседству в Томилино, чтобы он посмотрел эту комнату. Борис перезвонил через пару дней и поведал, что это не вариант, всё плохо. Но мы все равно разменялись...

Комната была 21 кв. метров в двухкомнатной квартире на первом цокольном этаже кирпичного большого дома. Обменщиками была семья Селютиных из 5 человек: мать, сын, его жена и двое детей. Отец, молодой парень, 34 лет, пьяница и бандит, только что вышедший из тюрьмы. Семье грозило из-за бесконечных пьяных драк выселение за 101 километр Московской обл. В другой комнате этой двухкомнатной квартиры жили мать и сын и его отчим. Серафима (мать) была законченной алкоголичкой, и мы два раза её вынимали из петли. Её сын – инвалид войны без руки, всё пропивал из дома. Они вечно дрались из-за спиртного, гоняясь друг за другом с топором, и матерились. Танюшка даже в садике заявила воспитателям, что ей не хочется идти домой, так как там соседи всё время дерутся и говорят на каком-то иностранном языке – это она мат принимала за иностранный язык. Вскоре их все-таки выселили за 101 километр, и к нам въехала приличная семья культработников из трёх человек, с которыми у нас сложились хорошие, добрососедские отношения.

Это был тот ещё обмен! В самый последний момент хозяин вдруг заявил мне, будучи под “газом”, что он передумал меняться. А

документы уже были на оформлении. Он куражился, требовал денег, заставлял его катать на такси по двору дома, чтобы соседи видели, какой он важный. В Быковском аэропорту, откуда мы летели в Казань для ознакомления с нашей квартирой, он вынуждал его поить и кормить в ресторане аэропорта. В итоге, со скрипом, обмен состоялся, и Рэна с Танюшкой уехали осваивать Люберецкое жильё. Меня же не отпускали с работы, так как производство находилось в стадии освоения, и я был очень там нужен. Будучи уже прописанным в Люберцах, я ещё более полугода жил у родителей и работал на заводе. Затем эта ситуация мне осточертела, и я попросил отца мне помочь с увольнением. Он попросил своего друга В.Н. Паршина помочь мне. Владимир Николаевич лечил зубы всему Татобкому партии. И я в миг, после звонка С.Л. Князева, 1-го секретаря Обкома по промышленности, был уволен. Получив трудовую книжку, попрощавшись слёзно с товарищами, я отбыл в Люберцы. Начинался новый, захватывающий этап жизни!

Мне было 29 лет. Никаких видов на работу мы с Рэной не имели. Как быть с 3-летней Танюшкой, мы тоже представления не имели. Но молодость нас вела вперёд. Мы были образованы, грамотны, за плечами был уже некоторый стаж работы. Мы были уверены, что всё как-то утрясётся. Главное, мы любили и поддерживали друг друга.

Люберцы (1963-1970 г.г.)

Люберецкий период нашей жизни был очень сложным. Нужна была работа. Никаких накоплений мы не имели, и помощи было ждать неоткуда. Да мы бы её и не приняли. Мы были воспитаны совершенно в другом ключе. Нужен был детсад для Танюшки, чтобы мы могли работать. Все эти проблемы нам казались неразрешимыми, но постепенно всё устроилось. С садиком нам помог Лазарь Саголович, наш казанский знакомый. Он в эти годы уже жил в Москве и работал Главврачом больницы в Перово. Обменяв путёвку в ясли на путёвку в детсадик, мы получили место в садике для Танюшки, находящемся в соседнем крыле нашего дома. С работой тоже, хотя и были проблемы, всё образовалось. Поиск работы – это отдельная история. О Рэне. Она как молодая, красивая женщина, но со всеми всплесками эмоций очень переживала сложившуюся ситуацию. На мою долю выпало, как и полагается мужчине, успокаивать её

и всячески поддерживать пошатнувшийся дух, который упал, как говорится, ниже плинтуса, усугублявшийся ещё совершенно незнакомой средой обитания и отсутствием каких-либо друзей и знакомых. Я помню, как в силу моего весёлого, склонного к юмору и шутке характера, взяв Рэну под руку, просил её не плакать и не хныкать. Я говорил: вот сейчас пойдём в сторону ж.д. станции и в первый попавшейся на пути институт зайдём, и там тебя обязательно примут на работу. И, что удивительно, так всё и произошло. Рэна, как зашла в ГИГХС, так 28 лет и не выходили из него. Она успела там защитить кандидатскую и докторскую диссертации, работала в последующим руководителем сектора и пользовалась там большим авторитетом и уважением.

Гипрокаучук (1963-1991 г.г.)

Я не сразу обратился в Гипрокаучук. Меня тянуло к исследовательской работе в области кремнеорганики, чем я в промышленном масштабе занимался в Казани. Я пробовал устроиться на работу под крыло законодателя этой отрасли науки, академика Андрианова, возглавлявшего Институт кремнеорганики в Москве. Первоначально по совету московских знакомых гипровцев (Шапошникова и Шевякова) я обратился в институт 4019, находящайся на шоссе Энтузиастов, недалеко от станции Новая по моей ветке электрички. Но там для меня ничего не нашлось, и они посоветовали мне обратиться в Институт кремнеорганики на Ленинском проспекте к академику Андрианову. Там требовался начальник опытной установки, что в принципе меня устраивало, кроме одного... Дорога! Транспорт. Мне пришлось бы на дорогу в один конец тратить от 2 до 2,5 часов. А когда же жить?! А ведь так хотелось, в Москве столько соблазнов: театры, концерты, музеи, стадионы и т.д. и т.п.! В итоге, я эту идею бросил и обратил свой взор на Гипрокаучук, тем более, что он находился недалеко от ж.д. станции Электрозаводская, от которой я на троллейбусе за несколько минут добирался до Гипрокаучука. В целом у меня на дорогу уходило 45-50 минут. Это было вполне сносно. До станции в Люберцах я добирался на автобусе за 10-15 минут или пешком до станции Панки за тоже время. В итоге, я обратился в Гипрокаучук, предложив там свои услуги. К этому было много предпосылок, хотя процесса проектирования я совершенно не знал и этому не учился. Но я строил, пускал и осваивал

производство силоксанового каучука по проекту Гипрокаучука, и мне приходилось сталкиваться по техническим вопросам со специалистами института, которые частенько приезжали к нам в Казань. Так что многих гипровцев я знал и со многими у меня сложились неплохие отношения: Н.Н. Чернов (главспец техотдела), Ю. Шевяков (главный инженер проекта), Ю. Шапошников (главный инженер проекта), Ю. Рохлин (нач. отдела), Н. Староминский (главный инженер проекта) и другие. Молодая поросль института посоветовала мне обратиться к Н. Чернову, что я и сделал. Он представил меня Б.С. Короткевичу, главному инженеру института. Тот во время отпуска директора института, А.Ф. Зиновьева, замещал его. Он меня выслушал, о чём-то спросил (я уже не помню, о чём), и я был назначен руководителем технологической группы в 5 МТО, создавшее проект производства силоксанового каучука, который мы строили и осваивали в Казани. Так что мне на первых порах пришлось исправлять замечания к проекту второй аналогичной установки, составленные мною, когда я работал зам. нач цеха в Казани. Моя зарплата была 165 р. Жизнь входила в нормальную колею. Мы не меняли место работы ни разу вплоть до эмиграции в Израиль в декабре 1991 года. Мои воспоминания о гипровцах я изложил в нижеприведенных стихах.

О Гипро, гипровцах и друзьях

Гипро

(на мотив «Городок наш ничего...»)

Был наш Гипро ничего,
Под знамёнами его,
Веселились и трудились
Люди духом ого-го.
Саша, Саша, Зиновей,
Каждый третий был еврей,
Что бы было в нашем доме,
Если б каждый был еврей?!

Ты ведь умных привечал,
Ты трудяг ведь уважал,
Почему же ты евреев
Полной мерой не добрал?
Зиновей говорит:

Потому что, где еврей,
Там стране всегда больней,
Так что в нашей "синагоге"
Было б мало трудодней!

Ну зачем же, Саша, так,
Синагога – не бардак,
Синагога для людей,
Там еврей в среде своей.
Зиновей говорит:

Вот послушай, что скажу,
Я их строго не сужу,
Ведь их долгий, длинный путь
Хоть кого мог "изогнуть".
А они ведь как-никак,
По пустыням "на рысях",
Унеслися от беды,

Чуть живые от жары.
Оседлали жизнь свою
И построили страну.
Так что вот вам мой ответ:
Нам без них спасенья нет!

Шаинский Яков Борисович

Ни композитор, ни поэт,
Наш Яша тонкий был эстет.
Как упоительно звучала
Его бессмертная тирада:
Лгунам говаривал он сухо:
"Не б..и, пожайлуста, мне в ухо!"

Мандельштам Елена Яковлевна

Она блистала в техотделе
Телосложеньем, головой.
Она была "железной леди",
Не терпящей покой!

Чернов Николай Николаевич

Наш Коля был серьёзный малый,
Пустых затей не одобрял,
Из плевел изымал немалый,
Для дела нужный капитал!

Бережковская Маргарита Ефимовна

У ней была масса достоинств:
Могла любого послать,
Ещё могла без простоев
Всю ночь анекдоты "толкать"!

Дубовицкий Иван Иванович

Он был помолвлен с Темир-Тау,
И хоть росточком был он мал,
Но для казахского бомона
Он был российский Ганнибал!

Ефимова Клавдия Романовна

У Клавы было всё добротно:
Характер, помыслы, душа.
Она была дородна,
Но с тонкостью вела дела.

Елизарова Зинаида Александровна

Она была невинна, но строптива,
Её никто не мог сломать,
И как ни гнули её командиры
Она могла за Гипро постоять!

Вильдман Галина Давыдовна

Блистая чёткою огранкой,
Огонь весь вызвав на себя,
Она была приманкой сладкой,
В себе изящество храня!

Архаров Сергей Николаевич

Среди архаровцев любых мастей
Серёжа был их всех умней,
Частенько, будучи под газом,
Начальство посылал он, не моргнувши глазом!

Кудинова Ирина Константиновна

Ирина легкомысленно жила:
Шутила, пела и плясала,
Худые мысли от себя гнала
И вечный праздник обожала!

Чухров Эдуард Борисович

Наш Эдик был во всём упорен
И каждый год приплод имел,
Он был всегда и всем доволен
И видел в детях свой удел!

Староминский Наум Михайлович

Наум был “сердцеед” районного значенья:
Он был всегда под напряженьем.
Страдали женщины в округе
От посягательств на их руки!

Петров Владимир Петрович

Он в вечность устремлён,
Ему бессмертья хочется,
Но был он так смешон,
Что просто обхохочешься!

Шевяков Юрий Михайлович

Наш Юра Гипро поразил,
“Схвативши” Волгу в лотерею.
Он Гипам стол накрыл,
Но от того не стал беднее!

Гольдфарб Исаак Романович

Для Гипро Изя был незаменим,
Он представлял заметную фигуру,
Его портрет всегда был неделим,
Являя цельную натуру!

Фалькович Зинаида Александровна

В её головке зрели планы,
Бесстрашно их она вела,
И никакие ураганы
Не погребут её дела!

Барановский Анатолий Фридрихович

Он был отличный инженер,
Добротный, сильный менеджер,
Ускоренно товар давал,
Чтоб Гипро не накрыл обвал!

Кнапп Сергей Иосифович

Сергей был инженер от Бога,
Но очень уж строптивым был,
Он, подвергаясь всяческим угрозам,
От принципов своих не отходил!

Зиновьев Александр Фёдорович

Зиновьев в памяти остался навсегда
Как добрый, справедливый человек.
О нём кричат его дела,
Оставившие след навек!

(*Вариант*)
Он не боялся никого
И власть умел употребить,
Но если полюбил кого,
То мог Судьбою наградить!

Короткевич Борис Сергеевич

Сергеич – крёстный мой отец,
Он нас спасал от разных бед,
Душа его была чиста,
Как родниковая вода!

Глейберг Нелли Израилевна

Сумгаит, Тольятти, Кама,
Где бутил рожала дама,
Помнят Нелечку добром,
Шлют родильнице поклон!

Зельцер Аркадий Иосифович

Аркадий был, как заместитель,
Большой воитель и мыслитель.
Он много сделал для Тобола,
Тянувши воз заместо вола!

Теплицкий Евгений Александрович

Для Гипро Женя – знаковый сюжет,
В любом проекте есть его заслуга.
Он славный малый, наконец,
Что подтверждает его милая супруга!

Кулаков Фёдор Владимирович

Фёдор был во всём орёл:
В деле, розыгрыше, шутке.
Фёдор славу приобрёл,
В преф гоняя сутки!

Хинчин Владимир

Эстрада много потеряла,
Что Хинчина не замечала.
Он прирождённый КВНист,
Блиставший юмором солист!

Скачкова Нина Андреевна

Скачкова Нина многое умела,
Она была проматерь изопрена,
Её ценили и любили все
На нашей Гипровской земле!

Моя карьера развивалась очень динамично: 1964 г. – зам. главного инженера проекта (180 р.), 1964 г. – главный инженер проекта по Нижнекамскому НХК (220 р.), 1986 г. – зам. главного инженера института (250 р.). С 1986 года по 1991 год я был руководителем совместного проекта Сoвбутитал с итальянской компанией Прессиндустрия (Милан). Строительство завода бутилкаучука было намечено в Тобольске на нефтехимкомбинате. До этого было много событий: 1973, 1983 г.г., я был дважды награждён премией СМ СССР за наиболее выдающиеся проекты и строительство по ним. В 1976 г. я был награждён орденом Трудового Красного Знамени за работу в 9-ой Пятилетке. В Гипро я проработал 28 лет вплоть до эмиграции в Израиль. Это обширная тема, и я, по-видимому, в будущем о работе в Гипро напишу отдельно. А сейчас я хотел бы остановиться на моих странствиях.

Польша (1968 г.)

В 1968 году по приглашению Эдварда Гживы, моего сокурсника по Казани, я с Рэной и Таней провели целый месяц в Польше. Две недели Эдик был с нами. К этому времени все польские друзья здорово продвинулись по работе. Эдик стал директором НИИ, а Юрек Копытовский – директором проектного института. Эдик уже тогда был доктором химических наук. Это было чудесное время. Мы повидали очень многое: Варшава, парк Вилянов, Закопане, Освенцим, Живецкое озеро, Катовицы. В это время в Варшаве проходила неделя дружбы Москвы и Варшавы. Вечером, ужиная в ресторане, мы в первый раз видели довольно близко за соседним столом Марка Бернеса, возглавлявшего застолье работников культуры двух столиц. В Освенциме, где жили родители Эдика, мы осмотрели музей концлагеря. Мы смогли осмотреть только один барак, так как это нечеловеческое, каннибалисткое, отвратительное зрелище, которое, кроме отвращения к наци – извергам и убийцам, ничего вызвать не могло. Мы были потрясены.

Мы побывали в каком-то грандиозном по площади ботаническом саду. Не помню где. Но сам осмотр мне запомнился. Мы ездили на подвесном люлечном конвейере на высоте 3-5 метров от земли. Этот конвейер медленно продвигался по обширной территории сада, и мы по два человека в люльке осматривали это великолепие.

В течение двух недель, перед нашим отъездом, мы отдыхали в горах, где сливаются Чёрная и Белая Виселки, образуя полноводную Вислу, в доме отдыха азотно-тукового комбината. Запомнились несколько моментов: вечер знакомства отдыхающих; все прилично напились, и нас с Рэной на стульях подняли наверх на руках и заставили целоваться; ужин в аппартаментах приехавшего директора комбината. На ужине был оживлённый разговор о политических событиях в СССР и Польше. Нас пытали о судьбе Солженицина, а мы, в свою очередь, напирали на мартовские антиеврейские события того года в Польше. В тот год в Польше был разгул антисемитизма, и евреев повально изгоняли с ответственных постов и вынуждали эмигрировать из страны. Эдик нам рассказывал о конкретном случае с его замом, которого он по требованию райкома партии вынужден был уволить. Эдик потом его встретил в Дании, хорошо устроенного и довольного жизнью. В доме отдыха было хорошее питание, отличный сервис. Мы ходили в походы, ездили на Живецкое озеро, играли в карты, в волейбол, плавали. В общем, всё было отлично. Запомнились: восхождение с Юреком

Копытовским (мой сокурсник по Казани) в Закопане с 2000 до 2500 метров над уровнем моря и спуском до нуля на своих двоих. После этого я 3 дня спускал ноги с кровати руками. Запомнилась и прогулка на плотах по горной реке Дунаец в Закопане. Мы приехали к старту, но все билеты были распроданы, однако нас взяли, только посадили порознь. Рэна попала в компанию к французам, а я – к полякам. Танюшка, бедная, осталась с Эдиком. Но всё-же нам удалось её немного прокатить на плоту, когда их возвращали обратно к старту маршрута. Там была традиция: гуцулы, которые шестами управляли движением плотов, затеяли игру, спрашивая, в какую сторону повернёт река за очередной горой. Все сидевшие на плоту (12 человек) делились на две группы, кто за лево, кто за право. Эта игра была на деньги, и в итоге в большую шляпу набралось приличное количество злотых. По окончании путешествия на эти деньги покупалось вино и лёгкая закусь и устраивалось застолье. Все были довольны и счастливы.

Отъезд

Это был самый неприятный момент нашего путешествия. Путь наш лежал из Катовиц до Варшавы и далее на Москву. Когда мы прибыли на ж.д. вокзал Катовицы, мы увидели какое-то напряжение и растерянность на лицах людей, ожидавших поезд. Нас провожал Эдик, который пошёл выяснять ситуацию. Оказалось, что нашего поезда не будет, так как он шёл из Праги, в которую россияки ввели войска для подавления восстания народа. Наш поезд на Москву уходил в определённое время, и мы уже начинали на него запаздывать. Неожиданно подошёл какой-то поезд, следующий из Праги, и мы поехали. Это был поезд с сидячими местами, с купе примерно на 6-8 человек. В нашем купе оказались какие-то молодые люди, возвращающиеся из Праги. Они были очень возбуждены происходящим и наперебой рассказывали о зверствах советских войск в Праге. Они показывали газеты и листовки с фотографиями этих злодеяний, с танками на улицах Праги, стрелявшими по историческим зданиям города и крушившими всё на своём пути. Они рассказали, что все вокзалы были захвачены советскими войсками и никому не разрешалось выехать из Праги. Они смогли уехать в виде исключения, так как их дядя был польским дипломатом, который их пригласил на лето в Чехословакию и который их лично посадил на поезд, пройдя через кордон советских солдат. В общем, мы

были потрясены виденным и слышанным и сидели ошарашенные, боясь произнести хотя бы слово на русском языке. Так мы и добрались до Варшавы. Но наш поезд пришёл не на тот вокзал, с которого уходил поезд на Москву, и нам было необходимо перебраться на другой вокзал. Хорошо, что Эдик позвонил своему коллеге профессору Пенчику, чтобы он нас встретил и перевёз на необходимый вокзал. Он, действительно, нас встретил, погрузил в свой микроавтомобиль фирмы Пежо и мы помчались. Но..., подъехав к вокзалу, мы увидели хвост уходящего поезда. И тут Танюшка расплакалась, боясь опоздать в школу. Но г-н Пенчик невозмутимо сказал, что мы этот поезд догоним, и помчал нас 125 км до первой остановки состава. Мы ехали так быстро, что ещё 15 минут поджидали поезд. Так мы с приключениями добрались до Москвы.

Далее я продолжу воспоминания о нашем периоде жизни в Люберцах.

В Москве нас ждала очень сложная, долгая, большая и ответственная работа. У меня было проектирование 2-й и 3-й очередей химкомбината. У Рэны работа над кандидатской диссертацией. И, конечно, учёба Танюшки. Она пошла в школу в 1967 году и училась всё время отлично. Мы ещё брали частных педагогов по английскому и французскому языкам. Этим занималась Рэна. Мы постепенно обросли знакомствами в Люберцах. Знакомства, в основном, были связаны с работой. Семья Шкуренковых. Женя и Ксана были прелестнейшие, мягкие, умные, интеллигентные люди. Женя работал во Внешторге начальником конторы Союзхимэкспорт. С Ксаной Рэна работала в ГИГХСе. С неё и началось наше знакомство с их семьёй, перешедшее в долгую дружбу, продолжавшуюся до их ухода в другой мир. Мы часто бывали в Томилино у моего брата Бориса на всякого рода торжествах и поддерживали с ним и его семьёй дружеские отношения. К этому времени относится начало нашей многолетней дружбы с Виктором и Нелей Старосветскими. Знакомство это состоялось через Ольгу Сагалович, жену Лазаря Сагаловича, нашего знакомого по Казани. С Виктором нас роднила любовь к шахматам, поэзии и музыке. Я пытался ему помочь в реализации его идеи: конструирование маски из каучука для его медицинских новаций. Он работал зав. отделением отоларингологии в 71-й городской больнице и всегда помогал нам в медицинских надобностях. Через Виктора и Нелю мы перезнакомились с их компанией и часто очень весело и остроумно встречали Новый Год в их пятикомнатной квартире в Кривоколенном переулке у метро Кировская.

В 1967 году Гипрокаучук мне помог, и мы переехали в двухкомнатную квартиру у ж.д. станции Люберцы. Жить стало легче, хотя мы всё

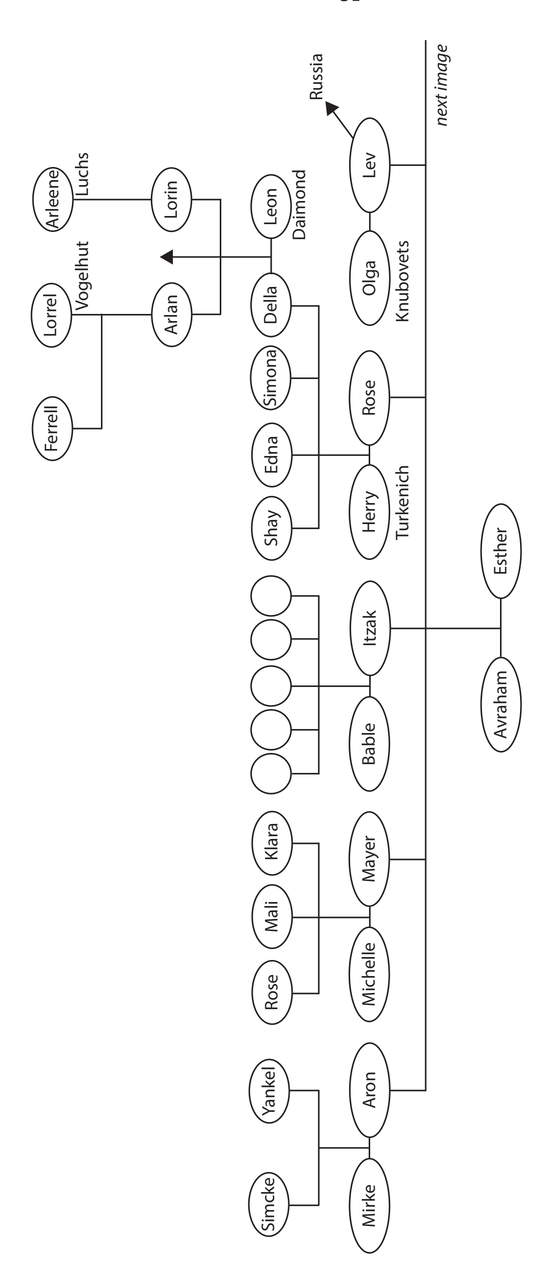
это время не имели телефона и чувствовали себя оторванными от мира. На "обмыв" квартиры я пригласил всех институтских боссов. Была грандиозная пьянка, после которой мы с Борисом помчались на Казанский вокзал. Мы в этот вечер уезжали к моему отцу в Казань обмывать его защиту докторской диссертации. Я был здорово под мухой и в вагоне поезда, как потом рассказал Борис, всё время приставал к соседу по купе с предложением ещё выпить!

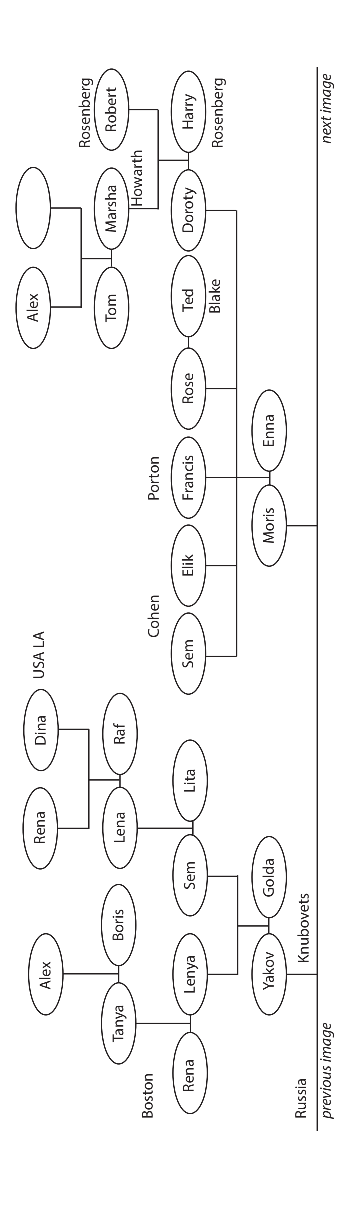
В 1965 году в Союз прилетала на неделю сестра отца Айда Бронштейн, проживающая в США. Каким-то образом мы были оповещены об этом визите. Видимо, она написала отцу. Точно не помню. Она остановилась в «Метрополе». К ней был приставлен автомобиль с шофёром. К нам, в нашу малую комнатёнку, понаехали родственники: отец, мать и двоюродные сестры Сима и Роза. К сожалению, я в это время был в командировке и тётку не видел. Обо всём пишу со слов Рэны. Тёте тогда было 57 лет. Отец не видел свою сестру 46 лет. В Америке она работала кассиршей в магазине. Была замужем за техником-строителем, имела дочь Эстер. Её визит имел довольно печальные последствия для моей карьеры. Органы, конечно, сразу вычислили меня. Ведь я был по прямой линии её племянником. А я имел секретную работу, и именно в это время меня оформляли на 2-ю форму секретности. Я был по приезду из командировки вызван в 1-й отдел, где был вынужден ответить на их вопросы о моём родстве с Айдой. Я написал всё, что знал о ней со слов отца. С этого времени органы обращали на меня особое внимание, так как я не указывал в автобиографии, что у меня есть родственники заграницей. Но мне казалось, что об этом писать просто смешно, так как она эмигрировала в 1919 году, а я родился в 1934 г.

У меня создались трудности с выездом заграницу. Первый «облом» случился при проектировании установки одностадийного дегидрирования бутана с получением дивинила, закупленной у японцев по технологии фирмы Гудри (США). При оформлении документов по командировке в Японию для приёмки проекта меня завернули уже в райкоме партии, не утвердив мне характеристику, представленную институтом. Из-за этого я не смог участвовать в приёмке предварительного и окончательного проектов, которые проводились в Японии. Вместо меня в состав группы гипровских специалистов был включён А. Шаронов (секретарь парткома института), не имеющий абсолютно никакого отношения к проекту! Второй случай был связан с работой над проектом ПАВ. Когда наша делегация вылетела в США,

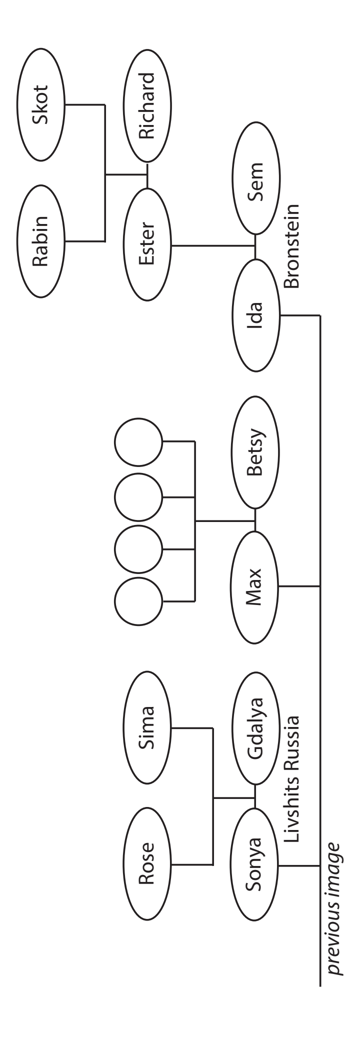
Францию и ФРГ, меня в США не пустили только из-за того, что там живёт моя тётя Айда. Правда, в последующем, о чём будет изложено ниже, всё как-то утряслось. Живя в США, я встречался с ней. Ей тогда был 91 год. Но она всё прекрасно помнила, всех родных, до третьего колена. Знала истории всех родственников. Я был просто поражён. Мы с ней составили генеалогическое древо семьи Кнубовец, которое я привожу ниже.

Генеалогическое древо

Russia
previous image
Yakov
Knubovets
Golda
Lenya
Sem
Boston
Rena
Tanya
Alex
Boris
Lena
Lita
Rena
Dina
Raf
USA LA
Moris
Enna
Sem
Cohen
Elik
Francis
Porton
Rose
Ted
Blake
Doroty
Harry
Rosenberg
Marsha
Howarth
Robert
Rosenberg
Tom
Alex
next image

Rabin
Skot
Ester
Richard
Ida
Sem
Bronstein
Max
Betsy
Sonya
Gdalya
Livshits Russia
Rose
Sima
previous image

В 1967 году на Нижнекамском НХК состоялся пуск первого производства: ЦГФУ. Это был огромный праздник. Затем таких пусков будет очень много, но первый – всегда первый! Гуляли 3 дня, три банкета. Заказчик, Строители и Монтажники. Я уже тогда был членом государственной пусковой комиссиии, активничал на всех трёх банкетах. Время бежало быстро, и приближался 1970 год. Поворотный год в судьбе нашей семьи и Нижнекамского комбината. Но ещё раньше, в 1969 году Рэна с блеском защитила кандидатскую диссертацию. Прекрасный банкет в ресторане «Арагви» подвёл черту определённого этапа в её жизни, ну и, конечно, семьи тоже. Но этот год особенно памятен нам тем, что мы получили от Моссовета разрешение на проживание в Москве! Летом этого же года мы въехали в Гипровский дом № 9, кв.122. Это была 2-комнатная квартира, 26 кв. метров на 15 этаже 16-этажного блочного дома, по ул. Щербаковская, в двух минутах от станции метро Семёновская. Это был огромный прорыв, в корне изменивший нашу жизнь. Тем более, что буквально через месяц директор института помог нам установить телефон! И мы ожили. Дом располагался в благоустроенном районе: рядом было много магазинов, кинотеатр «Родина», Измайловский Парк и, самое главное, дом располагался практически во дворе моего института. Так что мне было до работы рукой подать. Рэне же теперь стало сложнее: ей приходилось ездить в Люберцы на работу. Мы стали москвичами! Мы использовали наш новый статус по полной программе. Танюшка получила возможность учиться в самой продвинутой школе города. Она пошла в 5-й класс английской школы у Моссовета. Ей пригодились знания, обретённые у частной преподавательницы в Люберцах. Она успешно прошла языковой тест и в дальнейшем была первой ученицей в этой элитной школе. Там учились дети многих видных деятелей города: внучка Долорес Ибаррури, дочка В. Отделёнова (лучшего Онегина в Большом театре), дочка Канделакки, дочка 1-го секретаря Обкома партии Московской области и т,д.

Москва, ул. Щербаковская (1970-1982 г.г.)

Это был период больших событий как в нашей жизни, так и в становлении НКНХК, моей и Рэниной работы и Таниной учёбы. Попытаюсь описать основные события в хронологическом порядке:

1970 г. – пуск первого производства полиизопренового каучука (1-я очередь) и изопрена мономера.

1973 г. – пуск первого в СССР промышленного производства бутилкаучука.

1974 г. – пуск отечественного производства бутадиена.

1975 г. – пуск производства одностадийного бутадиена по технологии фирмы Гудри, закупленной у японской фирмы.

1976 г. – пуск второго производства полиизопренового каучука (3-я очередь) и изопрена мономера.

Затем было много событий на комбинате. Там велось огромное строительство на двух площадках: завод СК и комплекс нефтехимических производств. Состоялись пуски окиси этилена (закупка у фирмы Зальцгиттер по технологии Сайнтифик дизайн), установки получения этилена пиролизом бензина мощностью 450 тыс. тонн, установки нефтепереработки мощностью 7.5 млн тонн, производства стирола, тримеров пропилена, комплекса по производству ПАВ (закупка) в составе производства альфаолефинов и собственно производства ПАВ по технологии Прессиндустрия (Милан) и несколько других производств, включая объекты энергетики, транспорта и социальной сферы. Одновремённо строился город Нижнекамск, в котором сейчас проживает 250 тысяч человек. Моя жизнь была сопряжена с бесконечными командировками, мотанием по сторонам и весям, включая заграницу с 1974 года. В институте у меня шла огромная работа по проектированию последующих очередей строительства комбината. Всегда хронически не хватало времени, и каждый день я тащил кучу документов домой и после непродолжительного отдыха работал с документами до позднего вечера. И так мне приходилось работать на протяжении многих, долгих лет, так как на комбинате непрерывно строились, пускались и осваивались производства. Но я не паниковал. Мне посчастливилось: из 25 проектов 24 были реализованы! И лишь один лёг на полку. Когда в Госстрое в начале 80-х годов рассматривался проект Нижнекамского промузла, представленный к Госпремии, то оказалось, что из массы поданных на соискание этой премии работ лишь один наш проект был реализован в полном объёме! За разработку этого проекта и его реализацию в 1983 году коллектив проектировщиков, строителей и заказчика был удостоен высокой Государственной награды. Это была моя вторая награда. Первая была в 1973 году за разработку и строительство проекта полиизопренового каучука, полностью заменяющего натуральный каучук. Очень запала в память обстановка в Нижнекамске во время его становления. Я видел на лицах и строителей

и эксплуатационников неподдельные следы энтузиазма. Все, несмотря на всякого рода трудности и лишения: непроходимую грязь в городе, отсутствие асфальтированных дорог и тротуаров, недостаток продуктов питания, нехватка транспорта, отсутствие жилья и офисных помещений и т.д., люди находили в себе силы подымать стройку и производства. Я помню первое городское поэтическое кафе в городе. Каким энтузиазмом горели лица молодых строителей! Там не разрешались крепкие спиртные напитки – только вино и пиво. Там молодые ребята читали свои наивные, но милые стихи, там они обменивались новостями. В общем, там кипела жизнь!

Город развивался паралельно со строительством нефтехимических производств. На первом этапе заказчиком всего, что строилось, выступала дирекция строящегося комбината. В составе дирекции был зам. генерального директора, отвечающий за стороительство городских объектов. И если Гипрокаучук был генеральным проектировщиком объектов нефтехимии, имея уйму субподрядных проектных организаций, то Гипрогор (Москва) был генеральным проектировщиком города. Одно только перечисление проектных организаций, таких как Электропроект (Москва), Промтрансниипроект (Москва), Союзводоканалпроект (Москва), Львовское отделение Теплоэлектропроекта, Донецкий институт Южниигипрогаз, Одесская контора спецавтоматики, Харьковский институт спецавтоматики, Московские институты Резинопроект, Внипинефть, Гипрохлор, Гипргазтопром, Госхимпроект, Аэропроект, Новокуйбышевский и Воронежский филиалы Гипрокаучука и многие другие, свидетельствуют о грандиозном размахе проектных работ и строительства. Шутка сказать, Нижнекамский НХК в последующим выпускал до 30% СК от общего объёма производимого СК в СССР. В составе коплекса производств промузла были построены два шинных завода легковых и грузовых шин и завод по производству сажи. Были построены две ТЭЦ, работающие на мазуте, а в последующим переведённые на газовое топливо. Нужно отметить, что впервые в практике строительства аналогичных комплексов в Союзе, в целях сохранения окружающей природы, в составе промузла, биологические очистные сооружения были введены в эксплуатацию задолго до пуска первых нефтехимических производств. Запроектированные очистные сооружения работали совместно на очистке городских и производственных стоков. Первый колышек изыскателей на выбранной специальной комиссией площадке был вбит геологами Гипрокаучука в 1961 году. Я пришел к работе над проектом

в 1964 году. Первым же главным инженером проекта был Константин Петрович Клим, которого я не застал, так как он трагически погиб в автокатострофе, наехав на мотоциклиста и умерев прямо за рулём от инфаркта. А мотоциклист преспокойно встал, отряхнулся и уехал. Так Нижнекамский проект оказался безхозным. В первое время после кончины Клима, который успел сделать проектное задание первой очереди строительства, на должность Гипа был назначен Юра Шевяков, который занимался Казанским заводом СК. Меня придали ему в качестве заместителя. Но Юра вскоре надолго выбыл из строя, так как у него начался процесс в лёгких: ТБЦ в открытой форме. Я без года неделю проработавший в институте, не знающий всех связей и взаимоотношений в проектировании, не знакомый с людьми, был вынужден почти каждый вечер после работы мчаться к Шевякову с докладом и за советом. Порой я совершенно не понимал, а что же нужно делать? Как рулить? Но со временем мне всё это порядком надоело, да и опыт появился, появились и какие-то отношения с руководителями различных структур института, и я старался решать все вопросы самостоятельно. А когда Юра вышел из больницы, то он сам обратился к руководству института, чтобы его оставили Гипом только по Казани из-за проблем со здоровьем. Так в 1964 году я стал Гипом по Каме.

Я уже упоминал, что в первые годы строительства в Нижнекамске всё было в дефиците. Только нетронутая, прекрасная природа вдохновляла людей. Невдалеке от стороительной площадки катила воды полноводная, чудесная река Кама. В округе были отличные леса и много земли под пахоту. Было много замечательных мест для рыбалки, охоты и для отдыха. В летнее время на комбинате работала изыскательская партия нашего института, численностью до ста человек. Их работа производилась по договору с дирекцией комбината и была архиважна для разработки различных частей проекта. Я поддерживал с изыскателями дружеские отношения и стремился всегда поддержать их абсолютно во всех вопросах. Была также на комбинате и небольшая группа проектировщиков от Гипрокаучука, которая выполняла небольшие работы. Эти работы были, в основном, связаны с выполнением различных замечаний заказчика и строителей по основному проекту. В Казани также была группа от Гипро, занимающаяся, в основном, Казанским СК, но иногда я ей поручал некоторые работы по Каме. Николай Барков, начальник Казанского сектора Гипро, в последующем перешёл на работу на Казанский СК и трагически погиб во время взрыва на этом заводе.

Вернусь к нашим изыскателям. Они работали в летнее время и жили в палатках в районе Красного Ключа. Прекрасная, нетронутая природа, рядом – изумительная река, много заводей и озёр, отличные леса, всё это великолепие создавало непередаваемую праздничную атмосферу. Мы часто вместе с заводскими друзьями любили пображничать с нашими изыскателями на их базе. Конечно, с ухой, костром, с шашлыками и, разумеется, с водочкой.

В 1976 году я был на отдыхе в Югославии. Это профсоюз института «воткнул» меня как орденоносца в группу от Министерства. Там нехватало рабочего класса, и я проходил за работягу. Ведь так оно и было в действительности. Тогда мне всё это казалось вполне заслуженным. Но после этого у меня с загранпоездками начались трудности. Комиссия старых большевиков Первомайского района не давала мне зелёный свет из-за моей тёти Айды, проживающей в США. Так я был исключён из командировки в Японию (2 раза). Кстати, Гипом по этой установке была назначена К.У. Ефимова, жена крупного чина КГБ. Но она из-за больного сердца не могла летать в Каму и работала лишь в институте, а все дела на площадке решал я. К этому времени относится начало моей дружбы с П.А. Верновым, главным инженером НКНХК. Он заменил на этом посту С.Я. Каменщика, который был главным в самый начальный период строительства комбината. Я его потерял из вида после его ухода с комбината. А с Павлом Александровичем Верновым и его семьёй, Алевтиной Петровной и дочерьми Наташей и Верой у меня установились долгие и крепкие дружеские отношения. Мы ценили и берегли нашу дружбу. Мы уважали друг друга и понимали, что нам нужно быть вместе в нашем общем деле.

Я вспоминаю, как мы с Рэной очутились в Нижнекамске на 50-летии Павла Александровича. Он позвонил Рэне (я в это время был в загранкомандировке) и пригласил на его юбилей, сказав, что, если мы не прилетим, то он перестанет нас держать в числе своих друзей. Он ещё добавил, что он за нами высылает самолёт и что мы должны встретиться в Быково с его будущим зятем Капустиным, который тоже этим самолётом полетит в Каму. Я прилетел в Москву только за один день до предполагаемого отлёта в Каму и не имел советского паспорта, так как он находился в Техмашимпорте. Я не мог его получить, так как был выходной, нерабочий день. Так мне и пришлось лететь в Каму с инпаспортом, благо, что самолёт и полёт были частными. Мы прелестно погуляли и улетели домой.

К великому сожалению, Павел Александрович после переезда в Москву проработал нач. техуправления Министерства недолго: его скосил рак лёгких. Мы потеряли прекрасного человека и надёжного друга. Его хоронил весь Нижнекамск. Согласно последней воле П.А., его хоронили в родном городе, где он оставил после себя могучий нефтехимкомбинат. Ему город отдавал должное. Каждый раз, бывая в Нижнекаске, я с друзьями бывал на могиле Павла Александровича с цветами и водкой по русскому обычаю. Мы вспоминали там нашу молодость, смешные, курьёзные моменты. Он ведь очень ценил юмор, понимал прелесть анекдота. Сам любил рассказывать анекдоты. Его любимый анекдот: входит охранник в тюремную камеру и кричит: Петров, тот отвечает: «Я здесь». Охранник ему: «Я знаю, что ты здесь», – крутя ключ на пальце, «а куда ты на хрен денешься!» Этот анекдот стал у П.А. рефреном в наших технических разборках и означал: ребята, мы никуда не денемся, нам наши проблемы нужно решать самим, никто их за нас не решит! Сколько раз он оказывал мне содействие в личном, семейном плане, не сосчитать! Первый автомобиль, «Жигули» первой модели я приобрёл в 1971 году в Набережных Челнах с его помощью. Как это преобразило сразу нашу жизнь!

Приобретение «Жигулей»

Будучи на комбинате, я узнал, что в Челнах на строительстве Камаза остались 5 машин, которые имели незначительные дефекты, и их никто не брал. Я, заручившись письменным ходатайством дирекции НКНХК, помчался в Челнинский райисполком. В торговом отделе, упомянув фамилии Лемаева, Генерального Директора НКНХК, и Табеева (1-го секретаря Татобкома партии), я получил ордер на продажу мне автомобиля. Забирать его я попросил помочь мне Г. Скрипника, зам. гл. инженера комбината. Я не имел никакой практики вождения автомобиля и, проехав 40 км за авто Скрипника, никак не мог его догнать и всё время отставал от него. И только в конце маршрута выяснилось, что я все эти 40 км ехал на ручном тормозе! Второй случай был покруче. На ночь я поставил автомобиль под домом, где я остановился. Ночью я почувствовал что-то неладное. Выглянул в окно и обомлел: в мою машину ломился какой-то мужик. Что делать? Я выбежал из дома и попытался отделаться от этого явно пьяного мужика. Хотел отогнать машину на другое место. Но мужик не давал

мне сесть за руль. Пришлось обратиться в милиции. Мужика задержали и увезли в отделение. Наутро мне позвонили из милиции и попросили подъехать к ним. Мужчина, протрезвев, сообщил, что он в тот вечер обмывал покупку автомобиля и, набравшись под завязку, принял мой автомобиль за свой, ибо они были одного цвета. Он долго извинялся, клялся и божился, что у него не было никакого злого умысла. Я снял все свои претензии, и мужчина был отпущен на свободу. Затем мы с моим помощником (Юра Малашин) гнали машину до Москвы, преодолев две переправы, через Каму и Волгу, с ночёвкой в Казани у брата Мули. Мой зам, имея большую практику вождения авто, оказался трусом и на переправе через Каму отказался въезжать на паром, предоставив это сделать мне. Я по неопытности посадил первую большую царапину на авто, забираясь на баржу. Подъём был довольно крут, да и пространства для маневра было маловато. Так что я, прижавшись к борту парома, процарапал на боковой правой задней дверце солидную царапку. Больше происшествий по пути в Москву не было.

Наши автомобильные путешествия

Летом этого же года мы решили побывать в Прибалтике. За время отпуска мы побывали в Риге, Таллинне, Вильнюсе, Каунасе, Тракае, Паланге и Друскининкайе. Стояли «дикарями» под Ригой на шоссе Рига – Таллинн (Саулкрасты, Салацгрива). Какое там было замечательное место! Чистейший песок, сосновый бор и изумительное море. Солнечная погода, 25-27 градусов тепла. Ночевали в палатках. У нас была польская палатка на трех человек. Спали на надувных матрацах, а днём на них плавали. За продуктами ездили в соседний посёлок (творог, сметана, молоко, вода и хлеб, и всё остальное). Молочные продукты были просто замечательные! Через шоссе был огромный массив лесной малины. Каждый день, как ритуал, во второй половине дня мы втроём выходили на охоту за малиной. Рэна приставляла нас с Таней к кустам с малиной, и начинался сбор ягод. Мы набирали в банки вкуснейшую лесную малину. Ягоды затем перетирали в тазу с сахаром и упаковывали в 3-литровые стеклянные банки. И всё было бы отлично, если бы... Но об этом несколько позже. Несколько дней мы жили на реке Гауйя под Ригой и на Немане (недалеко от Вильнюса). Повидали Каунас. Запомнился музей Чурлёниса и музей чертей. В последующем, проявляя интерес к этому прелестному и оригинальному художнику, я искал материалы о нём,

литографии его картин, покупал их с удовольствием. Сама обстановка в музее была великолепна. При входе вас приглашали в салон, где звучала благообразная, спокойная, мелодичная музыка. И вы погружались в мир художника, в мир его переживаний и ощущений. Вас настраивали на дальнейший осмотр экспозиции. Я потом, бывая во многих музеях мира, не встречал такого. А это было здорово придумано. Из этой поездки запомнились также старинный замок на Тракае и Паланга со своим музеем янтаря. Янтарь, жемчужина Балтики, добывается и обрабатывается здесь, в Литве. По-моему это одно из главных мест, где добывают янтарь, этот изумительно тёплый и красивый камень!

Возвращаюсь к нашему путешествию. У нас случилась авария на обратном пути в Белоруссии, недалеко от Витебска. На мокром шоссе у небольшого посёлка, из-за дождя и лысой резины при торможении, когда пьяный мужик бросился нам наперерез под колёса автомобиля, мне пришлось, чтобы его не убить, резко тормозить. Машину развернуло, она стала неуправляемой, выбросило на полосу встречного движения, и она сползла в глубокий (метра три) кювет, сбив верхушку довольно толстого дерева. Мы очутились на левом боку, повиснув на дереве. Это нас и спасло: мы не улетели на дно кювета, а то бы... страшно даже подумать! Малина вся разлилась и затопила багажник. Но кто о ней тогда думал! На пустынном шоссе к нашему счастью не было ни одной машины, так как мы выезжали очень рано из какой-то халупы, где мы ночевали (где-то в 6 утра). Но как, видимо, часто бывает при авариях, откуда ни возьмись набежал народ, подъехал трактор, и нас вытащили из кювета. Заднюю левую дверку заклинило, покарябло весь левый бок, но не разбилось ни одного стёклышка, и двигатель шуршал, и очистители лобового стекла продолжали работать. В момент аварии Рэна, испугавшись за Танюшку, которая сидела на постельном белье сзади и спала, вскрикнула: «Таня, Таня!» Но та спала, ничего не понимала и молчала. Рэна чуть сознание не потеряла, но через некоторое время раздался Танин голос, сообщивший, что с ней всё в порядке. Один мужик нас сопроводил к мастерской, где он немного подрихтовал наши вмятины на машине, и мы на этой машине ещё гнали 400 км до дома. После этого случая Рэна и Таня очень опасались садиться ко мне в машину. Но всё же любовь к путешествиям брала вверх, и мы в последующие годы ещё несколько раз ездили в Прибалтику, но уже на нескольких машинах. С Ноной Мастбаум и Шарлем из Таллинна, Яной и Лёвой Шевелёвыми

из Казани и Виктором и Нелей Старосветскими. Было интересно бывать в Прибалтике по некоторым соображениям. Во-первых, она сильно напоминала заграницу, там были вполне сносные сервис, снабжение и безопасность. Во-вторых, конечно, море, реки, озёра и т.д. В-третьих, там было много мест, нами ещё не посещённых в прежние поездки. Там было, что посмотреть! И, в-четвёртых, это было сравнительно недалеко от Москвы. А какой контраст между Страной Советов и Балтией. Я хочу это показать на одном примере, застрявшем в моей памяти.

Мы ехали по Минскому шоссе. Конечной точкой нашего вояжа был Вильнюс, где мы должны были встретиться с таллиннцами. Так вот, проезжая по Белоруссии, я захотел (я был всегда за рулём и порядком уставал) попить молочка. А тут как раз мы увидели женщину, идущую недалеко от машины. Я остановился и спросил, не найдётся ли у неё молока. Она с удивлением спросила меня, а откель молоко-то. Я в ответ: «Из сиськи». Так мы пошутили, но поняли, что в бедной белорусской деревне мы молоком не разживёмся. Посовещавшись, мы решили ехать дальше, а уже близился вечер, и нам до Вильнюса нужно было ехать ещё 200 км. Но мы всё же поехали и, не доезжая до города, практически в его предместьях, увидели ручеёк с прозрачной водой. Мы решили здесь заночевать. Уже вечерело. И вдруг, совершенно неожиданно к нам подходит женщина и предлагает нам испить парного молочка. Мы, конечно, соглашаемся, и она через некоторое время приносит нам огромный жбан парного, чудесного молока. Так на практике мы уяснили разницу в экономическом положении этих стран.

В Вильнюсе был один смешной случай. Встретившись с таллиннцами, мы, проголодавшись, решили зайти перекусить в какое-либо кафе. Зашли в кафе «Нерис». Что это означало, мы не знали. Не знали мы и кухни этого заведения и решили посмотреть на окружающую публику, что те едят. За соседним столом какие-то люди ели очень красивую мясную пищу, и, глядя на меню, Рэна решила, что это и есть их фирменное блюдо. Мясо «Нерис». Мы сделали заказ по порции на каждого, что изумило официанта. Но мы даже не шелохнулись. И официант несёт целый поднос порций сала, на котором нет ни одной мясной прожилки. Рэна, завидев это, говорит: «Какие же кретины едят это сало!». Этими кретинами оказались мы: официант нёс этот поднос нам, так как это и было мясо «Нерис». Хохоту было! Ещё раз подтверждается поговорка: не зная броду, не суйся в воду.

Пушкинские Горы

Я был в пушкинских местах дважды, в 70-х и 80-х годах. Главное, что сохранилось от этих поездок, это восторг и удивительное состояние духа! Организация первой поездки была довольно странной. Шефы Рэниного института заказали на Майские праздники два «Икаруса», но трудящиеся завода не пожелали ехать к Пушкину в гости, считая, что и в Москве в эти дни можно хорошо выпить и повеселиться. Тогда завком решил сделать красивый жест и предложил арендованные автобусы ГИГХС'у. В институте начались баталии за право поездки в Михайловское. Рэне удалось выхлопотать два места! Это была потрясающая поездка! Первая остановка была в городке под названием Опочка. Там мы ночевали и рано утром на автобусах устремились в Пушкинские Горы. Места заповедные, священные для россиянина, преклоняющегося перед гением Пушкина. Коллизия нашей поездки позволила родить первые строки:

Командированы месткомом
За счёт соседнего завкома,
В село Михайловское мы
И этим все поражены!

Увиденное, знакомое нам с юных лет, и преклонение перед поэтом на нас действовало, как наркотик. Мы были потрясены! Весь обратный путь, находясь под воздействием экскурсии, мы пытались излить свои ощущения в стихотворной форме. И вот что у нас получилось:

Поездка в Михайловское

От стен древнейшего кремля,
Где кровью полита земля,
От суеты и шума к свету
Спешим к любимому Поэту.

Дорога к Пушкину прошла
Через века, разруху, войны,
Но память сердца пронесла
К нему любовь совместно с болью.

Село Тригорское полно
Очарованья, тихой неги,
Здесь миру гений подарил
Роман «Евгений Онегин».

Он здесь любил,
Он здесь страдал,
И черпал здесь он вдохновенье,
И вспоминал одно 'Мгновенье'.

Село Михайловское есть,
Там Ганнибалов всех не счесть,
Гнездо семьи, опора роду,
Здесь он боролся за свободу.

И Святогорский монастырь,
Конец пути, венец терновый,
Принявший прах его ледовый,
Вознёсся пышно над землёй
И прославляет Свет над мглой!!

Вторая экскурсия была индивидуального характера. На двух машинах, по новому участку Рижского шоссе, мы с Жанной и Володей Отделёновыми помчались в Михайловское. Если мне не изменяет память, эта поездка была приурочена к 156 годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. Володя был в дружеских отношениях с директором заповедника С.М. Гейченко и имел личное приглашение от него на это празднество, а мы присоседились к Отделёновым. Как нам говорил Володя, приглашая творческих людей к себе, Гейченко всегда требовал от них личного вклада в расширение возможностей заповедника. И люди оставляли здесь частицу своего таланта и души: кто-то пел, художники рисовали, пушкиноведы делились новейшими изысканиями, поэты читали стихи и т.д. Я хорошо помню момент встречи с Гейченко. На следующий день после нашего приезда, Гейченко, идя навстречу Володе, широко раскинул руки, снял своё кепи, бросил его оземь и произнёс: «Да святится имя твоё, Владимир, да пребудешь ты долгие годы в благолепии!» Затем они обнялись и троекратно расцеловались. Затем мы всей компанией направились в дом С.М. Гейченко. Дом был удивительный. Мы разместились с многочисленными гостями за грубо сколоченным, деревяным, длинным столом, над которым возвышались вдоль стен полки, на которых Гейченко хранил свою уникальную коллекцию самоваров. В его коллекции насчитывалось до 200 экземпляров. Пытаясь нас чем-то занять, Гейченко принёс стопку книг и штоф водки. Мне попался уникальный томик Евгения Онегина, 1899 года издания, напечатанного на средства 20 особ женского пола. Нам с Рэной как друзьям Володи была оказана большая честь: Гейченко приставил к нам спецгида, который с нами провёл индивидуальную экскурсию! Это было незабываемо! Нам поведали историю о том самом вековом дубе (мы помним его по сказке Пушкина). По весне он не дал зелёной молоди, почки не раскрылись, он не зацвёл! Весь персонал заповедника переживал, думая, что дуб скончался. Но сколько у всех служивших в Заповеднике было радости, когда дуб зацвёл, правда, с запозданием!

И ещё из воспоминания об этой поездке. Любовь Джалаловна, жена Гейченко, уходя из дома с пустой бельевой корзиной, предложила желающим приобрести двухтомник А.С. Пушкина, выпущенный к этой юбилейной дате. Мы все возбудились и возжелали этот двухтомник заполучить. Так я стал обладателем этого двухтомника. Я даже исхитрился получить автограф С.М. Гейченко. Гейченко написал слова Пушкина: «Трудись, и помни вечно, что всё на свете быстротечно».

С.М. Гейченко, проводя экскурсию по заповедным местам, особенно в Святогорском монастыре, где находится могила поэта, говорил с Пушкиным, как с живым человеком.

Икша, пансионат

Зимой, как правило, на школьные каникулы мы уезжали всей семьёй кататься на лыжах на нашу институтскую базу – пансионат на Икшинском водохранилище. Там мы обычно встречали Новый Год в шумной институтской компании. Один год вместе с нами там были и Неля с Виктором Старосветские. Катание на лыжах там было восхитительное. Лес, усыпанный снегом, был как настоящее берендеево царство. Обычно мы гуляли на лыжах с 10 утра и до обеда. Там попадались приличные горки, с которых мы любили мчаться, аж дух захватывало. А в одном месте, несмотря на приличный мороз, протекал незамерзающий, гордый, прелестный ручеёк.

Ручеёк

У той небольшой
Крутобедренной горки
Бежал ручеёк
С водой хладной и горькой.
Неистово нёс он прозрачные воды,
Нёс гордо и звонко
В любую погоду.
Резвясь и играя,
Под ёлки ныряя,
Струился беспечно,
Порой исчезая.
Он нёс людям жизнь –
Родниковую воду –
Живое начало
Бескрайней природы.
И в дождь или стужу
Без сна и покоя
Он нёс свою службу,
Не зная простоя.
Он был непокорен зиме и штормам,
Он был неподвластен
Ветрам и снегам.
Зима же стремилась
Его обуздать,
Свободы лишить
И во льды заковать.
А он зиме назло,
Собою довольный,
Скользил вниз по горке
Свободный и вольный.
И как бы не злилась
Зима иногда,
Сковать не сумеет
Его никогда!

Бывали мы там и летом. Там я научился кататься на водных лыжах. С Рэной мы катались на байдарках по водохранилищу. Была там замечательная русская банька, где мы любили зимой попариться, балуясь пивком и водочкой. Там был кинотеатр, приличная столовая, настольный теннис, рыбалка и купание. В целом, сервис там был неплохой. Тем более, я всегда там имел люксовый номер с большой профсоюзной скидкой, всего за 30% стоимости. Рядом с нашим пансионатом располагался городок лётчиков-испытателей и космонавтов, турбаза Метростроя. Вскоре невдалеке был постороен большой дом для работников кино и театра. Там я встречал Этуша, Смоктуновского, В. Катаняна (с которым мы были знакомы через его жену Инну Генц, подругу Ноны Мастбаум). Они обычно там отдыхали от шумной столицы. В тех же краях была дача великого московского офтальмолога Фёдорова, большого любителя конной выездки. Мы часто видели его гарцующим на лошади. Кстати говоря, бывая там зимой и парясь в баньке, мы воровали веники с проволоки на даче Терешковой-Николаева, которая располагалась в непосредственной близости от нашего пансионата.

В 1971 году у меня начало сдавать зрение, наследство от мамы. ГАИ разрешило мне управлять автомобилем только в очках. Только при получении водительских прав я и узнал, что моё зрение садится. В последующем я буду всё время бороться с этим дефектом и глаукомой и в конечном итоге потеряю зрение на правом глазу.

В 1973 году после получения премии мы её шумно обмыли в ресторане гостиницы Украина на Кутузовском проспекте. Было на этой встрече 60 человек. Было весело, непринуждённо, просто и пьяно. Я потерял где-то портфель с остатками денег, и меня, пьяненького, отвезли домой и уложили спать. В целом, 70-е годы были судьбоносными годами в моей жизни. В 1973 году Госпремия, 1976 год – орден Трудового Красного Знамени, пуски очень важных производств на НКНХК, отдых в Югославии, командировки в Польшу, Францию и Германию.

Мои российские странствия

Карелия

Петрозаводск, Кондопога, Марциальные воды, Кивач, Карельские озёра. От одного воспоминания пробирает дрожь! Холод (-26 Цельсия),

ледяной ветер, снег, а мы в кольцевом маршруте (100 км) за 5 дней. Чёрт нас дёрнул, и мы впятером решили испытать себя в экстриме. А ведь был выбор! Мы могли остаться на базе в Петрозаводске и прохлаждаться там. Но тяга к неизведанному пересилила, и мы подались в «кругосветку». Попал я в Карелию благодаря моему коллеге Науму Староминскому. Он где-то хлопотнул 2 путёвки и пригласил меня. В поезде мы оказались ещё с одним мужчиной, а в соседнем купе ехали 2 дивчины. Как ни странно, мы все оказались из Измайлова. Так вот, вместе мы и путешествовали 2 недели по Карелии. В группу на маршрут набралось 45 человек вместо полагающихся 35 человек. Тащила наш караван по пороше, по замёрзшим озёрам наш инструктор, натуральная карелка на широких лыжах, прокладывая лыжню. Наша группа лыжных неумех, растянувшись на километр, закрываясь от ледяного ветра, плелась за нею. В среднем за день мы проходили 20 км. Это было бы по равнине не так тяжело, если бы не горки. А они были неслабые! Одна, помню, была метров 700. На простых лыжах съехать с неё было ох как непросто! Наум на этой горке сломал лыжу и был вынужден вернуться на базу и заменить её. Ночевали мы в избах. Нам говорили, что они будут протоплены, дрова будут подготовлены, просушены и т.д. На практике всё оказалось не так. В избах был собачий холод, дрова были отсыревшие и не хотели гореть. Часа 2 у нас уходило, чтобы как-то прогреть помещение и отогреться. Спали мы, не раздеваясь. О помывке не могло быть и речи. Еду мы тащили на себе в рюкзаках с базы. В деревнях, где мы останавливались, почти все хаты были заколочены. Людей почти не было. Бывали лишь только магазинчики, где кроме водки, ничего не было. Спали мы на деревяных полатях, переворачиваясь с боку на бок по команде, так как места не хватало. Маршрут был проложен через Кондопогу и Марциальные воды. Мы повидали замёрзший водопад Кивач. Я впервые увидел настоящие карельские, низенькие, кривоватые берёзки. В Кондопоге мы посетили фабрику игрушек. В Марциальных водах мы побывали в неотапливаемой деревянной церквушке, где со слов старожилов бывал Пётр Первый. Вернувшись благополучно на базу, мы ещё слетали на маленьком, холодном самолётике в Кижи. Насмотрелись, налюбовались там исконно русским старинным зодчеством. Я знал, что там все деревяные строения воздвигнуты без единого гвоздя. Я долго и внимательно осматривал строения, но, действительно, ни одного гвоздя не обнаружил. Получив заряд бодрости, мы на том же самолётике вернулись в Петрозаводск.

И ещё о Карелии. Припомнился анекдот: «Вы знаете, почему Карело-Финскую АССР переименовали в Карельскую АССР?» «Почему?»

«Потому что при переписи населения выяснилось, что в республике проживают два финна: Фининспектор и Финкельштейн. Но после проверки обнаружилось, что Фининспектор – тот же самый Финкельштейн!»

Чегет, Эльбрус

На Чегете я оказался благодаря Гипровскому горнолыжнику Саше Фарберову. Он где-то раздобыл очень дефицитные 2 путёвки на Чегет, на самое лучшее время, конец февраля. Готовились мы основательно. Запаслись горючим: 10 бутылочек со спиртом по 400 гр., по пять в каждый Сашин лыжный ботинок.

Саша летел в полной экипировке: костюм, лыжи, ботинки, очки и т.д. Лыжи с ботинками он сдал в багаж, хорошо всё закрепив и упрятав. Так что мы были там на высоте в прямом и переносном смысле. Летели мы до Минвод и далее на автобусе до нашей турбазы на Чегете. Жили в приличном номере втроём. С нами жил ещё один мужчина из Могилёва. Он оказался занятным человеком, зав. физической лабораторией. Мастерил сам приборчики, снимающие зубную боль. Мы с ним сдружились, и он мне прислал из дома гитару в подарок. Погода стояла расчудесная. Солнце, полный штиль, голубое небо. До подъёмника 10 мин. пешком. Я взял лыжи и ботинки на прокат. Лыжи – полное дерьмо, брёвна. Но мне для езды в лягушатнике этих лыж хватало. Учась езде на горных лыжах, я ловил кайф, но съехать с Чегета (3600 м над уровнем моря) на своих двоих мне духу не хватало, и я осваивал технику езды в лягушатнике, спецгоре для «чайников». Недалеко от нашей турбазы били нарзановые источники. Мы набирали нарзан в банки и оставляли их на ночь с открытой крышкой. Сероводород за ночь улетучивался. Мы пили этот нарзан и разбавляли им привезённый нами спирт. Это был прелестный напиток! На турбазе был бар, была танцплощадка. Но там было душно, темно и скучно. Музыка была плохая, как и музыкальная система. Так что народ предпочитал податься к Хасану, который держал недалеко от турбазы шашлычную и имел прекрасную современную муз. установку с цветомузыкой и отличные мировые шлягеры. К нему в шашлычную набивалось по вечерам полно народу выпить, закусить и потанцевать. На турбазе в это время была группа из ГДР. Немцы были более свободные, чем мы, и веселились напропалую! Недалеко от нас на турбазе Эльбрус

отдыхали Гипровские девицы. Мы это знали и как-то наведались к ним. Повидались, поговорили, попили чайку и к ночи пошли назад к себе на базу. Путь был неблизкий (7-8 км), общественный транспотрт уже не ходил, и нам предстояло пройти этот путь пешком. Но была звёздная ночь, и мы, весело переговариваясь, топали домой. Увидев грузовик (с открытим кузовом), мы проголосовали и были приглашены в кабину. Два чеченеца (навеселе) правили грузовиком очень забавно: один рулил, другой переключал скорости. Они что-то пели на своём гортанном языке, подбирали всех туристов, встречающихся на пути, и забрасывали их в кузов. Так мы добрались до турбазы и хотели расплатиться рублями. Но чеченцы нам заявили, что деньги им не нужны, а вот если бы у нас была бутылка водки, то они были бы очень рады. Сашка побежал в номер и принёс одну бутылочку спирта, что вызвало бурю восторга у наших водителей. Так мы ещё раз убедились, что в России всегда и везде спиртное равнозначно валюте!

Джермук, Севан

Я попал туда по горящей путёвке, которую мне дал местком института. В памяти осталась горная, опасная автомобильная дорога от Еревана до Джермука. С одной стороны горы, с другой – глубокое ущелье. Дорога неширокая и жмётся к горам. На пути встречались завалы камней, перегораживающие дорогу. Народ выходил из автобуса и растаскивал камни, освобождая проезжий путь. Запомнился многонациональный митинг при открытии водного канала Арпа-Севан. Мне повезло! Строители прокладывали в скалах этот колоссальный канал 18 лет (его свод был равен 5 метрам). И вот, наконец, работы были закончены, и состоялось открытие этого уникального канала! Была завершена огромная работа по реализации идеи подпитки мелеющего Севана водами из реки Арпа, которая несла воды в Иран. Строители соорудили плотину, перегородили реку, подняли уровень воды, накопили её в водохранилище (практически украв эту воду у Ирана) и направили воду по сооруженному каналу в Севан. В день митинга было прохладно и ветрено. Я простудился и слёг с высокой температурой. Очаровательные сотрудницы ухаживали за мной, порой делясь самым сокровенным. Я помню, как одна из них (восточная красавица), возмущалась нравами, царящими в

Армении, когда женские права совершенно не защищены. Мужчины изменяют женам налево и направо, но если женщину уличат в измене мужу, то ей грозит жесточайшая кара вплоть до лишения жизни. Вскоре я поправился, но меня ожидало несчастье. Я получил телеграмму, что мой отец при смерти. Я немедленно прервал свой отдых и вылетел в Казань через Москву. Я успел долететь и проводить отца в последний путь. Ему не было даже 80 лет. Так печально закончился мой отдых в Армении.

Литва, Друскининкай

В Друскининкай я тоже попал по горящей путёвке. Мне хотелось перевести дух и немного отдохнуть. В памяти осело немного. Несколько моментов. Строгий распорядок, стерильная чистота, приличный сервис, хорошие условия проживания и вкусная вода. Меня разместили в одноместном номере в только что построенном корпусе. Он ещё пах краской. Был лифт, богатые холлы, интересная архитектура. Номер был просторный, с балконом, по которому можно было общаться с соседями. Я аккуратно ходил на процедуры, пил водичку и скучал. Много читал, что-то писал. Но ничего, к сожалению, не сохранил. Запомнился Неман и купание в нём. Красота небывалая! Было много московских и питерских молодых мамаш с детьми, приехавших на воды. Женщины гурьбой ездили в рядом расположённый белорусский город Гродно, где дёшево приобретали красивую одежду. Город Друскининкай целиком и полностью зависит от курортников. И я думаю, что городской бюджет наполняется только лишь за счёт отдыхающих, страдающих болезнями желудочно-кишечного тракта.

Душанбе, Самарканд

Мой интерес к Востоку был подогрет Рэной. Она, побывав в тех краях, очень красочно рассказывала о чудесах Востока. Я загорелся желанием повидать эти чудеса и поехал в командировку в Душанбинский институт автоматики, который выполнял ряд работ по системе АСУТП для Нижнекамска. Прилетев в Душанбе, остановился в приличном отеле и прибыл в институт. Зашёл к директору. Представился. Он был очень напуган. Он думал, что я прилетел с инспекционной целью для

проверки хода разработки их части АСУТП. Он долго выпытывал у меня о целях моей командировки и даже звонил в Москву, чтобы убедиться в моих полномочиях. Но всё быстро разъяснилось. Я откровенно ему сказал, что я прилетел посмотреть на красоты их края и слетать в Самарканд. Директор сразу повеселел, пригласил своего помошника и поручил ему опекать меня. О деле мы не говорили ни минуты. После этого разговора я был отпущен с миром и стал заниматься своими делами. Я заказал автобусные экскурсии на Нурекскую высокогорную гидроэлектростанцию и в Гиссарское ущелье. Приобрёл билет (в оба конца) в Самарканд. Побродил по Душанбе. Попил их винца. Повалялся в номере, отдохнул и на следующий день утром поехал на автобусе на Нурекскую гидростанцию. В автобусе оказалась группа учеников 9-го класса, шумливый рой мальчишек и девчушек во главе с преподавателем. Я был в этом коллективе, как инородное тело. Но мы всё-таки как-то сотрудничали. Осмотрели по дороге арбузные бахчи, попробовали вкуснейшего арбуза и поели чудный виноград – дамские пальчики (20 коп. кг.), и подивились на гидроэлектростанцию. Она уникальна. Расположена на высоте более 2000 м над уровнем моря. Вода из горной реки Нурек по водоводам большого диаметра подаётся на гидроагрегаты и далее направляется (тёплая) в специальное водохранилище, от которого отводится по руслу реки. Гидроэлектростанция, как нам объяснили, питает республику электроэнергией, без которой многие предприятия страны встали бы, как подкошенные. Поездка в Гиссарское ущелье заняла весь световой день. Была она интересна тем, что я в автобусе оказался рядом с мужчиной, который мне поведал историю своей семьи. Он оказался в Душанбе в качестве перемещённых, интернированных по указу Сталина так называемых неблагонадёжных лиц немецкой национальности. Я знал одного парня в Казани из обрусевших немцев, семью которого после войны выслали из Казани на поселение в Казахстан. Так вот, этот мужчина рассказал, что они здесь живут давно, прижились и обзавелись хозяйством. Дети подросли. Все трудоустроены. Но сейчас, после того, как Горбачёв разрешил этническим немцам уезжать из СССР в ФРГ, у них в семье произошёл раскол. Молодые хотят уехать, а их родители боятся уезжать и хотели бы остаться в Душанбе доживать в привычной, установившейся, знакомой и близкой им обстановке. Он говорил, что молодых не остановить, и они уедут. Ну а они, старики, будут жить там и навещать детей в ФРГ.

Самарканд был основной целью моей поездки. Самолёт летел над покрытыми снегом горами Памира. Летели мы часа 2-3. Так как

я имел отель в Душанбе, то я планировал осмотреть Самарканд за день и к вечеру вылететь обратно. В Самарканде я осматривал достопримечательности по схеме, указанной мне Рэной: Обсерватория Улугбека (внука Тамерлана), мечеть Биби-Ханым, Медресе, город умерших, рынок и что-то ещё, не помню точно что. Запомнилась площадь перед медресе и мечетью. На этой площади на постаменте стоял то ли каменный бык, то ли каменная лошадь, и под круп животного вползали какие-то девушки (как оказалось, из ГДР). Легенда гласила: кто проползёт там, тот будет убережён от бесплодия. Запомнился ансамбль мечети и медресе. Они золотились солнечными бликами. Стены их отделаны изумительными по красоте голубовато-зеленоватого оттенка изразцами. Легенда о строительстве бесподобной мечети гласила: когда Тамерлан отправился в очередной военный поход, его жена пригласила архитектора и дала указание посторить мечеть. Архитектор влюбился в эту женщину и отказался заканчивать стротельство мечети, пока она не позволит себя поцеловать. Она прикрыла подушкой щеку и разрешила архитектору себя поцеловать. Но поцелуй был настолько страстным и горячим, что он оставил след на её щеке. Когда Тамерлан вернулся из похода и обнаружил на лице жены следы поцелуя, он приказал сбросить её с самой высокой точки мечети на копья стоящих внизу его воинов. Мне кажется, что эти здания (медресе и мечеть) включены ЮНЕСКО в список высочайших мировых культурных ценностей человечества. И если ещё не включены, то обязательно будут там.

Далее была Обсерватория Улугбека и музей его имени. Улугбек, великий математик и астроном, жил в 15-м веке. Он был внуком великого завоевателя Тамерлана. С детских лет Улугбек проявлял незаурядные способности, которые вылились в последующем в его многочисленные и глубокие исследования положения звёзд на небе, рассчёт годового цикла Земли и многое другое. Он создал целую школу математиков и астрономов и сплотил их вокруг себя. По его указанию в Самарканде была постороена обсерватория, которая сыграла колоссальную роль в развитии астрономии. Но, как часто бывало в старину (это случалось со многими мыслителями, обогнавшими своё время), Улугбека обвинили в ереси, а его сын, воспользовавшись потерей доверия к отцу, повёл на него свои войска. В битве под Самаркандом войска Улугбека потерпели поражение, и он был казнён. Его обезглавили. Ему было только 56 лет. Так трагически закончилась жизнь замечательного человека, великого математика и астронома Улугбека (Мухаммад-Тарагай).

Далее я осмотрел город умерших – кладбище с бесконечным количеством фамильных склепов. Они все были внушительных размеров и отличались архитектурным оформлением. Это кладбище производит впечатление какого-то города, где умершие живут своей жизнью и их души каким-то образом соотносятся друг с другом, составляя своеобразное общество. Говорят, что оно именно так и было задумано, что будто бы их восточная мудрость так и трактует, что умирает лишь внешняя оболочка, а полёт душ продолжается!

Далее был Самаркандский рынок с его неповторимым колоритом, развалом овощей и фруктов, блеяньем осликов, гортанными криками продавцов, шумящей и галдящей массы людей в разноцветных одеждах. Сейчас, поживши в Израиле, я могу сравнить этот рынок с рынком Шук-Кармель в Тель-Авиве.

Они похожи, как две капли воды.

Батуми

Эта поездка в Батуми стала возможной благодаря персональному приглашению Алика Рохгендлера (мой сокурсник по КХТИ). Он по распределению после окончания учёбы был вместе с Альбертом Юриновым направлен на работу в Руставский институт автоматики. Их институт принимал участие в разработке АСУТП для Нижнекамска. В Батуми я был в числе приглашенных спецов на всесоюзной конференции по автоматизации химических производств. Мне в Батуми, откровенно говоря, было делать нечего. Но желание продлить лето (конференция была в начале октября), погреться на тёплом, ласковом южном солнышке, покупаться в Черном море и встретиться с Аликом было настолько сильно, что я пытался убедить моего директора (А.Ф. Зиновьева) в том, что без меня эта конференция пойдёт ко дну. Но я был не понят и выгнан с треском. Я несколько раз заходил к директору и упрашивал его разрешить мне командировку в Батуми. Но он был неумолим (он не терпел вранья). Помню, как он, хитро прищурившись, просил меня сказать правду и не врать. Лишь после того, как я сознался, что в Батуми меня ожидает мой друг Алик, с которым я не виделся целую вечность, А.Ф. сжалился и подписал командировку. В Батуми мы жили в шикарной гостинице, в отличном номере. Нас было трое: Алик, его друг-грек и я. Они из Рустави добирались

на автомобиле через Самтредиа, где у родственников их друзей прихватили 2 бурдюка с отличным домашним вином и коньячным спиртом. Мы практически ничего не ели, только пили вино и закусывали лепёшками, всё время находясь под кайфом. Никто из нас (как и многие другие) ни на какие заседания конференции и не думал появляться, и все дни мы проводили на пляже, а вечера в ресторане или в своём номере. Некоторых друзей Алика я встречал в гостинице и на пляже с российскими дамами, специально прилетевшими встретиться со своими любовниками. Я был лишь на заключительном банкете, на котором руководитель произнёс: «Только сейчас я вижу полный состав участников конференции». Это было сказано без всякой злобности, с долей юмора и лёгкого упрёка! Неделя, проведённая в Батуми, с его чудесными пляжами, солнечной погодой, синевой бескрайнего моря, хорошей компанией и отличными грузинскими винами была продлением лета и прелестной отдушиной в моём однообразном житии.

Рустави

В Рустави я был персональным гостем Алика Рохгендлера. Я поселился в отеле, чтобы не стеснять друга, который настойчиво приглашал меня пожить у него. Помню, как мы по утрам бегали по берегу мутной реки Куры, которая бурно катила свои воды в этом городе. Я бывал у него в институте, перезнакомился со всеми его грузинскими друзьями. Следуя местной традиции, они признали во мне их друга, так как я был другом их друга Алика. Не было дня, чтобы эти грузины не устраивали по случаю моего приезда трапезу в одном из ресторанов города. Всегда был красноречивый тамада, прелестная компания, отменная грузинская кухня и море чудесного вина. Крепких напитков они не употребляли, но вино текло рекой. В один из дней мы на двух машинах поехали покушать свежей рыбки. Они привезли меня к какой-то речке, перевезли через мост и показали какие-то грязные, аляповатые хибары. Они сказали, что на этой стороне реки расположен Азербайджан. Затем мы по тому же мосту вернулись обратно, то есть в Грузию. Они с гордостью говорили: «Посмотри, какая у нас чистота, и сравни с тем, что ты только что видел там у них в Азербайджане». Кстати, на том мосту я увидел каменный столб в виде мужского члена. Предание гласит (как они мне говорили), что его соорудили по

приказу Екатерины Второй, и он символизировал отношение России к Турции. Вот хрен вам, турки!

Мы замечательно провели время в небольшом приятном ресторанчике на берегу этой речки. Опять нагрузились основательно вином, наливая его в бокалы из керамических кувшинов. Покушали прелестную, только что выловленную из реки рыбку и отбыли обратно в Рустави. Города я не помню. Помню лишь мутную воду реки Куры с её мостиками, массивы южной зелени и вкус изумительного грузинского домашнего вина.

Кобулети

У нас в институте работал в ранге зам. директора по снабжению Зиновий Петрович Грушевский. Личность легендарная. Бывший ленинградец, прошедший “огонь, воду и медные трубы”. Его пригласил к нам на работу наш директор, А.Ф. Зиновьев. З.П. Грушевский ранее работал в нашем Министерстве начальником управления материально-технического снабжения. Видимо, он там проштрафился, и Зиновьев, зная об обширных связях З.П., “перетащил” его к нам в институт. З.П. действительно обладал феноменальными связями, особенно в Грузии. Он привозил оттуда ежегодно 200-250 путёвок в санатории 4-го Управления Грузии и отдавал их в местком института для распространения в коллективе. У меня сложились с З.П. прекрасные отношения. Он, как мне казалось, переносил на меня свою нерастраченную отцовскую любовь и относился ко мне по отечески. В том 1978 год он помог мне приобрести две путёвки в Кобулетский санаторий 4-го Управления Грузии. Этот санаторий предназначался для высоких чинов МВД, КГБ и Правительства Грузии. Там лечились сердечники. Люди были в возрасте не моложе 65 лет. Сервис, питание и условия проживания были на высоте. Море и пляж – сплошное великолепие. Погода блеск. Август. Танюшке 18 лет. Красавица, а кавалеров нет. Лишь один бабник, местный физкультурник (не помню его имени). Статный, высокий, молодой, красивый грузин. Он оригинально работал в санатории: практически ничего не делал. Только старался волочиться за дамами. Но молодых дам там не было, и он мрачнел с каждым днём. Мы проводили свой отдых всё время на пляже в компании ещё одной молодой пары. Его звали Игорь, а как звали его спутницу, не помню. Он был собственным корреспондентом

газеты "Известия" по Индии и Цейлону. А она, как выяснилось позже, была просто его любовницей. Он был занятным молодым человеком. Много повидавший, много знающий, образованный журналист-международник. Здесь он проводил свой отпуск, отдыхая душой и телом в обществе молодой интересной женщины. Игорь нас научил играть в кости, нарды. Показывал картёжные фокусы и "травил" байки из своей журналистской жизни. Больше там общаться было не с кем. Я, правда, ещё поигрывал в шахматы с какими-то старичками. Но это было неинтересно, так как они в этом деле были слабаками.

Вернусь к нашему физкультурнику. Он обратил внимание на нас и частенько подходил к нам на пляже поболтать. Он говорил, что у него в Кобулети большой дом и что он сдаёт ежегодно свободные комнаты курортникам. В тот год у него квартировали какие-то молодые парни из России. Они были профессиональными автогонщиками. Однажды наш физкультурник пригласил меня с Танюшкой поехать с ним к грекам, живущим в близлежащих горах и взращивающим там мандарины, попить греческого вина. Мы приняли его приглашение и поехали к грекам. Это было увлекательное путешествие. За рулём «Москвича» был автогонщик, живущий у нашего физкультурника. В машине нас было четверо. На перевалах было промозгло, накрапывал дождичек, под колёсами предательски шуршала галька, машина буксовала на глиняных проталинах. Но мы не сдавались! Уж очень хотелось испить греческого домашнего вина. Но его не оказалось. Оно всё было выпито теми же греками подчистую. А свежего они ещё не успели приготовить. И тогда наш физкультурник, заваривший эту кашу, предложил поехать к его другу, хинкальщику, поесть хинкали. Мы согласились, и наше путешествие продолжилось. Нам отвели специальную комнату в хинкальне, где стоял стол, уставленный бутылками вина, зеленью и фруктами. Вскоре на столе появилась и гора хинкали. Гульба набирала обороты. За круглым столом было (точно не помню) человек 6-8. Из женщин была лишь одна Танюшка. Там был один молодой, приятного вида, симпатичный мужчина, всё время поглядывающий на Танюшку. Где-то ближе к концу трапезы он отозвал меня поговорить. Мне он сказал, что ему понравилась моя дочь, что у него серьёзные намерения, что он зам. начальника милиции города Кобулети, что он закончил юрфак Краснодарского университета и собирается поступать туда в аспирантуру. Свою речь он закончил полным заверением в уважении ко мне и добавил, что он хотел бы связать свою жизнь с Таней. Я хорошо осознавал, что нужно как-то выкрутиться из этого положения. Я ему

спокойно ответил: «Ты не потянешь, твой статус слабоват!» Он меня спрашивает: «Это как?» Я ему говорю: «За дочку уже мне предлагали 50 баранов! А ты сколько сможешь дать?» Он замялся, стушевался и сник. Как раз к этому времени всё вино было выпито и съедены все хинкали. Застолье закончилась. Мы поехали обратно в санаторий. Нас долго уговаривали продлить вечер в ресторане. Но мы, сославшись на режим, отказались наотрез и удалились отдыхать к себе в номер. Больше нас этот кавалер и физкультурник, слава Богу, не беспокоили.

Ялта

Ялтинская история связана с Рэной. С её желчным пузырём, вернее с операцией по его удалению. В пузыре накопилось много камушков, закупоривших желчные протоки. Оперировал прекрасный хирург (Шевяков) в Боткинской больнице. Операция прошла успешно, но после операции произошла закупорка лёгочной артерии, так называемый инфаркт лёгкого. Обычно в этих случаях люди умирают. Но в Рэнином случае, по велению, видимо, Божьему, малый кровоток всё-таки, видимо, сохранился. Её срочно перевели в другое отделение и стали колоть гепарином для разжижения крови. Рэна постепенно возвращалась к жизни. Процесс реабилитации тянулся около четырех месяцев. Всё это время мы с Танюшкой дневали и ночевали в больнице, волновались и переживали за нашу Рэнулю. После полного выздоровления Рэна была выписана из больницы и возвратилась домой. Врачи настоятельно рекомендовали щадящий режим, больше бывать на свежем воздухе и, по возможности, не менять климатическую зону пребывания. Всё это выглядело хорошо. Но где в той Москве можно было найти оазис чистого воздуха?! Обсудив этот вопрос, мы решили поехать в Ялту, где можно было надышаться чистейшим горным и морским воздухом и хорошо отдохнуть. Но как это претворить реально, мы не представляли. Мы знали, что Ялта в разгар сезона всегда переполнена отдыхающими, и снять приличное жильё там в это время было невозможно. Эту проблему мне помог разрешить З.П. Грушевский. Я зашел к нему в кабинет и попросил его помочь мне с гостиницей в Ялте. Он моментально схватился за телефон и связался с какой-то женщиной в Ялте. Она оказалась женой начальника милиции города Ялты. Мой вопрос был разрешен, и мы получили места в интуристовской гостинице города. В гостинице был свой прекрасный пляж, лифтовый

спуск к пляжу, закрытый бассейн, рестораны, бары и прекрасные номера. В гостинице жили, в основном, немцы из ГДР. Отдых был великолепен. Я лазил по горам, ходил в походы. Мы побывали в Бахчисарае, в музее А.П. Чехова, в Ливадийском дворце, в домике Волошина. Мы подружились с какой-то парой из Берлина. Плавали в бассейне и море, загорали, играли в карты и т.д. В общем, очень беззаботно проводили время. А оно летело очень быстро, и скоро уже наступило время отъезда. Отдохнувшие, подзагоревшие и поздоровевшие, мы вернулись домой. Рэна хорошо провентилировала свои лёгкие и чувствовала себя отлично.

Отдых в Югославии (1976 г.)

Я был включён в состав группы от Министерства как рабочий, так как их там как-то нехватало! Группа была большая и разношерстная. В её составе оказались три женщины (средних лет) из Министерства гражданской авиации, а также руководители различных подразделений Министерства и его институтов. Была в составе группы одна дама из Моссовета. Группа насчитывала 40 человек. Стоимость путёвки – 240 рублей. Продолжительность – 14 дней. Намечался следующий маршрут: Москва – Белград – Сплит (самолёт) – Шебеник (автобус). В составе группы была супружеская пара. Он – Максимов, нач. управления Мингазпрома, она – очаровательное создание. В Белграде его встречали югославские друзья, с которыми он был давно знаком по бизнесу. Он поставлял им пропан-бутан. Я не был с ним раньше знаком, но он, видимо, обо мне что-то знал. Ведь Нижнекамск был крупным поставщиком пропан-бутана. В день прилёта он зашёл ко мне в номер и пригласил поехать с ним и его женой познакомиться с Белградом. Они были приглашены югославами. Я, в свою очередь, пригласил своего соседа Бориса, работающего в каком-то секретном КБ, и мы отправились знакомиться с городом. Вечер выдался замечательный. Гостепреимные югославы на двух мерседесах повозили нас по городу, затащили в свой офис на 15-м или 20-м этаже высотки в центре Белграда. Там были разговоры общего характера на русском языке. Параллельно с разговорами югославы нас потчивали прелестным коньяком.

Продолжение нашей встречи происходило в небольшом, семейного вида ресторане, на его открытой веранде с видом на оживлённую площадь. Уже наступил чудный вечер, зажглось освещение, играла лёгкая, мелодичная музыка, а мы пили прекрасные вина и коньяки. Борис

почти ничего не пил, извинился и ушёл рано из ресторана. Мы же набрались основательно, и где-то в полночь гостеприимные югославы вернули нас в отель. Я попрощался с Максимовыми и поехал на лифте к себе в номер. Но как выяснилось далее, я до номера не добрался, а улёгся спать на кушетке не на своём этаже, аккуратно раздевшись. А утром началась паника. Вся группа собралась в автобусе, чтобы ехать в аэропорт, а меня нет! Боря (большой шутник) сказал, что я в номере не ночевал. Паника достигла апогея. Группа опаздывала на самолёт. И тогда руководитель группы принял решение и послал людей пошарить по этажам гостиницы. Меня нашли мирно спавшим. Растолкали, разбудили. Я собрал быстренько все шмотки в чемодан, и мы бегом устремились к автобусу. Хмель ещё не покинул меня, и я, зайдя в автобус, сказал громко: «А почему мы не едем, кого мы ждём?» Этим самым обрёл в лице отдыхающих тех ещё попутчиков! К тому же, мои тугие кремовые стильные брюки лопнули по шву на заднице, и на общее обозрение проглядывали мои красные трусы. Но об этом я узнал позже. А пока я резвился, блуждал по проходу автобуса и нёс какую-то чушь, пытаясь смягчить впечатление от моего демарша, вызывая улыбки и смех у сидящих. Кстати, я потом, сочиняя стихи и эпиграммы, снискал что-то вроде доверия коллектива! Был прощён и даже возвеличен, вроде как человек тонкой организации души, богемы.

Из поездки запомнилась галерея Ивана Мештровича в Сплите. Этот скульптор югославского происхождения, умерший в 1962 году, последние годы жил и творил в США. Его масштабные работы высотою по 3-3,5 метра установлены в большом количестве в Дубровнике. К сожалению, посещение Дубровника не входило в программу нашей поездки. Так что я это пишу со слов видавших эти работы. Мы же любовались его работами в Сплите, в галерее его имени. Сама экспозиция расположена на открытой площадке и в закрытом здании музея. Запомнилась скульптура циклопа, выставленная в открытом парке. Музей произвёл сильное впечатление. Вкупе с великолепной солнечной погодой всё создавало отличное настроение. Самый разгар курортного сезона – сентябрь на Адриатике – это чудо! Я ничего не знал о скульпторе, его творчестве. Забегая вперёд, побывав в музее Родена в Париже, я могу сравнить творчество двух титанов. По уровню творчества, по силе воздействия, Иван Мештрович никак не слабее Родена. Это, конечно, моё субъективное мнение, но всё же. Галерея прекрасно расположена. Ряд пальм, рядом протекающая река и террасообразно возвышающийся музей создают впечатление дивного ансамбля.

Далее наш путь лежал на Шебеник. Курорт на Адриатике, в составе нескольких отелей, где традиционно отдыхали посланцы страны Советов. Хотя мы там встречали и группы из ФРГ. Одна девица из гражданской авиации, которую мы звали серенькой мышкой, завела шашни с богатым пожилым барменом и на зависть всем остальным женщинам группы проводила время с ним в ресторане. А у другой женщины, тоже из гражданской авиации, состоялся красивый и серьёзный роман с одним югославом из Загреба, который также отдыхал в нашем отеле. Он очень красиво ухаживал за этой уже не молодой особой. Мы все очень переживали за них и всячески их поддерживали. Этот роман не имел продолжения, так как различие культур, ментальности и стран свели на нет все их усилия. Шёл крутой товарообмен с обслугой отеля. Советская техника (транзисторы, часы, фотоапараты) ценились в Югославии, и мы продавали всё, что было с собой на кроны для того, чтобы привезти домой какие-либо сувениры в бедную Москву. Нам обменивали при поездке какой-то мизер на карманные расходы. Этих денег не хватало, чтобы зайти хоть раз в бар. Мы все были на голодном пайке и ничего не могли себе позволить, не говоря уже о том, чтобы загулять. И в этой ситуации продажа техники было единственной возможностью что-то прикупить или гульнуть в ресторане или баре. Я продал свои командирские часы Чистопольского завода и фотоаппарат «Зоркий». На вырученные деньги мне удалось купить кофейный сервиз «Мадонна», отрез модного тогда кремплина Рэне и что-то ещё не, помню что. Отдых был довольно монотонным: завтрак, пляж, обед, сон, пляж. Вечером – TV или танцы-манцы. Посиделки, анекдоты, песни и сон. Развлечениями были ныряние за крабами, сбор ежевики, шахматы, поездки на рынок, биллиард, пинг-понг. Интересно было наблюдать за ловлей рыбы. В вечернее время на большом баркасе с прожектором на носу стоял мужик во весь рост с гарпуном в руке с трезубцом на конце. Он вонзал этот гарпун с большой силой, протыкая рыбину. Это были, по-видимому, крупные рыбины, похожие на тунца. Я думаю, весом по несколько кило. Он их сбрасывал на дно баркаса, который медленно и бесшумно проплывал мимо нашего пляжа. А в это время на открытой площадке звучала музыка и люди танцевали. Незабываемое впечатление оставили соки различных ягод. Эти соки отличались великолепным вкусом и красочной упаковкой.

Отдых пролетел как-то незаметно быстро, мы сдружились и по прилёту в Москву несколько раз собирались в ресторанах, ностальгируя по Югославии и по компании. Затем это само собой затухло. И всё же вся поездка была, как глоток чистого воздуха, свободы и культуры.

Загранкомандировка 1979 года

В конце 70-х годов по решению верхов на Каме начали строиться импортные, комплектно закупаемые установки: этилена пиролизом бензина, окиси этилена, альфа олефинов и ПАВ. Затем на базе окиси этилена было построено производство этиленгликоля. Был также построен этиленопровод на Казань и Салават. Все закупки были осуществлены у самых развитых стран: США, Англия, Япония, ФРГ и Италия. Вся инженерная подготовка приложений к контрактам осуществлялась Гипрокаучуком и Внипинефтью при участии дирекции НКНХК. Выбор технологии, разработчиков проектов и поставщиков оборудования был выполнен институтами Министерства и конторой Техмашимпорт Минвнешторга СССР. Первая ознакомительная поездка была в 1979 году. США – 14 дней, 7 дней – Франция, 7 дней – ФРГ. Из-за моей как бы неблагонадёжности (тётя в Штатах) я был допущен только в Европу.

Франция

Во Франции мы посетили Париж, Лион, Гавр и Марль. В Париже нас принимала компания Литвин. Её сотрудник Власов (русскоговорящий) был нашим гидом как по Парижу, так и по всем другим городам. Апрельский Париж нас очаровал. Мы повидали Лувр, Дом инвалидов, музей Родена, музей Мадам Тюссо, Музей импрессионизма, Нотр Дам, Эйфелеву башню, Центр Помпиду, Версаль, Латинский квартал, Монмартр, Мулен-Руж, Лидо, Сену с её книжными лавчонками, Елисейские поля и многое другое, что не сохранилось в памяти, к сожалению. В Лионе мы знакомились с исследовательской компанией Рон-Пуленк. В Гавре – с транспортировкой жидкого этилена на морских танкерах. В Латинском квартале мы заметили единственную во всём Париже очередь, состоящую, в основном, из смуглых мужчин. Наш гид объяснил нам, что это очередь в дешёвый публичный дом. На Монмартре мы окунулись в богему: масса картин, множество художников. Тут за 10 франков вырежут моментально твой профиль, продадут любую картину. Там стоял гул голосов, как на рынке. Всё переливалось яркими красками. Солнечный апрельский день будоражил наши души. Представляете, я впервые во Франции, в её сердце, в Париже! Это осознание момента меня приводило в состояние полнейшей эйфории. Неподалеку возвышалась церковь Сакре-Кёр, как говорят, построенная

на средства проституток. На площади расположено знаменитое кафе Ротонда, где бывали знаменитые артисты, художники, писатели, музыканты, люди творческого труда. Там же бывал знаменитый А.А. Алёхин. В Париже в Зале конгрессов, напротив нашего отеля, мы посмотрели какую-то серию нашумевшего в те годы эротического фильма «Эммануэль». Для нас-пуритан это было потрясение.

Стриптиз-бар Лошадки

В один из вечеров господин Власов повёл нас в этот самый знаменитый стриптиз-бар Парижа. Это блестящее шоу потрясающих женских раздетых тел, под томную музыку и шампанское, приглушённый свет, запомнилось надолго. Тонкая драматургия каждого номера была хорошо продумана, срежиссирована и не вызывала похотливых эмоций. Там ещё работал, я бы сказал, антифокусник. Все его номера были построены на фарсе: он вроде пытался скрыть секрет номера, но, в действительности, всё выплывало наружу. Его выступление, также как и выступление лошадок, зрители принимали очень тепло.

На выходе из бара, где-то в час ночи, ко мне, выбрав меня из всей группы, подошёл сутенёр и предложил женщину, и на мой ответ «нет», он предложил мне проститутку с машиной, и я опять ответил «нет». Все стали подтрунивать надо мной, видимо, сутенёр увидел, что я самый озабоченный! Затем Власов нас провёз по улице Пляс-Пигаль, где гнездились проститутки. Все женщины были довольно молоды, красивы. Одеты одинаково, наподобие униформы: кожаная жакетка до пояса, высокие черные сапоги до колен, черные короткие шорты, открывающие вид на фигуру и ноги. Все они стояли с собачками на поводках и ключём от авто или квартиры, который они непрерывно вращали на пальце.

Конечно, за семь дней невозможно осмотреть весь Париж, а ещё у нас были Лион, Гавр и завод синтетического каучука в Марле. Но мы были заворожены и тем, что увидели. Сначала мы были в Париже втроём – Климакин, Сиваков и я. Затем к нам присоединились приехавшие из Америки Короткевич с Верновым и компанией. Климакин был после инфаркта. Сиваков был заместителем начальника главка, и ему нечего было делать в этой командировке. Они оба были посланы, чтобы сопровождать меня, так как меня одного посылать было нельзя. Нас троих разместили в небольшом отеле Виктор-Гюго на улице его же имени. Я не мог совершенно спать, и хотелось всё время гулять по Парижу и

вдыхать его неповторимый аромат. Мы спали урывками по 2-3 часа в ночь, а остальное время проводили, гуляя по парижским улицам, бульварам и площадям. Мы впервые оказались на площади Бастилии и убедились, что Бастилия снесена. Лишь на асфальте остались её контуры, нанесённые несмывающейся краской. Мы наблюдали ночью за уборкой улиц. Их мыли с мылом, поливая водой из шлангов с приличным давлением. Вся нечисть смывалась в знаменитые парижские сточные коллекторы. В апреле Париж выглядел потрясающе. Какой-то неповторимый аромат этого замечательного города, до боли знакомый нам по книгам великих писателей: Гюго, Бальзака, Мопасана, Флобера, Дюма и других.

На фирме Литвин было несколько комичных сцен: знакомимся с боссом. Он – мосье Кац, одна рука на перевязи и говорит по-русски. Руку повредил, катаясь на горных лыжах, русский язык передался от предков. На фирме уже тогда работало несколько человек, недавно уехавших из России. На фирме также работал господин Власов – потомок русских эмигрантов двадцатых годов. У него дома, как он говорил, гремучая смесь: жена-грузинка и двое пацанов-французов. Говорят на смеси русского, грузинского и французского языков. Темперамент бешенный. Неорганизованность беспредельная. Никакого расписания, ни графика посещений и встреч. Каждое утро он появлялся у нас в отеле в 9 утра и вопрошал: «Ну-с, господа, что будем делать?», и предлагал варианты времяпровождения. Каков? А? Это был такой разительный контраст с Германией!

Ещё приведу несколько курьёзных случаев. Вернов заходит ко мне в номер, включает в ванной воду, тащит меня в ванную комнату и там мне рассказывает о происках шпионов-разведчиков и возможных провокациях, на правах опытного, побывавшего за рубежом человека, желая меня предостеречь от неприятностей, так как я в первый раз оказался зарубежом. По возвращению нашей делегации из Штатов нас перевели в современный, огромный отель, находящейся напротив Дома Конгрессов, напоминающий большой муравейник. Как известно, Париж – перекрёсток всех дорог. И вот однажды, идя на завтрак, где-то в районе 9 утра, мы спустились с Верновым на лифте до 1-го этажа. Вернов остолбенел, когда какой-то японец бросился к нему с возгласом на русском языке: «Паша-сан, Паша-сан. Здравствуйте!» Павел решил, что это провокация, и хотел уклониться от встречи. Но японец залепетал, что он долго работал на НКНХК на монтаже оборудования и оттуда знает Вернова. Они на бегу поприветствовали друг друга. Павел успокоился, и мы продолжили свой путь на завтрак. Японец летел домой, и Париж у него был лишь перевалочным пунктом.

На Лувр у нас было всего отпущено два часа, так как график всевозможных встреч и посещений у нас был очень плотный. В Лувре нам удалось осмотреть великую картину Джоконда, работы французских, итальянских и фламандских живописцев.

Джоконда, милая Джоконда
Какую тайну ты хранишь?
Века промчались безоглядно,
А ты всё та же и молчишь!

К сожалению, из-за дефицита времени большего увидеть не удалось. Так что божественная красота мест и местечек города, его неповторимая, завораживающая архитектура, знакомая нам по книгам, картинам и фильмам осталась как бы недосмотренной. Но даже мимолётно увиденные шедевры отдавали болью и радостью соприкосновения, сопричастностью познания. Кто-то из великих сказал, что после Парижа можно умирать смело, без сожалений! Я не литератор, и в мою задачу не входит описание красот Парижа, да я бы и не смог этого сделать. Так что опустим этот аспект и остановимся на некоторых деталях, засевших в памяти надолго.

Дом инвалидов

Запомнился саркофаг Наполеона из тёмно-коричневого мрамора. Величественный и большой, стоящий на высоком постаменте, окружённый двумя кольцами, внутри которых перечень побед Наполеона. В том числе упомянута Москва..., что очень удивило нас. Я думал, что Москва – это поражение Наполеона. Но мне объяснили, что если город был занят (хотя, как известно, Наполеон из него бежал, и русские город не сдали на милость победителя), то это считается по международным правилам победой!

Неподалеку размещалась статуя его брата Жозефа, который управлял в те годы Испанией.

Стоящий на открытой площадке около музея постамент для советского танка Т-34, легендарная машина времён 2-й мировой войны – дар Советского правительства французскому народу. Французы нам рассказывали, что этот танк в знак протеста два раза поджигали, и в конце концов его убрали с постамента.

Как нам говорили французы, Мулен-Руж – это пух и перья. Но для нас это было что-то! В то время там давали два представления. Одно начиналось в 10 вечера, а второе, по окончании первого, в 1 час ночи. Мы были на первом представлении. Нас пригласила фирма Литвин. Народ собирается, рассаживается и один час времени даётся на питьё, закуску и танцы. Затем начинается представление. Там было много замечательных номеров с отточенной хореографией, танцами, акробатикой и, конечно, эротикой. Женщины подобраны великолепно, все танцуют с открытой грудью, в шикарных нарядах. Запомнился тематический номер, посвящённый знаменитому Тулуз-Лотреку.

Тулуз Лотрек был ростом невелик,
Но велики его проделки, шашни.
Он мировую славу приобрёл
Повыше Эйфелевой башни.

Был там ещё один номер, поразивший меня. Помню, как под горку низвергается поток воды, увлекающий за собой какие-то стулья, кресла,

доски и исчезающий прямо перед авансценой, повидимому, в приёмный резервуар, из которого вновь подаётся наверх, к началу водопада. Это было сделано очень красиво, инженерно грамотно и необычно. Посещение Лидо не осело в памяти. Там было примерно то же, что и в Мулен-Руж.

Лион, Рон-Пуленк

Нас знакомил с институтом профессор мосье Капитан. Мы разговорились и он, узнав, что Татьяна студентка химфака МГУ, на полном серьёзе предложил мне, чтобы она приехала к нему на пару месяцев для практики. Для нас тогда это был 100% нонсенс. Мы даже представить не могли, что это возможно. До чего же мы были стреножены нашей соцсистемой! Практически мы города не видели, так как вечером у нас был обратный рейс на Париж. На обратном пути из фирмы в аэропорт французы завезли нас на самую высокую точку города, где расположился великолепный собор. Внизу были видны две реки, Луара и ещё другая, кажется, Рона (не помню точно), и вот французы, сопровождающие нас, спрашивают: «Сколько рек вы видите?». Мы отвечаем: «Две.» Они говорят: «Ответ неправильный.» «Как так?» А они заговорчески ухмыляются (видимо, это их домашняя старинная заготовка) и говорят: «Три, только одна невидимая. Это поток вина Божоле, производимого в этих краях.» Кстати, прелестное вино. К слову говоря, нам рассказывал Власов, что у парижан есть традиция: из винограда, произрастающего в Париже, ежегодно делать одну бочку кислятины для экзотики.

Запомнился поход на Эйфелеву башню и небоскрёб в районе Центра Помпиду. Обед на 98-м этаже этого здания. Площадь Бастилии. Ритуал приёма пищи в ресторанах. Это мучительная, длительная процедура на 2,5-3 часа. С приготовлением мяса на открытом огне на вертеле, выбор вин, смена блюд, десерт и на финише на выбор сыры в большом разнообразии. Во Франции, как нам говорили, производится около 400 сортов сыров. Всё это поражало и удручало.

Гавр

В Гавре мы были лишь на грузовом причале и видели огромный танкер для перевозки жидкого этилена. Он состоял из трех

резервуаров ёмкостью каждого по 20000 тн этилена. Танкер возвышался на пирсе, как 6-8 этажный дом, высотою порядка 20-25 метров. Видимо, на этом судне была серьёзная холодильная установка и мощные электрогенераторы. Вот и всё о Гавре. Мы, к сожалению, ничего больше не смогли повидать в этом городе из-за дефицита времени. Мы всё время во Франции куда-то спешили. И поездка в Гавр тоже не была исключением.

Марль

Там мы знакомились с установкой по производству окиси этилена прямым окислением этилена кислородом. Это очень опасное производство, так как реакция окисления на серебряном катализаторе практически идёт на грани взрыва. На насосах по перекачке концентрированной окиси этилена нам показали систему пожаротушения, приводимую в действие с пульта управления. Мы попросили показать её в работе. И пошёл настоящий ливень! Вода лилась рекой! Для обезвреживания окиси этилена требуется двадцатикратное разбавление (если я правильно помню). У них был аварийный случай, после которого они смонтировали эту установку. Интересное наблюдение: мы обедали в заводской столовой и видели, как два француза за обедом выпивали в обеденный перерыв запросто бутылку вина на двоих. А ведь они работают на взрывопожароопасном производстве!? И ещё одно. Мы из Москвы, как обычно, везли палки хорошей копчённой колбасы. Осознав, что при таком приёме французской стороны, она вряд ли нам пригодится, я отдал обе палки колбасы официанткам этой столовой, и они были довольны. Города мы не видели совершенно. Мы были лишь на заводе. Так что о городе ничего сказать не могу.

Встреча с фирмой Прессиндустрия в Париже

Встреча с фирмой Прессиндустрия (Милан, Италия) состоялась в Париже.

Эта деловая дружеская встреча была в апреле 1979 года в ресторане Этуаль-де- Моску (Звёзды Москвы). Хозяином этого

заведения был 84 летний Виктор Новский, соперничавший в 20-30-е годы с А. Вертинским. Выбор этого ресторана был единогласным между сторонами. Всего на встрече было 20 человек, 15 из России и 5 человек из Милана во главе с вице-президентом компании Паоло Странео. Итальянцы специально прилетели в Париж, чтобы обсудить некоторые технические вопросы будущего контракта. Обстановка на этой встрече была непренуждённой и доверительной. Итальянская сторона принимала нас в Париже, в русском ресторане. В этом ресторане всё было в старинном русском стиле, начиная с блинов с икрой, селёдочкой с водочкой и кончая пением девушек вокруг самовара, а также хороводом и танцами. Но начался этот вечер ещё ранее с поездки на такси. Первое, что я услышал от водителя такси, молодой, привлекательной женщины, на чистом русском языке с акцентом: «Куда мы едем?» Оказалось, что они с мужем эмигрировали из Польши и поочерёдно подрабатывают на такси. В ресторане был забавный случай. Наша компания занимала два стола, по 10 человек за каждым столом. За одним столом сидели VIP (очень важные персоны), включая итальянцев, представителя Техмашимпорта и Короткевича. Я был также в этой компании. В ресторане было ещё две пары из Германии, как мы выяснили позже. Немного подвыпив, я откликнулся на зов Новского и, взяв микрофон в руки, спел акапелла “Только раз бывает в жизни встреча”. Как вдруг от немецкого стола в качестве награды мне через весь наш длинный стол переправили какую-то банкноту. Оказалось, это 100 франков (около 16 долларов США). Но мы же люди гордые и, несмотря на полное отсутствие валюты, Юра Логачёв, сказав, что это неудобно, вернул эту банкноту немцам. Хотя, впоследствии узнав, что у одной из немок день рождения, он послал им на стол 2 бутылки шампанского. Виктор Новский подарил нам пластинки с записью старинных русских романсов и песен. В 2 часа ночи в ресторан пришёл красивый, высокий, статный, с седыми прямыми волосами до плеч русский, былинного типа человек, представившийся Борисом Годуновым. Он был мужем одной из танцовщиц, работающих у Новского. Он, закончив петь в ресторане Максим, заехал за женой. Увидев столько русских, да ещё в подпитии, он с удовольствием пропел нам много хитов из своего репертуара. У него был глубокий, приятного тембра мощный бас. Он пел народные русские песни, которые я никогда раньше не слышал. Так мы, сгрудившись за одним столом, просидели до 4 утра и разошлись подпитые и умиротворённые.

ФРГ

Какой разительный контраст в организации визита! Сразу, сойдя с трапа самолёта, каждый член нашей делегации получил распечатку программы нашего пребывания в ФРГ. В ней было предусмотрено абсолютно всё: отели, прибытие и убытие с точностью до минуты, также было указано с вещами или без, города, предприятия и фирмы, которые мы должны были посетить и, конечно, расписание нашего культурного отдыха в вечернее время: рестораны, клубы, театры и т.д. И, что удивительно, всё, изложенное в программе, было выдержано с пунктуальной точностью! График был очень плотный, мы посетили многие города и фирмы. Иногда в день мы посещали несколько фирм. Такие фирмы, как Зальцгиттер (Брауншвейг), Деви Пауэр Гэсс (Кёльн) – основные наши партнёры, и ещё одна фирма, владеющая процессом производства ПАВ, курировали наше пребывание в ФРГ, оказывая максимум внимания и расположения. Запомнились моменты поездок по Рейну (Рюдесхайм), центру интернационального развлекательного туризма, Трир – музей Карла Маркса, выстовка абстрактного искусства с 1929 до 1979 г. в Кёльне, люфткурорт на склоне зелёной горы рядом с Рюдесхаймом, политкабаре в Кёльне и там же оперный театр.

Я ещё несколько раз бывал в ФРГ, и каждый раз меня поражали чистота и порядок. Немецкий орднунг – вещь противная. Он резко контрастировал с порядками, с которыми мы столкнулись во Франции. Немецкий орднунг – вещь абсолютно чуждая русскому человеку, привыкшему к бардаку и расхлябанности, делавшему много в жизни на авось. Так что их орднунг нам органически неприятен и неприемлем. В контрасте с хаотическими порядками, царившими во время нашего пребывания во Франции, свободным, вольным распорядком дня, нам было очень тяжело морально перестроиться на режим всеобщего орднунга в ФРГ. Но, опять же, се-ля-ви. Жизнь продолжалась, и всё текло по строго заведённому в ФРГ распорядку. Жизнь продолжала нас радовать новыми впечатлениями и знакомствами. Конечно, в ФРГ мы не увидели такого, что мы смогли увидеть в Париже, но то немногое, что мы успели повидать за этот 7-дневный визит, убедило нас в таланте и трудолюбии немецкого народа. Немецкая культура – это мощный пласт мирового искусства. На протяжении многих лет немецкие представители культуры задавали тон в мировой культуре, прерванный лишь периодом нацистского правления. Со многими трудами немецких литераторов, поэтов, музыкантов,

учёных, инженеров и конструкторов мы знакомы, и нет надобности об этом распространяться. Но необходимо заметить, что это всё относилось, в основном, к 19-му и началу 20-го веков.

У нас во время визита были встречи с несколькими фирмами: Зальцгиттер, Дави Пауэр Гэсс и др. В последующем я несколько раз ещё бывал в ФРГ, работая там по месяцу-полутора уже в рамках подписанных контрактов. Так что свои впечатления об этой стране здесь обобщены. Эти встречи и переговоры, а также осмотр действующих установок должны были подвести нас к окончательному выбору процесса, проектировщика и поставщика оборудования. И, в конечном итоге, после обсуждения коммерческих вопросов к подписанию контрактов. Забегая несколько вперёд, скажу, что выбор был остановлен на немецких компаниях вкупе с американскими компаниями, разработчиками технологических процессов. Исключение было только в части установки по производсту ПАВ, по процессу которого итальянская компания Прессиндустрия имела явное превосходство. Сравнивая немецкие, французские и итальянские компании, мы отдавали предпочтение немецким компаниям. Если компании расположить в зависимости от чёткости инженерных решений, сроков проектирования, ответственности в принятии решений, то, как ни странно, они располагались в том же порядке, как и экономики этих стран: ФРГ, Франция, Италия. Однако в некоторых нюансах технологии процесс синтеза ПАВ фирмы Прессиндустрия оказался более предпочтительным, нежели синтез фирм ФРГ и Франции. Поэтому он и был выбран. Как показала в дальнейшем эксплуатация этой установки, все контрактные параметры были выдержаны, и установка работала отлично, что подтвердило правильность нашего выбора.

Одним из интересных наблюдений во время моего пребывания в Германии было возвращение ко мне немецкого языка. Он как бы всплыл в моём сознании после долгой спячки. Не имея языковой практики, несмотря на то, что я изучал немецкий язык и в школе, и институте, я его безнадёжно забыл. Но... оказалось, что не совсем. Забавный случай, подтверждающий вышесказанное. Мы колесили по ФРГ на автобусах. И вот как-то раз мы на автобусе были в дороге около 10 часов с остановками на перекус. Я, сидя рядом с профессором Мюллером, всю дорогу проговорил с ним на его родном языке! Это было для меня совершенно неожиданно и удивительно. Но это факт. В нашей делегации я слыл знатоком немецкого языка. Любопытное воспоминание: наша переводчица с английского языка Люда Городина упрашивала меня

помочь ей в покупках женского платья в супермаркетах. И я это делал. Случай с В. Марченко. Он купил подсвечник из тонкого, цветного фарфора, очень изящной формы. Но при транспортировке в трамвае один лепесток треснул. Виктор упросил меня съездить с ним в магазин обменять подсвечник. Был непростой разговор, но зав. секцией всё-таки разрешила обмен, после моей фразы: «Вы что хотите, чтобы моего друга жена выгнала из дома с такой покупкой?!» Третий случай, когда мы покупали всей группой по сравнительно низкой цене магнитофоны. Я там также выступал в качестве переводчика. Всё-таки занятия немецким языком в школе и институте хоть здесь, по прошествии стольких лет пригодились! Германия запомнилась порядком, чистотой, изобилием, сравнительно невысокими ценами и высоким уровнем жизни.

О порядке

Мы сверяли свои часы по расписанию трамвая, который нас доставлял на фирму и в город за покупками. Это наблюдалось ежедневно, с постоянной чёткостью. У остановки трамвая, наискосок нашего отеля, на столбе было вывешено расписание движения трамвая. Мы приходили заранее и ожидали трамвай. Местные же люди подходили к трамваю точно минута в минуту, согласно расписанию, и не было ни разу сбоя: трамвай работал, как часы. Он никогда не запаздывал. На этом же трамвае вы могли доехать даже до соседнего города Дюссельдорфа, находящегося за несколько десятков километров от Кёльна. Я не могу ничего сказать про оплату проезда, так как мы предъявляли проездные билеты, которые нам фирма выдала сразу в первый день работы на весь период нашей командировки.

О торговле по образцам

Рядом с отелем был расположен мебельный магазин, в котором мы никогда не видели покупателей. Для нас это было непривычно и непонятно. Как же он не прогорает? Оказалось, что вся торговля идёт по образцам, указанным в каталогах, которые издаются магазином и распространяются среди потенциальных покупателей. А далее следует заказ. Доставка, оплата и т.д. Брак исключён – это Германия. Вся продукция добротная, высокого качества. И ещё: производитель

в условиях рыночной торговли очень беспокоится о своём добром имени, так как велика конкуренция. Для того, чтобы быть успешным в бизнесе продукция должна быть высокого качества, и поставщик должен обладать неподмоченной репутацией.

О питании

Несмотря на апрель месяц, на столах было везде полно фруктов, овощей и всего, что душе угодно. Нет солёной рыбы, икры, воблы, кваса и т.д., то есть исконно русского деликатеса. Не было и бородинского чёрного хлеба. Но зато было изобилие разнообразных продуктов: мясо, колбасы, сыры, пиво, шнапс – всё отличного качества, в большом количестве и обширном ассортименте. Всё это мы наблюдали повсеместно в крупных городах и небольших поселениях. А незабываемый айсбан – зажаренная свиная нога с картофелем – объедение, очень популярное в Германии. Съедается с подъёмом и запивается отличным пивом.

Из культурной программы

Мы, в основном, базировались в Кёльне. Поразил Рейн. Архитектура. Собор. Рейн в наш первый приезд (1979 г.) был, как сточная канава для сброса загрязнённых вод. Как говорили сами немцы, ты мог лишиться кожи, если попробовал бы окунуться в эту реку. Забегая вперёд, отмечу, что за очень короткий промежуток времени, за год-два немцам удалось очистить Рейн, превратив его в нормальную реку с чистой водой.

Кёльнский собор – уникальное строение с прелестными витражами и отличным органом. Он строился примерно 800 лет. В годы войны он был частично разрушен. Сейчас он полностью восстановлен. Там высоченный свод, огромный зал, вмещающий несколько тысяч человек. Один раз в неделю даётся бесплатный одночасовой органный концерт с приглашением лучших органистов Европы. Из поездок в Германию запомнились: прогулка по Рейну на теплоходе, музей механических музыкальных инструментов в Рюдесхайме, люфткурорт там же, Кёльнский оперный театр, политическое кабаре в Кёльне, выставка абстрактного искусства 1929-1979 г.г. в Кёльне, публичный дом в Кёльне, концерт в Кёльнском оперном театре, лесозащитный пояс вокруг Кёльна и приём у г-на Мюллера на вилле.

Музей механических музыкальных инструментов

Все экспонаты музея были действующие. Гид включал их, и всё пело и играло. Перфорированные диски-программаторы, вращаясь, давали соответствующие сигналы, приводящие в действие исполнительные механизмы. Старинные инструменты, поддерживаемые в рабочем состоянии умельцами, издавали вполне членораздельные звуки, выдавая соответствующие мелодии! Было занятно познакомиться с этой стороной деятельности человечества.

Оперный театр города Кёльна

В летние месяцы театр не работает. Труппа отдыхает. По-видимому, это относится ко всем европейским театрам, поскольку я с этим также встретился в Италии. А так как мы всегда работали в Кёльне летом, то послушать что-либо мне ни разу не удалось. Да и посмотреть главный зал я смог лишь через небольшую щель в дверном проёме. Сцена и зал впечатлили. Мне показалось, что зал где-то на 2-2.5 тыс. человек. В фойе свисали огромные люстры почти до уровня головы. Они не были зажжены, так как это происходило в дневное время. Их интересный дизайн и оригинальность производили большое впечатление. На стенде в фойе я увидел большими буквами написанные фамилии композиторов, чьи произведения исполняются здесь. В том числе я увидел фамилию Шестаковича. Мне было приятно сознавать, что в этом театре чтят гениального моего соотечественника! В связи с этим я подумал, какие же были в Политбюро уроды, третирующие его, являющегося достоянием страны! Мы с моим коллегой, Виктором Марченко, были на камерном концерте, где исполнялись 26 песен Шуберта. Исполнителем был тенор Кёльнской оперы, обладающий неплохим голосом. Мы запаздывали и блуждали по коридорам театра, ища место проведения концерта. Вдруг мы увидели двух курящих мужчин. Я обратился с вопросом, где же будет концерт. Один из них объяснил, как найти зал. Мы поторопились туда. Небольшой зал, примерно на 100 человек,был уже заполнен до отказа слушателями. Мы нашли наши места и стали ждать. Каково же было наше удивление, когда певцом оказался тот самый мужчина, который нам указал, где находится зал. Второй мужчина был его аккомпаниатор. Пел тенор превосходно. Шуберт, Кёльн, Германия, отзывчивая публика,

камерность. Всё гармонично сочеталось с нашим настроением. Мы чувствовали себя на седьмом небе.

Политическое кабаре

Демократия, свобода слова, выборность, волеизъявление граждан, социальное неравенство, критика властей – всё это присутствовало на шоу. Действие происходило в небольшом помещении полуподвального типа, в центре города. Нас было 6 человек. Инициатором был я, так как я один понимал язык. При входе девица проверяла билеты. Именнно она оказалась в паре с мужчиной героиней шоу. Войдя в фойе, мы вдалеке слева увидели женский и мужской портреты, обнаженные почти полностью, в полный рост. Это оказались входы в туалеты. Зал представлял собой вытянутую кишку на 100- 120 человек со стульями, установленными как в обычном зале, а также по бокам вдоль стен. Репертуар соответствовал задачам кабаре. Высмеивался, например, министр соцобеспечения. Гвоздь юмора, отображающего бедное прозябание некоторых слоёв общества, когда исполнитель повернулся к залу, и у него оказались оголёнными ягодицы. Верх немецкого, грубого, натуралистического юмора. Мы в последующем многократно сталкивались с проявлением немецкой солдафонности. Прослышав, что в зале присутствуют русские, этот дуэт стал отпускать недозволенные шутки в наш адрес. Не желая нарываться на скандал, мы покинули шоу. Мы боялись нежелательных последствий нашего визита в это кабаре.

Выставка абстрактного искусства (1929-1979 г.г.)

Выставка была организована в 5-этажном здании, расположенном на правом берегу Рейна, не вдалеке от ж.д. путей при въезде в город. Мне помнится, что в окраске этого здания преобладали песочные цвета. Проезжая мимо этого здания на поезде, мы видели растяжку с надписью «Выставка абстрактного искусства с 1929 г. до наших дней». Это происходило в 1979 году, что означало, что выставка была юбилейная, приуроченная к 50-летию возникновения этого течения в изобразительном искусстве. При входе в здание нас встретила миловидная женщина, указующим жестом руки приглашавшая посетителей пройти

к началу осмотра экспозиции. Среди авторов было много русских имён: Малевич, Петров-Водкин, Кандинский, Татлин, Шагал. Из западных знаменитостей были представлены работы Дали, Пикассо и др. Были группы восковых фигур. Было много работ неизвестных нам художников. Запомнилась скамейка с прибитой к ней металлической тарелкой с окурками, остатками какой-то пищи и прикреплённой бутылкой из-под вина и пустой метaлической банкой пива. Было много картин с какой-то мазнёй, с совершенно непонятной мне идеей. Спустившись вниз, я в фойе обнаружил всё ту же женщину в той же позе. Оказалось, что это искусно выполненная имитация женщины из воска! Она была так естественна, что раньше я в ней не обнаружил подвоха.

Рюденсхайм

Международный курорт на Рейне. Центр развлечений. Запомнился вечер в ресторане. Публика – весь белый свет. За длинными столами заседает, выпивает и веселится разноязычная масса людей из многих стран и континентов. На принадлежность стран указывали флажки, стоящие во главе столов. Наша большая, русская компания не отставала и веселилась, как могла. Вскоре, изрядно подвыпив, наш руководитель А.Ф. Зиновьев уже требовал от оркестрантов играть русские песни. А потом, призвав ещё несколько человек и меня в том числе, затянул песню «Из-за острова на стрежень, на простор седой волны, выплывают расписные Стеньки Разина челны!» Мы помогали ему, как могли. Это было что-то! Весь зал пел вместе с нами и в конце рукоплескал нам. Мы побратались с рядом сидящими шведами и финнами. В завершение вечера, когда всем уже было море по колено, под ритмичную мелодию болеро Малера, цепочка людей двинулась на карачках, с руками на поясах впереди стоящего, извиваясь среди столов, с выходом на улицу и вернулась в ресторан. В финале наша группа певцов исполнила «Очи черные» под несмолкаемые аплодисменты. Этот вечер, полный русской разгульности и забавы, помнится мне всю жизнь!

Люфткурорт

Это был прекрасный 8-этажный 5-звёздочный отель, стоящий одиноко на зелёном холме в районе Рудесхайма. До отеля можно

было добраться только на автомобиле. Там был обширный, хорошо организованный паркинг. С отеля открывался чудесный вид на Рейн. День был солнечный, жаркий. Прибыв в отель, мы мигом разоблачились и понеслись на крышу здания, где был небольшой бассейн. Никакой одежды, только плавки и халаты, на босую ногу и в лифт. Также с полотенцами и обратно в номера. В бассейне оборудованы специальные кабинки с лежаками, где вы можете принять ультрафиолет для загара, а также имелись сауна, джакузи и душевые. Сам бассейн небольшой, 25 метровый на 4 дорожки. Наплававшись и отдохнув, мы спустились в ресторан на ужин. Ресторан находился в подвале. Еда была отменная, выпивка – пиво и шнапс. Откушав, я сел за пианино и спел русский романс «Утро туманное». Наши орлы дружно подпевали. Вслед за нами немцы затянули что-то своё, очень напоминавшее марш «Дранг нах Остен», стуча в такт руками по столу. Было как-то неуютно, но они этого не понимали, и после нашего очередного романса немецкая капелла повторила опять что-то своё, незнакомое, в аналогичном стиле. В целом обстановка была непринуждённая и дружелюбная.

Интернациональный публичный дом

Это было летом 1980 года, когда Олимпийские игры в Москве набирали ход. Мы знали, что западные страны своих спортсменов на эти игры не послали в знак протеста против вторжения советских войск в Афганистан. В тот день мы были приглашены на ужин главой компании таксистов, обслуживающей нашего лидера А.Ф. Зиновьева. Ужин происходил в его очаровательном доме. Он – пожилой крепкий немец, его сыновья с жёнами и наша команда расположились в подвале, за столами вокруг телевизора, по которому шла трансляция из Москвы. Здесь нужно оговориться, что в ФРГ, согласно решению правительства, показ Олимпиады был запрещён. Но бойкие фирмы, учитывая спрос рынка, тотчас сделали бизнес на этом и выбросили на продажу специриставки к ТВ, чтобы простые граждане могли смотреть трансляцию Олимпиады, передаваемую из Австрии. Так что мы, будучи в ФРГ, смогли в тот вечер посмотреть репортажи с арен Олимпиады.

Солидно подвыпив, мы ближе к полночи на трёх мерседесах возвращались в отель. Я с ребятами ехал в последней машине и, решив похулиганить (ибо тогда говорил по-немецки сносно), спросил у шофёра, а как здесь в Кёльне обстоит дело с публичными домами. А он мне

спокойно отвечает: «Сейчас покажу, только ты скажи своим ребятам, чтобы они не говорили по-русски». Я посоветовался с ребятами, и все согласились посмотреть на этот дом. Оказалось, что публичный дом расположен в пяти минутах езды на машине от нашего отеля. Дом с красными фонарями – башня в 12 этажей. Внешне напоминал обычный отель. В фойе – стойка, где происходит оформление заказов. Играла тихо музыка, свет был приглушен. И никого, кроме клерка за столом. Но как только мы выстроились в линию (как нам сказал шофёр), откуда-то из чрева здания стали выходить очаровательные жрицы любви на любой вкус. Они были различной национальности, различного цвета кожи, прекрасно одетые с учётом их национальных традиций. По совету шофёра только я, стоящий первым в линии, отвечал на приглашение каждой женщины (пойдём со мной) «Данке шён, вир нур кукен». «Большое спасибо, мы только посмотреть». По словам шофёра, ставки были невелики: 50 марок в ночь. Все остальные расходы, выпивка, закуска и т.д., за счёт заказчика. Ты мог здесь утолить все свои сексфантазии и секс-голод. Постояв таким образом минут 15, обозрев всех дам, кои посягали на наше мужское одиночество, мы ретировались, не посрамив статус мужиков-советиков! Нашу кратковременную отлучку никто не заметил, а мы молчали об этом, как партизаны на допросе. Если бы это вскрылось, то нас бы надолго отлучили от загранкомандировок: таков был суровый закон советико. Нам рассказывали в ФРГ ребята из торгпредства, что у них был один случай с командированным спецом. Он получил деньги и загулял в публичном доме. Его разыскали на 3-й день и моментально сопроводили обратно в Союз с волчьим билетом. Правда, перед отлётом он всё время твердил, что эти 2 дня, проведённые в публичном доме, были для него, как глоток радости и свободы, и ради этого он готов пострадать! Каков мужик!

Лесозащитный пояс вокруг Кёльна

Немецкие коллеги нам говорили, что эти посадки – личная заслуга экс-канцлера Германии Аденауэра. Мы работали на фирме в районе этих очаровательных мест. После обеда мы традиционно прогуливались там. Курили, разговаривали, обменивались новостями. Наши дамы – переводчица и представитель Техмашимпорта – как обычно, шли впереди мужской группы и что-то оживлённо обсуждали. Неожиданно, на большой скорости мотоциклист, проскакивая сбоку от них, содрал

с плеча у нашей переводчицы Люси Городиной сумку с деньгами и документами. Она истошно закричала. Мотоциклист, видимо, поняв, что здесь что-то не так, на ходу раскрыл сумку, взял из неё деньги – около 400 марок, а остальное сбросил на землю и умчался, сломя голову, только мы его и видели. Этот факт был описан даже в местной газете. Фирма моментально предложила возместить потерю, но мы же советики, и нам этого было сделать нельзя. И пошла тяжба с Московским Техмашимпортом, посыпались звонки, бесконечные переговоры. А время поджимало, и нам вскоре было нужно уезжать. Только за пару дней до отъезда, наконец, деньги Люся получила, но уже ничего купить на них не успела, просто не хватило времени. А ведь было совершенно естественно и просто взять эти деньги на фирме, так как она не смогла обеспечить соответствующие условия безопасности приезжих специалистов. Но этого сделать было нельзя. Никаких последствий дома Людмила не имела. Спокойно работала и ездила заграницу и далее.

Органный концерт в соборе

В один из вторников мне удалось заманить некоторых моих коллег, оторвав их от ужина-пьянки в отеле, поехать послушать орган. Еженедельные часовые концерты были бесплатные. Мы приехали задолго до начала концерта, но уже было трудно найти свободное место. Поразило обилие молодёжи, что ломало мои представления о немецкой подрастающей поросли, которая, как я считал, болела джазом и роком. Всё было для нас необычно: масса молодёжи, не найдя свободного места, сидела на полу, подстелив газетку и прижимаясь спиной к колоннам. Тишина была абсолютная. Я видел одухотворённые лица молодых людей, впитывающих музыку Баха с благоговением, закрыв глаза. Были на концерте и профессионалы: рядом со мной сидел мужчина средних лет, сверяющий исполнение с разложенными на коленях нотами и делающий какие-то пометки в них.

Во время концерта был неприятный случай. Какой-то псих пробрался в собор в середине концерта с пронзительным криком «Шайзе» (говно). Служители собора схватили его быстро и здорово отколошматили в створках вращающихся входных огромных дверей в собор, а затем выбросили его на прилегающий плац. Кёльнский собор, по моему мнению, можно сравнить с Миланским Дуомо и собором Св. Петра в Риме. О них я напишу позже в разделе об Италии.

Конечно, они разительно отличаются в архитектурном оформлении, но в части их значимости для государств они близки. Все три собора – религиозные центры, сочетающие в себе историческую ценность культурного наследия с модерновым влиянием времени. Они являются градообразующими центрами планировки городов. Они – центры, притягивающие людские массы, делающие людей чище, ближе к Богу. Они делают людей благороднее и благочестивее. Эти большого воспитательного значения сооружения никогда не пустуют. Они являются центрами паломничества огромного количества туристов со всех стран мира.

Приём у г-на Мюллера на вилле

Господин Мюллер был Гипом по установке альфаолефинов. Он не стеснялся нам говорить, что его вилла на 50% куплена на деньги, полученные от России по данному контракту. Что ж, мы радовались за него и его семью. Вилла располагалась в 40 минутах езды на автомобиле от города и представляла собой внушительное строение с большим участком земли. На этой встрече у хозяина спокойно разместилось 50 человек гостей, целый битком набитый автобус. У г-на Мюллера приятная жена и двое детей (мальчик и девочка 16 и 15 лет). По прибытии мы увлеклись апперитивом и лёгкими закусками а ля фуршет. За стойкой минибара работал сын хозяина, разливая нам алкогольную влагу, пиво и различные коктейли. Через какое-то время появилась троица молодых людей: дочь с парнем и ещё какая-то девушка. Они были одеты по-походному, с рюкзаками, в кроссовках. Они быстро привели себя в порядок и стали помогать ухаживать за гостями. Оказалось, что девушка – из Парижа и в ФРГпребывает по обмену в семье Мюллера, так как его дочь в предыдущем году гостила в Париже в семье этой девушки. Парень – это дочкин бойфренд, который, как я потом выяснил в разговоре с женой Мюллера, уже давно ухаживает за их дочерью и спит с ней. Я был крайне удивлён – всё-таки ей только 15 лет, но мать, и ухом не поведя, говорила вполне осознанно, что они ничего не могут с этим поделать и что это может быть даже неплохой вариант, т.к. они знают этого мальчика и его семью и они верят в то, что этот роман может быть в дальнейшем приведёт к созданию семьи. А пока ребята спят, предохраняются, чувствуют себя комфортно и радуются жизни. Затем мы перешли к горячим закускам,

обильно сдабривая это выпивкой. Этот приём оплачивала фирма, так что г-н Мюллер финансово себя чувствовал спокойно и развлекался вместе со всеми. Был там курьёзный случай. Г-н Мюллер пригласил на этот приём соседа с супругой. Так вот эта сексапильная особа, танцуя с русскими гостями, слишком откровенно предлагала себя. По-видимому, алкоголь сильно подействовал на неё. В какой-то момент я заметил, что её и её мужа не стало в толпе. Г-н Мюллер объяснил мне, что его сосед, приревновав супругу, увёл её домой.

В последующем г-н Мюллер сильно проштрафился и был отстранён от руководства этим проектом. Фирма, нарушив условия контракта в части объёма и сроков выполнения документации, понесла большие финансовые потери. К руководству проектом был привлечён вице-президент немецкого отделения фирмы (голова фирмы находится в Лондоне). Фирма многократно обращалась к советской стороне поделить убытки между сторонами (по 20 млн. долларов). Но Техмашимпорт и наше Министерство, считая, что это целиком является ошибкой фирмы и нарушением ею условий контракта, не согласились участвовать в возмещении убытков. Так что все убытки фирма покрывала сама, завершив полностью проект с полуторагодовым опозданием. Сколько "крови" было пролито! Но, в конечном итоге, установка была построена, запущена в эксплуатацию и отлично работала.

Италия

Страна-сказка! Великолепная, великая, безумно красивая страна! Мне посчастливилось бывать в Италии много раз. Начиная с 1988 года, работая в ранге заместителя главного инженера института, я стал членом правления советско-итальянской компании Совбутитал и руководителем советской части проекта по установке бутилкаучука, что предполагалась к строительству на Тобольском НХК. Мои контакты с Италией начались ранее, в период проектирования и строительства установки ПАВ на Нижнекамском НХК. Разработчиком технологической части, автоматики и поставщиком оборудования была итальянская компания Прессиндустрия (Милан-Биассоно). Мы разрабатывали строительную часть проекта, курировали и принимали разработку всех частей проекта, выполняемых Прессиндустрией и его субподрядными итальянскими проектными фирмами. Начиная с 1979 года, после успешной командировки во Францию и ФРГ,

органы перестали препятствовать моему выезду заграницу. Я мог спокойно работать в составе группы специалистов по разработке проектов окиси этилена, ПАВ и альфаолефинов. Мы участвовали в рассмотрении и приёмке предварительного и окончательного проектов – рабочих чертежей – перед передачей их на строительство. Наши взаимоотношения с инофирмами, министерством и заказчиком были многоплановыми и сложными. Над нами всегда давлели сроки представления техдокументации. Но особое внимание мы уделяли правильности технических решений, учёту советских норм абсолютно во всех частях проекта, включая вопросы техники безопасности. Фирма принимала нас всегда очень дружелюбно и достойно. Размещали нас в отличных отелях. Мы жили в отличных номерах. Приёмка проекта ПАВ проходила в старинном замке, стены которого, как мне кажется, не могли пробить никакие снаряды. Замок находился в центре города, недалеко от отеля и знаменитого оперного театра Ла-Скала. Из окна замка был виден зелёный внутренний садик, где за столом какие-то ухоженные старички играли в картишки. Сам характер работы не представлял особого интереса. Но работа была не из лёгких и требовала от каждого специалиста максимума внимания. Работали по группам в соответствующих разделах проекта.

Почти все группы работали с переводчиками или с английского, или с итальянского языков. В большинстве групп переводчики были наняты Прессиндустрией. Среди переводчиков фирмы была одна пожилая женщина, угнанная в Германию во время войны. Она была русская, но оказалась в числе перемещённых лиц в американской зоне Берлина. Там она познакомилась с итальянцем, вышла за него замуж и уехала в Италию. Ещё запомнилась одна молодая женщина-переводчица с итальянского. Её звали Галя. Она работала в Москве таксисткой и нашла итальянца, который на ней женился и увёз её в Италию. Она довольно быстро освоила язык, бросила итальянца и вышла замуж за богатенького виноторговца. Но она не чуралась подхалтурить и подрабатывала на переводах. Фирма, как она говорила, платила ей хорошо, не скупердяйничала. Эта Галя помогала нам с покупками шмоток, водя нас к какому-то югославу, который продавал всё с большими скидками. Галя возила нас также на блошиный рынок. Как-то раз я заметил, что она работает стоя, не садится. На вопрос, что с тобой? Она ответила: «Штаны жопу режут.» Она модничала и носила очень тесные джинсы! На удивление, она оказалась доброй бабой,

и на вокзал к нашему отъезду притащила ящик прекрасного вина нам на дорожку. Запомнились из этой командировки уикенды с поездкой и отдыхом на высокогороном озере Комо, около 32 км от Милана, в районе Лаго-Маджоро, посещение Флоренции, Рима и Венеции.

Озеро Комо

Оно находится высоко над уровнем моря, в Альпах. По дороге нам показали так называемое чудище Альп – низвергающийся поток воды, извивающийся в скалах и создающий жуткий вой. Само озеро, напоминающее Рицу, довольно обширное. Прогулка на кораблике вокруг озера занимает 2-3 часа. Мы видели издалека, с борта кораблика, виллу бывшего дуче Муссоллини, виллу Софи Лорен и ряд других. На вилле Сербиллоне у нас была остановка и экскурсия. Там разбиты прелестный парк и чудесная художественная галлерея. Запомнилась работа скульптора Кановы “Поцелуй”. Случилась там небольшая история. Во время осмотра к нам прилепился какой-то пожилой русскоговорящий мужчина. Он стал закидывать нас вопросами и всё время стремился вызвать нас на откровения. Но мы, напуганные возможной провокацией, бежали от него, как от прокажённого.

Фирма разместила нас на чудесной вилле с отличным бассейном. Мы быстро разоблачились и попрыгали в воду, гоняя мяч и вроде как играя в водное поло с криком и гамом. Вечером в чопорной обстановке, в элегантном холле в стиле ампир играл тапёр, и несколько пожилых пар кружились в вальсе. Мы же предпочитали круто поужинать с Чинтермой (75% настойка на 100 травах). Прилично выпив, мы разгулялись, громко говорили и шумели, требуя музыки и зрелищ.

Сопровождающий нас Лучио Туррони умолял нас не шуметь, так как он говорил, что фирме в следующий раз откажут в размещении группы гостей. Опять же реноме фирмы будет страдать. Мы поздно разошлись по номерам, а утром завтракали на открытом воздухе под тентом с видом на озёрную гладь. Рядом завтракали какие-то пожилые пары. Воздух был свеж и прозрачен, впрочем, как и во всех других частях Италии, где мне посчастливилось побывать. Вообще Италия – очень солнечная страна. Я не помню, чтобы во время моих довольно частых поездок там когда-либо шёл дождь!

Флоренция

Я не буду описывать все музеи и галлереи Флоренции, так как это известно по литературе. Я остановлюсь лишь на самых запомнившихся моментах.

Во Флоренции все туристы движутся в одном и том же направлении. От смотровой площадки в верхней части города до знаменитого музея Уффици, расположенного недалеко от реки Арно. На домах, расположенных по левому берегу реки, мы обратили внимание на чёткую черту примерно на высоте половины второго этажа. Нам объяснили, что эта черта осталась как отметина уровня воды при наводнении 1967 г., когда река Арно резко вздулась и её уровень от таянья снегов в Альпах резко поднялся, затопив первые этажи близлежащих зданий. Глядя на пересохшую реку, было трудно представить, что такое могло случиться. Но это случилось! Я приятельствовал с главным механиком нашего ПКО Женей Мельцером. Мы иногда вечерами даже играли в шахматы у меня в номере. Здесь же, осматривая достопримечательности Флоренции, мы шли рядом и разговаривали о своих делах. Я заметил Жене, что моё представление о красоте итальянских женщин, основанное на фильмах с Клаудии Кардинале, Сильваной Пампанинни, видимо, ошибочно, так как, путешествуя по Италии, мы не видели красивых женских лиц. Как вдруг в каком-то музее мы увидели очень красивую женщину. Мы решили, что, наконец, наши представления и ожидания начинают сбываться. Но каково же было наше удивление, когда в очередном музее мы услышали за спиной, как кто-то говорил по-русски. Мы одновременно повернулись и увидели ту женщину, которую мы приняли за итальянскую красотку. Мы разговорились и долго смеялись вместе с нею после того, как мы рассказали ей о нашем разговоре. Выяснилось, что она приехала из Питера с сыном к мужу, который работал во Флоренции на приёмке оборудования по контракту.

Во Флоренции много скульптур Микеланжело. Я был от всех его работ в восторге. Но особенно от его Давида. К Давиду ведёт длинный коридор, по бокам которого расположены фигуры рабов. В конце коридора вы попадаете в ротонду с застеклённой крышей, сквозь которую проникает дневной свет. В центре этой ротонды и расположен на постаменте великий Давид. Я, потрясённый этой величественной скульптурой, не мог ею налюбоваться, её

совершенством. Я то садился на скамью, задирая голову, осматривал Давида, то вскакивал и обходил его со всех сторон, пытаясь запомнить каждый элемент композиции. То снова садился и пытался успокоиться и трезво оценить увиденное. Я уже имел некоторый опыт в лицезрении великих скульптурных работ Ивана Мештровича и Огюста Родена (о чём писал выше), но Давид – это совершенно гениальное произведение, оно меня просто потрясло!! Высота скульптуры – 13 метров. Она завораживает и покоряет чистотой и филигранностью своих форм!

Буаноротти, вылепив Давида,
Нам подарил его для обозренья,
Он победил – его твореньем
Любуются все поколенья!

Ещё мы побывали в музее искусств, прелестном соборе, лазили по узкой, винтовой лестнице на верх колокольни (90 м), посетили галлерею Уффици. Об этом хранилище сокровищ отдельный разговор. Итальянцы очень гордятся этим музеем. И им действительно можно и должно гордиться. Он стоит в одном ряду с выдающимися музеями мира, как то Лувр, Прадо, Дрезденская картинная галлерея и Эрмитаж. Мне трудно судить, так как я не везде бывал, но впечатление от Уффици, где собраны творения самых великих мастеров, колоссальное. Там был такой случай. Проходя по внутреннему коридору, я заметил через чуть приоткрытую дверь какую-то картину, стоящую одиноко в пустом зале. Я заглянул туда и остолбенел: это была работа английского художника Гейнсборо «Графиня имярек». Картина была, видимо, на реставрации, и публика была лишена возможности насладиться этим великолепием! На картине была изображена в полный рост красивая женщина в изумительном одеянии. Её лицо и глаза выражали ум, достоинство и спокойствие. От её фигуры, стройной и изящной, веяло уверенностью, властностью и ожиданием. Она была вся такая призивно страждущая, нетерпеливая, хрупкая, женственная, что вызывало волнение и восторг!

У Гейнсборо прелестны дамы,
В вуаль закутаны, в шелка,
С усмешкой странною на лицах
И ростом в целых два холста.

Об Уффици трудно писать в обычной манере, но даже перечисление авторов работ, выставленных там на обозрение, впечатляет: Ботичелли, Гойя, Рембрандт, Тициан, Тинторетто, Рафаэль, Дега, Моне, Лакруа, Гоген и многие, многие другие. Меня очень впечатлили работы Гойя.

Когда в Уффици встретил маху,
Не смог заснуть я до утра,
Я б голову сложил на плаху,
Лишь бы она была моя!

Мне показалось, что сам город расположен в ложбине, может быть даже ниже уровня моря. А может быть это впечатление ложное, т.к. мы осмотр начинали с верхней части города и обозрения всей панорамы города, лежащего внизу. Вечером мы гуляли по городу и забрели на мост через реку Арно, рядом с Уффицы. Там шёл торг, наподобие блошиного рынка. На отдельных циновках была разложена всякая дребедень. Там же какие-то фокусники демонстрировали своё мастерство. Я там впервые увидел живого йога, который преспокойно лежал на острых гвоздях и ходил босиком по битому, острому стеклу (по-видимому, от разбитых бутылок из-под шампанского). Был там один мужчина, который выдувал пламя изо рта. Мы жили там в отеле-башне, в центре города с небольшой площадью. На этой площади был какой-то памятник с сидящим на коне воином в центре зелёного сквера. Утром мы увидели внизу у памятника молодых девушек, спавших в спальных мешках. Это были, видимо, безденежные школьницы или студентки, таким образом путешествующие по стране. Нам это было в диковинку. Странно, но их не трогала полиция.

Наверху отеля был небольшой бассейн, который был очень кстати, т.к. стояла страшная жара при высокой влажности.

Суммируя впечатления, можно сказать, что Флоренция – город музей, где собраны творения великих мастеров. Это центр туризма, имеющий колоссальное образовательное и воспитательное значение. Побывав там, ты приобщаешься к истории страны, начинаешь понимать и ощущать её величие, величие её культуры и её вклад в общечеловеческие ценности. Её гении, такие как Микеланжело, Леонардо да Винчи, Тициан, Рафаэль, Тинторетто и многие другие, навечно вписали свои имена в общечеловеческую книгу истории.

Рим

Рим – вечный город. Только перечисление достопримечательностей ошеломляет: Ватикан, собор Святого Петра, Колизей, Пантеон, площадь Венеции, Форум, вилла Боргезе, вилла Десте, фонтан Треви и многое, многое другое. Мы видели выезд Папы в народ. Огромная масса людей, ожидавшая Папу, встрепенулась и понеслась по пути следования его автомобиля. Люди маленькими ручейками стекались в большую, полноводную реку, пытаясь хотя бы прикоснуться к корпусу автомобиля. Ну, в крайнем случае, только увидеть Папу вблизи. Это напоминало какой-то всеобщий психоз, овладевший людьми одновремённо с выездом Папы на площадь. Первый объект нашей экскурсии был Ватикан с его бесподобной библиотекой и Сикстинской капеллой. Словами эти сокровища описать трудно. Наконец, сбылась моя мечта увидеть Сикстинскую капеллу! Пожалуй, ни от чего я не испытывал такого эмоционального подъёма! Конечно, я знал историю создания этого шедевра, видел снимки, картинки и т.д., но лицезреть это, смешавшись с толпой туристов, понимая, что это бессмертное творение гения, вот перед тобой, как на ладони, это действовало на меня, как наркотик. Сикстинка, как её зовут в быту, довольно большой протяженности творение. На её осмотр ушло примерно 40-50 минут. Ты ходишь оглушённый, потрясённый этой небесной красотой, великим замыслом и его воплощением, и у тебя исчезает чувство реальности и ты оказываешься в каком-то другом измерении, в другом мире. Микеланжело, создавая логически законченную картину сотворения мира, вероятно, думал о следующих поколениях и, наверное, мечтал, чтобы они тоже были ближе к создателю, были набожными и толерантными.

Собор Святого Петра

Это удивительное строение, как мне кажется, самое величественное в Европе, несёт на себе печать гения Леонардо да Винчи. Я видел эскизы этого собора, выполненные им. Поражают размеры и гармония этого собора. Его высота – 133 м, длина – более 180 метров. При входе установлена Пиета работы Микельанджело, изображающая Христа на руках матери. Мне рассказывали, что какой-то псих ударил трубой по скульптуре и повредил её. После реставрации скульптуру огородили

пуленепробиваемым стеклянным щитом. Публика лишилась элемента контакта, что, конечно, очень жаль. О витражах в соборе могу сказать, что даже по прошествии массы лет они бесподобны и поражают своими красками и величием. Впрочем, как все архитектурные элементы собора. На смотровую площадку (80-90 м) вас доставляет лифт. А если вы хотите достичь вершины, то вам нужно ещё протопать ножками солидно вверх, как бы по серпантину. Запомнилась площадь перед собором. Там есть две отметины, встав на которые, куда бы вы ни бросили взор, вы увидите лишь одну колонну, за которой будут скрыты остальные колонны (4 или 5, точно не помню). Это поразительно и даёт большой эффект, являясь элементом развлекательным и занимательным для бесконечных толп туристов. Я всё пишу по памяти, не заглядывая ни в записи (их просто нет), ни в интернет, ни в справочные материалы. К сожалению, больше в памяти об этом соборе у меня ничего не осталось. Да, колоннада выполнена в виде полукруга и невысокие колонны установлены друг за другом на расстоянии примерно 1 метра.

Колизей

Полуразрушенный памятник истории, где происходили бои гладиаторов. Мы знакомы с этой страницей истории по литературе, фильму и балету «Спартак». Нет нужды описывать это грандиозное сооружение. Можно только удивляться человеческому гению, способному даже в те далёкие годы воздвигать такое! Напротив Колизея находится прелестный сад. Около Колизея дежурят извозчики на ярких старинных прогулочных каретах. Вокруг очень много туристов. Какие-то вёрткие пацанята, наподобие наших цыганят. Там произошёл неприятный случай. У нашего директора Никандрова украли бумажник. А в нём паспорт (святая святых в загранкомандировке), деньги и т.д. Он растерялся. Он стоял напротив Колизея и любовался этим грандиозным историческим памятником. К нему подвалили пацанята, что-то лопотали, толкали его и незаметно вытащили бумажник. Никандров, не зная иностранного языка, совершенно растерялся. Начал взывать ко мне, чтобы я пошёл к полицейскому и сказал ему о пропаже. Я побежал к Колизею и привёл полицейского. Мы как-то объяснились с ним, описали ему случившиеся и вдруг... другой полицейский подходит к нам, потрясая бумажником. Он спросил нас, не

увели ли у нас бумажник и попросил описать его содержимое. После чего вернул нам его. Оказывается, он дежурил у входа в сад и заметил пацанов, бежавших сломя голову. Он схватил одного из них и спросил, что он украл? Тот тотчас же вернул бумажник. Пацанёнок показал, у кого он увёл бумажник. После чего полицейский направился к нам и вернул его.

Вилла Боргезе

Запомнилась лестница, ведущая к вилле. Она была вся в цветах и благоухала. В Италии климат вообще располагает к цветению, радости, к любви и Счастию. Изумительное море, прекрасные парки и сады, Альпы, потрясающая архитектура, вечно голубое небо, солнце, пляжи. Кругом красота неописуемая. Куда ни кинь взгляд, видишь, как итальянцы заботятся о сохранении памятников старины, культурных ценностей. Постоянно их реставрируют и освежают. Верхний парк, если я правильно помню, обширный, великолепный. Мне запомнились водяные часы, работающие на принципе перпетуум-мобиле с использованием водопроводной воды в качестве силового элемента. Чаши, в которые вода наливалась и из которых она выливалась, расположены в виде коромысла, а на оси установлены стрелки часов. Кстати, это не была модель. Это был действующий экспонат. Что-то подобное я видел в Париже в 1993 году в кафе в центре города. Но это уже был модерновый проект с перекатывающимися шарами. Макет так называемого перпетуум-мобиле.

Фонтан Треви

Место поклонения туристов всех стран и континентов. Есть поверие, что если ты бросишь монетку на дно фонтана, то обязательно возвратишься в Рим. Так вот, всё дно этого прелестного фонтана усеяно монетами всех стран мира. Мы, естественно, тоже бросили монеты, но казус состоял в том, что советских копеек ни у кого не оказалось и мы бросали итальянские монеты. Сам фонтан невозможно описать словами. Это величественное сооружение с массой скульптур на мифологическую тему. Он овальной формы с высокими бортами. Мы видели его днём. Наверное, вечером, с подсветкой он выглядит ещё привлекательней.

Вилла Десте

Вилла расположена в пригороде Рима на расстоянии примерно 30 км. Интересен её проект, выполненный с учётом рельефа местности. Каскадно, на разных отметках расположены пешеходные аллеи, а на некотором возвышении распологаются фонтаны. Запомнилась и впечатлила аллея 120 фонтанов. Очень выигрышно расположен мощный, высоченный фонтан «Плодородие». Из многих отверстий этого фонтана бьют высоко водяные струи. Зелёные кустарники аккуратно подстрижены, дорожки укатаны красной кирпичной крошкой. Много бюстов. Всё кругом зеленеет и благоухает! Парк-музей. Повидимому, когда-то эта вилла принадлежала богатому человеку. Может быть, он проживал здесь со всей семьёй или наезжал сюда отдохнуть и поразвлечься. Наверное, он устраивал здесь большие балы. Здесь звучала музыка, кружились в вальсе пары. Жизнь била ключём. А сейчас здесь была масса туристов, бегущих, галдящих на разных языках, желающих за свои кровные получить максимум удовольствия. И там действительно было на что посмотреть! К сожалению, память сохранила немногое. Но я сохраняю свой принцип написания и пытаюсь воссоздать картину прошлого, не прибегая к литературным источникам и интернету. Только память, память и ещё раз память!

О площадях Рима

Они огромны и величественны, красивы и монументальны. Также потрясает Римский вокзал. Его превратили в огромный пищеблок. Туристы здесь в этих толстых, метровых стенах могут получить еду на любой вкус. Я подзабыл, как использовался этот мостодонт при Муссоллини, но это здание, конечно, по мнению фашиствующей верхушки должно было символизировать прочность и нерушимость строя. Одной из, пожалуй, самых красивых и величественных площадей Рима является площадь Венеции. Эта великая площадь с памятником Виктору Эммануэлю Второму на коне – символ величия Римской империи потрясает своей композиционной гармонией и красотой. Площадь грандиозна. Белокаменна. Безупречный вкус архитектора и скульптора позволили увековечить мощь империи.

Венеция

Сказочный город. Сказка на воде. В городе практически нет никакого транспорта. Приезжающие оставляют автомобили на стоянках, расположенных на окраине города. Все транспортные потоки осуществляются только по воде на катерах, лодках, баркасах, гондолах. Сообщение с близлежащими островами Мурано, Бурано и Торчелло осуществляется только по воде. Венеция ежегодно опускается в море на какие-то миллиметры-сантиметры. Коренных жителей в городе всего 100 000 человек. Но вот когда в город приехали Роллинг Стоунз, город разбух до 300 000 человек. При таком огромном стечении публики был организован грандиозный концерт, который я не застал, но смог наблюдать его последствия. Весь Гранд-Канал в районе проведения концерта был усеян какими-то банками из-под пива, соков и т.д. Вся грязь плавала в воде, постепенно оседая и загрязняя бухту. Говорят, что фанаты спали прямо у воды на каменных набережных. Мне говорили, что спецслужбы города расчищали завалы мусора 4 недели. Но, конечно, не это было главным впечатлением от этого уникального города. Хотя тогда я не мог понять, почему нужно было устраивать такой концерт именно в Венеции. Но бизнес есть бизнес!

Теперь о главном, что запомнилось на всю жизнь! Я бывал в Венеции несколько раз, но первое посещение – это потрясение, это восторг открытия, это обстановка вечного какого-то праздника, какая-то приподнятость настроения, ощущение сопричастности, прикосновения к Чуду – всё это осталось в памяти навсегда! Первые впечатления – размещение в отеле. При входе в отель тебя отделяет от воды несколько ступенек и пятнышко суши. От ж.д. вокзала наш путь лежал по воде, по каким-то извилистым каналам на рейсовом судёнышке. Далее – завтрак в ресторане. Всё изысканно, всё удивительно красиво от официантов до блюд с едой. А когда нам на десерт на огромном блюде принесли заморские экзотические фрукты, лежащие на кусочках льда, мы просто “отпали”. Ведь ничего подобного за всю жизнь никто из нас не видел и не едал! У каждого здания есть своеобразный причал, обозначенный высокими деревяными круглыми колоннами с красными полосками. Главная транспортная городская артерия, так называемый Гранд-Канал, делит город на две части. От него отходят масса каналов, канальчиков и протоков. Гранд-Канал является местом проведения ежегодных

фестивалей и карнавалов. Его протяженность – около 4 км, глубина – около 5 метров. На его берегах расположены основные жемчужины истории. Современного строительства в городе мы не заметили. По каналу мы добирались до островов Мурано, Бурано и Торчелло. Но о них позже. Главная достопримечательность города, его можно сказать центр, это площадь Святого Марка, базилика Святого Марка и Палас Дожей. На площади бывают по вечерам концерты симфонической музыки и народные гуляния до глубокой ночи. Там всегда курлычит масса голубей. Бойкие продавцы зазывают вас купить различные сувениры, красочные проспекты, открытки и т.д. Сама площадь представляет собой вытянутый прямоугольник, в торце которого находится базилика Святого Марка и колокольня, а по бокам различные здания в стиле неоклассицизма, вытянутые по всей длине площади. С правой стороны возвышается уникальный дворец - Палас Дожей. Мы с толпой туристов гуляли по площади и днём, и ночью. В вечернее время площадь преображалась: там продавали светящиеся неоном какие-то забавные пластиковые кольца. Так что вся площадь представляла собой огромное семейство светлячков, создающих неповторимый колорит. Мы осмотрели базилику Святого Марка, колокольню, библиотеку и направились к главной достопримечательности – Паласу Дожей.

Будучи недавно в Лас-Вегасе, я вспоминал Венецию, глядя на миниатюрную копию Паласа, воссозданную с большой точностью. Первые же впечатления от венецианского Паласа Дожей ошеломляют! Неповторимый рисунок архитектурного ансамбля, чёткие линии, соразмерность, ажурность конструкций, скульптуры, украшающие Палас, аромат древности (16-й век), символизирующий державность венецианскую. Венеция в те далёкие годы была самостоятельной, и Палас Дожей был обителью её правителей. В Паласе изумительный тронный зал, где правители Венеции принимали верительные грамоты от послов других государств. Плафон тронного зала, расписанный Тинторетто, прекрасен. В здании Паласа есть интересная коллекция военного снаряжения тех лет и прекрасная картинная галлерея, где я впервые увидел в подлиннике 3 картины великого Босха. В здании имеются камеры заточения, где содержали шпионов и врагов Венеции. Если они умирали, то их в мешках сбрасывали в воду прямо из дворца.

Там произошёл забавный случай. Мы плыли на гондоле и, расслабившись, затянули какую-то песню. Проплывая под каким-то

мосточком, мы вдруг услышали на чистом русском языке, как какой-то мужчина сказал довольно громко: «Смотри, как они хорошо знают русские песни». Нам казалось, что кроме нас в Венеции больше из России никого нет, и вдруг! В какой-то базилике, кажется Санта Мария дель Фрари, мы видили захоронения великих художников Рафаэля и Тициана. Далее наш путь лежал на острова Мурано, Бурано и Торчелло. Остров Мурано всемирно известен благодаря производству Венецианского стекла, а остров Бурано – производством кружев. На этом же острове мы осмотрели большой монастырь. Но особенно запомнился мне визит на остров Мурано и осмотр музея стекла и производство стеклянных изделий. Ювелирная работа стеклодувов, которые при тебе изготавливают образцы стекляных изделий, и, конечно, потрясающий музей стекла! В одном из залов на втором этаже, удлиненной продолговатой формы, при зашторенных окнах, мы увидели разнообразные, красивейшие, уникальные зажженные люстры, подвешенные к потолку так, чтобы их вниз свисающие гирлянды огней были на одном уровне. А ещё ниже свисали бирки с указанием названия изделия и его стоимости. Стоимость каждой из этих люстр была равна стоимости подержанного Фиата Уно. Поразил экспонат столового сервиза на 99 персон – это был заказ какой-то богатой американки. В счёт этого заказа была изготовлена копия этого шедевра для музея! На обратном пути, на ж.д. вокзале я приобрёл комплект рюмок с видами Венеции, которые до сих пор будоражат моё воображение. Из других городов, где я бывал, запомнились Ассизи, Пиза, Болонья, Верона, Турин, Генуя, Неаполь, Капри и, конечно, Милан, где, в основном, мы и работали. Каждый из этих городов заслуживает добрых слов.

Ассизи

Этот город запомнился великолепным ансамблем соборов, переливающимися красками внутренних убранств, в которых использован цветной мрамор. Мозаика из цветного мрамора создавала ощущение причастности к старине, витающей в этом городе. Это город, в котором властвует память о Святом Франциске. Во время нашего визита в одном из соборов была огромная толпа молодых людей, сопровождающая молодожёнов. Нам говорили, что в Италии есть традиция, молодоженов как бы осветить в Ассизком соборе. В этом случае, по преданию, брак будет прочным и счастливым.

Пиза

Не побывать в Пизе мы не могли! Великая достопримечательность – наклонённая башня смотрит на вас со всех открыток и проспектов, являясь визитной карточкой Италии. Но мы увидели не только эту башню, на вершину которой поднялись на своих двоих, а также и великолепный ансамбль католических храмов. В Пизе прелестный пляж, где мы имели возможность позагорать и поплавать. Но, конечно, основное внимание всех туристов в Пизе приковано к наклонной башне и храмам.

Болонья

В Болонью мы приехали утром в 10 часов. Город был, как вымерший: выходной день. Где-то к обеду на улицах стали появляться прохожие. Мы посетили городскую картинную галлерею и древний открытый римский театр, удачно вписанный в рельеф местности. Нам говорили, что в этом театре проходят большие концерты и ставятся оперы при большом стечении публики. Обедали мы в ресторане, где отмечали свадьбу. Какие-то аксакалы узнали, что мы из России, и пригласили к ним за длинный свадебный стол разделить с ними радость молодожёнов. Мы вежливо отказались, сердечно поприветствовав молодых!

Верона

Шекспир. Ромео и Джульетта. Прокофьевский балет. Монтекки и Капулетти. Вся эта история случилась в этом городе, где и увековенчена память об этом в балкончике, на котором Джульетта стоя выслушивала любовные признания Ромео. Запомнилась бронзовая скульптура Джульетты под балконом. Дом несколько мрачноватых тонов как-бы символизирует трагедийность развязки этой драмы. Вместе с тем, светлый образ Джульетты, воплощённый в скульптуре, с её девической доверчивостью и искренностью, даёт представление о торжестве чистого чувства – силе настоящей Любви! Кстати говоря, скульптуры Ромео мы там не увидели, её просто нет. Мне показалось это несправедливым!

Турин

Турин – это центр автомобилестроения Италии. Индустриальный гигант, с которым Россия создала производство «Жигулей» в Тольятти. Город мы практически не видели. У нас была лишь экскурсия по Фиату. Мы осмотрели главный сборочный цех, который поразил нас своими гиганскими размерами, количеством сборщиков, различными звуками от вечно жужжащих машин на конвейере и суетой рабочих и подсобного персонала. Запомнился оригинальный полуоткрытый лифт, на котором мы поднялись на смотровую площадку (80 м). С нее открылся прелестный вид панорамы города. К сожалению, больше ничего не запомнилось.

Генуя

Родина Колумба. Огромный порт, в котором мы могли видеть большое количество лайнеров под флагами всех стран мира, в том числе и российских. Кстати, мы встречали в Генуе магазины, на которых были вывешены объявления на русском языке. В центре города, рядом с портом возвышается памятник Колумбу. Жители города очень гордятся тем, что их соотечественнику принадлежит слава открытия Америки. Торговая часть города раскинулась на многие километры. Чего только не было там на прилавках! Все изделия: часы, украшения, электроника, одежда, какие-то мелочи и т.д. в большей своей части, наверное, контрабанда, изготовленная где-то в Азии. Но нам до этого не было никакого дела, и мы задыхались от изобилия товаров. В соседнем магазине, где было всё для русских, я купил 2 дублёнки из искуственного меха по 60000 лир каждая. Восторгу моих домашних дам не было конца! До какой же степени наши российские дамы были нищие и радовались любой заморской тряпке! Кстати, запомнилась автомобильная дорога Милан – Генуя. Дорога изобиловала мощными мостами и виадуками на большой высоте. Виды умопомрачительные!

Неаполь

Из Милана в Неаполь мы неслись по ж.д. дороге со скоростью 160 км в час в вагонах, напоминающих внутреннее устройство самолётов.

Правда, было всё шире, вместительнее и хлебосольнее. Так как в составе был вагон-ресторан и в каждом вагоне буфет. Дорога шла через Рим и заняла всего 6 часов. В вагоне-ресторане мы усмотрели Адриано Челентано с дамой, которая мне как-то не приглянулась. В те годы он был очень популярен в Италии и в СССР: шли фильмы с его участием, продавались пластинки с его песнями. Мы порывались вступить в контакт, но нас осадил наш сопровождающий от фирмы Лучио Туррони. Представление о неополитанцах, их темпераменте, я имел от общения с Ди-Блазио, главным технологом проекта. Он родом из Неаполя. Однажды, будучи его пассажиром, я обмирал от его манеры вождения: он на сумасшедшей скорости норовил обогнать каждую машину, как заправский гонщик. Я сидел на переднем кресле и ногой всё время искал тормоз, пытаясь как бы сбить скорость. Мне было страшновато. После этого заезда я предпочитал с ним не ездить.

Неаполь запомнился ярким Солнцем, ароматным благоуханием цветов, голубовато-зеленоватой водой залива, южным колоритом, архитектурой зданий, памятниками старины, ночным клубом и завтраком в отеле по утру следующего дня.

Ночной клуб

В подобном заведении я был впервые и, сами понимаете, всё было необычно, я бы даже сказал, экстравагантно. Приглушенная музыка, томное танго. Танцуют несколько пар. Свет приглушён. На мягких кожанных диванах развалились посетители, потягивающие коктейли. У стойки бара кто-то выпивает, беседует, видимо, договариваются о продолжении вечера, ночи. Мне показалось, что женская часть публики относится к заведению и предназначена для увеселения мужчин, так называемых клиентов. Мы пробыли там недолго. Нам было там скучновато, хотя к нам и пытались подходить дамы с предложениями. Но мы же советико, то есть с моральными, крепкими устоями и без денег! Так что нас не трожь.

Следующий день нашего пребывания в Неаполе ознаменовался великолепной, солнечной и безветреной погодой. Завтракали мы в ресторане отеля, где ещё за соседним столиком завтракала какая-то компания. Как нам сказал Лучио, это была компания итальянских киноактёров. Мы были им представлены и удостоились дружеских улыбок и рукопожатий. А на небольшой приподнятой сцене молодой, красивый,

бородатый неаполитанец пел совершенно необычно неаполитанские песни завораживающе низким голосом с хрипотцой. Звучали «О соле мио», «Вернись в Сорренто» и др. После завтрака мы направились в порт и взошли на судно, направляющееся на Капри. Путь неблизкий, порядка 45 минут, на бешеной скорости и при приличной килевой качке по неспокойному морю. Справа оставались Везувий и Соррентто, а мы держали путь на Капри. Качка меня «достала», я был не в лучшем состоянии. Ни сидеть, ни стоять спокойно я не мог. Лишь только схватившись двумя руками за какие-то металлические поручни, я смог перенести это путешествие. На берег острова я вышел зелёным и уставшим. Но остров меня поразил богатством цветов и красок. Мы побывали у виллы, где жил А.М. Горький. Но пробраться внутрь не смогли. Было всё на запоре. Осмотрели остров, он на возвышении, довольно каменист, с аккуратными, узкими пешеходными дорожками. Транспорта почти никакого. В общем, обстановка показалась очень приятной за счёт чистейшего воздуха и ярчайшего солнца, ну и, конечно, зелени благоухающих цветов и их цветовой гаммы. В воздухе витал дух романтизма, интима, чувственности и настоятельной потребности в Любви! Затем была обратная дорога. Более приятная, так как море успокоилось.

Милан

Это северная столица индустриальной мощи Италии. Это финансовый центр страны. Здесь размещены многие бизнесы и административные офисы. В Милане мы, в основном, и работали. Правда, не совсем в Милане, а в его пригороде Биассоно, где находилась фирма Прессиндустрия. Жили мы всегда в отличных условиях, в престижных отелях города. Для меня Милан – это, прежде всего, театр Ла-Скала. Я был в этом храме оперного искусства 4 раза. 2 раза слушал оперы: «Лючия ди Ламмермур» и «Фиделио», и 2 раза (летом, когда труппа отдыхает) слушал симфонические концерты (Брамс и Дворжак) в исполнении оркестра Ла-Скала с приглашенными европейскими дирижёрами. Внешний вид театра особенно не впечатляет, однако внутреннее великолепие, замечательная акустика зала, потрясающий музей и огромное прелестное фойе просто прекрасны. К слову сказать, великих голосов я там не услышал. Итальянцы говорили мне, что все великие илальянцы поют в Метрополитан, т.к. там большие гонорары. В Ла-Скала в то время пел Николай Гяуров, великий болгарский бас.

Но его мне услышать не удалось. Организация репертуара в Ла-Скала совершенно другая, нежели в наших оперных театрах. Там в сезон давали две оперы только. Одна – «Аида», в исполнении труппы театра, другая – «Чио-Чио-Сан», в исполнении приглашенной японской труппы. Билеты нарасхват. Заказ билетов осуществляется за три месяца до представления. Перекупщиков нет. Публика богато разодета – элитарная аристократия. Я очень хотел попасть на «Аиду», но ни мои звонки Гаюрову (он был дружен с моим другом Володей Отделёновым), ни вмешательство фирмы не помогли. И я остался за бортом. Все антракты я использовал для осмотра театрального музея, но так и не смог его полностью осмотреть. В нём масса фотографий, бюстов и экспонатов. Дирижёрская палочка Тосканини, бюст Карузо, фото Патти и многое, многое другое навсегда осталось в моей памяти!

Градообразующий центр - это величайший собор Дуомо с прилегающей к нему площадью. На вершине Дуомо установлена фигурка женщины – Мадонина. Она является символом Милана, его покровительницей. Ей посвящена одна из песен, которая так и называется Мадонина, как бы гимн города Милана. Однажды в траттории в Риме, я видел такую сцену. Двое мужчин, явно коренных римлян, самоуверенных и нагловатых, подвыпив, запели песню, говорившую о том, что Рим – первый город в Италии. Тогда наш шофёр Анжело, в пику им вместе с Лучио Туррони запели миланскую Мадонину, славящую Милан. Это песенное соревнование свидетельствовало о противостоянии двух городов, являющихся знаковыми для государства.

Из многих рабочих моментов выделю два: при работе над проектом ПАВ наш гл. конструктор Е. Мельцер, хорошо знающий английский язык, работал с итальянцами без переводчика. Его партнёры в конце работы подарили ему копеечные часы, о чём он доложил нашему руководителю Ю. Шмуку. Тот собрал вечером всю группу и устроил разнос Евгению. Оказывается, Шмук, трусоватый и подленький человек, будучи в Румынии руководителем группы, устроил разнос С. Окнеру за то, что он прихватил с собой какие-то внутриинститутские инструкции с грифом для служебного пользования и оставил их на ночь в комнате переговоров. Здесь неблаговидную роль сыграл ГИП Кнапп, заметивший это и доложивший Шмуку. В Москве Шмук об этом инциденте доложил в Министерстве. И пошло-поехало. Окнеру закрыли на долгие годы загранкомандировки. Хотя вопрос не стоил выеденного яйца. То же самое и в нашем случае. Ей богу, здесь не было даже и намёка

на неблагожелательность или на жадность Мельцера. Это называется в народе «из мухи раздуть слона».

Второй случай. Заключительный банкет, который давала фирма по случаю подписания протокола приёмки окончательного проекта ПАВ. На банкете были представлены все участники переговоров двух сторон, возглавляемые руководителями П. Странео и Ю. Шмуком. Было много речей и тостов, вино "лилось" рекой, отличный стол. И в заключение два руководителя, захмелев, решили устроить соревнование среди ГИПов в пении. Пели «Санта Лючию». Я пел, не зная ни языка, ни слов, изобретая их по ходу мелодии, используя русские слова. Мистер Палавера пел по-итальянски. В результате совет старейшин присудил победу мне! Что явилось решающим фактором, я не ведаю, но приз был отличным – кейс с блоком сигарет Мальборо, коньяком и бутылкой Амаретто. Я бывал в Милане много раз и впечатления как-то усреднились, обобщились. Трудно что-то выделить особенное. Однако некоторые моменты врезались в память.

Первенство мира по футболу 1990 года. Итальянцы пригласили нас на четверть-финальную игру Германия – Голландия. Это был блистательный матч. Но не об этом речь. В Риме к этому событию был приурочен концерт трёх великих теноров - Паваротти, Доминго и Каррерос. Концерт проходил на открытой площадке и собрал до 30 000 слушателей. Я не знал об этом. И вечером, у меня в номере, играл с Е. Мельцером в шахматы. Что- то меня кольнуло, и я включил ТВ, а там три тенора творят чудеса! Мы бросили шахматы и уставились в экран. К сожалению, мы застали лишь заключительную фазу концерта. Как же мне было приятно, когда на следующий день, на фирме, кто-то из итальянцев подарил мне пленку с записью этого концерта! Итальянцы знали мою любовь к вокалу. Эту запись я бережно храню и поныне.

Концерт симфонической музыки в Миланской филармонии. Огромный зал на 2500 человек, наклонённый к сцене для лучшего обзора. Все места заняты, обстановка ожидания чуда, что и случилось. Играли Вивальди, Россини, Берлиоза и Верди. Звучание превосходное. Очень профессиональное исполнение. Дирижёр темпераментный и рельефный. Очень чувственный. Тишина, взрывающаяся аплодисментами.

Осмотр работы Микеланжело «Тайная вечеря». Эта фреска находится в Милане. Мне показалось, что она требует реставрации, т.к. цвета как-то поблекли и стали плохо различимы детали шедевра. Но без преувеличения можно сказать, что за сотни лет эта работа, приобретшая миллионы почитателей во всех странах мира, нисколько

не утратила своей исторической ценности и по праву стоит вровень с самыми выдающимися мировыми творениями!

Осмотр Дуомо

Это сооружение нужно видеть! Очень трудно описать его словами. Я бы причислил этот собор к самым выдающимся творениям земной цивилизации, стоящими вровень по замыслу, исполнению и эмоциональному воздействию с собором Святого Петра в Риме, Кёльнским собором, Тадж-Махалом (из тех сокровищ, что я видел). Дуомо отличается, на мой взгляд, изяществом форм и какой-то огромной притягательностью, гармонией и великолепным сочетанием вершин зодчества и вдохновенностью скульптурного мастерства. Замечательна планировка всех составляющих ансамбль декоративных деталей. Дуомо – великий памятник наших предков, обращённый к потомкам. Многочисленные голуби, прикормленные горожанами и туристами, свободно разгуливают на прилегающей к собору площади, чувствуя себя истинными хозяевами положения. К этой площади всегда стекаются все манифестанты, что-то требующие от власти. Как нам говорили, их требования состоят, в основном, из просьб о повышении зарплаты. Я наблюдал эти шествия довольно часто. Они носили мирный характер. Идущие с транспарантами в шеренгах люди что-то говорят, что-то выкрикивают, что-то скандируют. Но всё делается цивилизованно и, видимо, с разрешения властей. Карабинеры, на случай беспорядков, прячутся в боковых улочках и не оказывают никакого противодействия, а только наблюдают и контролируют ситуацию. Всё мирно. На Дуомской площади люди расходятся. Сидят, закусывают, пьют воду или соки и мирно возвращаются по домам.

Рыбный ресторан Пикколо-Падре

Почему-то из всех ресторанов Милана, в которых я побывал, это заведение мне особо запало в памяти. Во-первых, интерьер: он напоминал что-то морское. Там были на стенах компасы, спасательные круги, канаты, якоря и т.д. Проходя далее по коридору, ты видел стены, увешенные муляжами рыб, каких-то морских чудищ и пр. Далее, спускаясь вниз по лестнице, ты попадал в основной зал, рассчитанный на 100-150

человек, с длинными грубо сколоченными столами и скамьями. Всем гостям после заказа одевают слюнявчики, дабы не запятнать одежду. Смены блюд чередуются с завидным постоянством и услужливостью. Начинали с трепангов, моллюсков, прожаренных ракушек с вкусными внутренностями, мясо которых ты подрезаешь спецножичком, цепляя на двурогую вилочку, и отправляешь глубоко в рот, обильно запивая вином. Затем были поданы морские звёзды, кальмары, крабы, мясо акулы и что-то ещё. Нам подавали и черепаший суп. Всё было вкусно, отлично приготовлено и вызывало у нас чувство благодарности фирме и Италии.

Встреча Горбачёва с промышленными кругами Италии в Милане

Мы это ощутили по бесконечной пробке, образовавшейся на дороге в Биассоно. Мы проторчали около 2 часов, пока оцепление не было снято. Все дороги и подъезды по пути следования кортежа были перекрыты. Премьер-министр Италии, г-н Андреотти и Горбачёв в сопровождении полиции проследовали в клуб, где и происходила встреча. Нам оставалось только зреть вереницу застрявших в пробке машин и гордиться тем, что российскому лидеру оказан такой оглушительный приём в Италии!

Рынки Милана

В Биассоно, недалеко от фирмы, по вторникам работал продуктовый и вещевой рынок. На нём ты мог купить рубашки, свитера, джерсовые женские костюмы, обувь и т.д. по сходным ценам. Однажды я обратил внимание на изумительный женский джерсовый костюм «времена года». Он был в единственном экземпляре и стоил 250 ам. долларов. На груди свитера были изображены 4 времени года, симметрично расположенные с прекрасной цветовой гаммой ручной или машинной вязки и прямой, строгой юбкой. Костюм мне очень понравился, но стоимость меня напугала. В последующие дни я испытывал страшные угрызения совести. Как же я не купил для любимой доченьки этот уникальный костюм?! Ведь он Танюшку бы прямо преобразил! И в четверг я полетел на аналогичный рынок, в некотором отдалении от фирмы, в надежде купить такой костюм. Мне повезло: там я увидел такой же в точности костюм и, не раздумывая, тотчас же купил его! Дома был праздник! Танюшке он оказался впору. Он как будто бы был сделан специально для неё. Как же она была счастлива и благодарна! Ведь при нашей нищите мы не могли себе позволить покупать такие дорогие вещи. Этот костюм служил моей скромной дочурке долгие годы. На этих рынках я в основном покупал чудесные хлопковые рубашки и отличную итальянскую обувь.

Во время нашей работы в Милане мы завтракали и ужинали в отеле, а обедали на фирме. Часто фирма нас приглашала на ужин в рестораны, где мы прекрасно, в дружеской обстановке проводили время. Было несколько экскурсий по Милану. Но, в основном, все уикэнды фирма нас знакомила с Италией, и мы (чаще всего на автобусах) уезжали из города. А сам Милан запомнился мне театром Ла-Скала, собором Дуомо, галлереей Виктора Эммануила, картиной Микеланжело “Тайная вечеря”, площадями, магазинами, проспектами, скульптурами, архитектурой зданий и, главное, приветливым, улыбчивым и гостепреимным народом. Бывали мы и на блошином рынке. Там мне запомнилась такая сцена. Толпа женщин столпилась вокруг какого-то развала с тряпками, где всё продавалось за одну милю, т.е. за 1000 лир. Тряпки летали в воздухе, и видны были только женские зады, т.к. женщины, наклонившись, разглядывали тряпки и подбрасовали их. А сухощавый молодой парень, торговавший тряпками, что-то надрывно выкрикивал, зазывая покупательниц. Наша переводчица от фирмы, сопровождающая нас, перевела нам слова этого продавца. Он, оказывается, кричал: «Кто у

меня не купит, тот забеременеет!» А это, оказывается, в то время для итальянских женщин было тяжелейшим бременем.

Вот, пожалуй, и всё об Италии. Как жалко с ней расставаться! Но у меня впереди ещё масса других, не менее интересных воспоминаний.

Польша, Чехословакия, Югославия, Индия. Все эти страны я повидал (за исключением Югославии) в связи с моей работой. В 1974 году – командировка в Польшу, на Плоцкий Нефтехимкомбинат (120 км от Варшавы). В 1983 году – командировка в Чехословакию, на Чешский Компрессорный Завод (ЧКД, Прага). В Индию были командировки дважды, в 1987 и 1988 годах. Одна командировка была связана с желанием фирмы Моди купить у нас технологию производства бутилкаучука, а вторая – конференция производителей синтетических каучуков.

Польша – Варшава, Плоцк (1974 г.)

Цель командировки – изучение опыта пуска и эксплуатации установки одностадийного дегидрирования бутана с получением дивинила. Группа была небольшая: 3 человека от Гипрокаучука и 2 человека от Воронежской пуско-наладочной организации. Вся командировка была задумана и оформлена мною. Я предполагался руководителем группы. Но перед отъездом, совершенно неожиданно, представитель Управления внешних сношений Министерства объявил решение руководства Министерства: руководителем группы был назначен Воронков – Главный инженер Воронежской пуско-наладочной бригады, работающей в Нижнекамске. Я думаю, Министерство перестраховалось. Ведь у меня тётя в США. Или 5 параграф подействовал? Но это было сделано гнусно и беспардонно. Ведь Воронков ничего не знал абсолютно о всей предистории этой командировки. Но я решил, Бог с ними. Хоть своих коллег-поляков повидаю за госсчёт. И я поехал рядовым членом группы. Ещё от института была К.И. Свирская (Главный технолог отдела) и механик из проектно-конструкторского отдела института (фамилию забыл). Далее события развивались следующим образом. Ехали поездом. По прибытию в Варшаву нас встретил представитель Торгпредства и отвёз в офис. Начались мучительные поиски транспорта, чтобы перевезти нас в Плоцк. Я молчал и не говорил, что у меня в Варшаве, в Министерстве работают мои знакомые

поляки, с которыми я учился в Казани. А они уже были большими начальниками. Юрек Копытовский работал зам. министра, Эдвард Гжива - нач. техуправления. Понаблюдав за бесплодностью поисков транспорта, я сознался в моих связях. Представители Торгпредства ухватились за это, как за спасательную соломку, и предложили мне срочно позвонить польским друзьям. Я позвонил Эдварду Гживе. Он очень обрадовался и немедленно выслал за мной машину. Встреча с Яном Качаром, Эдвардом и Юреком была очень радостной. Они тотчас же связались с дирекцией Плоцкого Нефтехимкомбината, и за нами выслали автобус, который нас домчал к вечеру до Плоцка. Разместили нас в отеле. Мы поужинали и отправились почивать. С нами был командирован человек от Торгпредства в качестве сопровождающего. Утром мы позавтракали и поехали на комбинат. Там была встреча с руководством. Мой сокурсник по Казани Сташек Лоскот, работающий там в ранге зам. гл. инженера, стал нашим гидом и попечителем во всех делах. Мы узнали, что Польша за очень небольшие деньги покупает на Западе установки, отслужившие там много лет и демонтируемые из-за того, что они устарели морально и технически. А для небогатой Польши это был выход из положения. Они так часто поступали и тем самым как-то по мере возможности развивали свою нефтехимию. Но установка Гудри, которую мы намеревались изучать, была приобретена за полноценную валюту и была соответственно оформлена на хорошем техническом уровне. Так что нам было, на что посмотреть и чему поучиться. Сташек Лоскот, замечательный, мягкий, интеллигентный человек, оказывал нашей группе максимум внимания. В выходные дни он организовывал для нас экскурсии – в Желязову Волю, родовое поместье Фредерика Шопена, и на великолепное озеро поесть копченого угря, порыбачить и покупаться. Особо запомнилась поездка в Желязову Волю. Это был воскресный день. В родовом поместье Шопена по традиции давался часовой бесплатный концерт. Играли лауреаты конкурса Шопена. В тот день за роялем была госпожа Черны-Стефаньски. Играла блестяще. Молодая поросль со всей Европы (в основном из ГДР) стояла в саду, не шелохнувшись, очень тесно, плотной группой, плечом к плечу. Было очень жарко. Солнечно. Все окна дома были раскрыты, и оттуда лилась музыка великого Шопена.

На родине Шопена

В Желязовой Воле,
Где творил Шопен,
Волновалось море
Угодивших в плен.

Был Великий праздник,
Твой талант любя,
Люди все в экстазе
Славили тебя.

Музыке внимали
И, собравшись в круг,
Люди замирали,
Превратившись в слух.

Из раскрытых ставен
Плыл волшебный звук.
Был он лучезарен,
Всё затмив вокруг.

Музыка творила
Чудо из чудес.
С каждым говорила
Языком небес.

В музыке звучала
Тайная мечта,
В ней людей пленяла
Мощь и красота.

Щедро всем доверив
Всё, чем сам он жил,
Распахнул нам двери
В мир своей души.

Люд заворожённый,
К чуду приобщён,
Замер поражённый
Тем, что сделал он.

Музыка Шопена
В этот дивный час,
Вырвавшись из плена,
Поселилась в нас!

Одна очень юная девица, видимо, от недостатка кислорода, упала в обморок. Но ей тотчас же помогли. И это происшествие не омрачило Праздника! По окончании концерта один мужчина подошёл к пианистке и преподнёс ей цветы. Они заговорили на английском. Он оказался австралийцем, который слушал её игру в Австралии. Да, мир тесен. Наш дом, наша земля, особенно после полётов человека на околоземную орбиту и на Луну, стала маленькой и хрупкой. Мы уже тогда понимали, что за её благополучие нужно бороться и что-то делать, чтобы уменьшить вредные выбросы в атмосферу. Нам, химикам, было над чем работать в этом направлении!

Поездка на озеро ничем особо не была примечательна. Озеро было мелковато, и сходни уходили далеко от берега. Сама природа в округе была великолепна и очень напоминала Россию. Был отличный обед в ресторане. Подавали копченого угря, выловленного из этого озера. Больше ничего не помню. Помню, что я искупался, а другие почему-то воздержались. На обратном пути в Москву я на пару дней задержался в Варшаве у Эдика Гживы. В один из вечеров посмотрел фильм «Крёстный отец» с великим Марленом Брандо в заглавной роли. Днём знакомился с Варшавой и приобретал сувениры для дома.

Чехословакия (1983 г.)

Чешский завод по производству компрессоров и двигателей (ЧКД). Закупка холодильных машин. Согласование проекта. Наша группа была из 4 человек. Я был руководителем группы, Золотов (Казань, Электропроект), механик из 2-го МТО института и специалист по КИП и Автоматике из Гипрокаучука. Командировка была недолгой, 20 дней. Жили в хорошем отеле, в центре города. Работа продвигалась споро. Несмотря на осадок после вторжения Советской Армии в 1968 году и подавление ростков истинной демократии, принимали нас хорошо, понимая, что мы не могли никак повлиять на те события. Нам показали Карловы Вары, организовали обед в доме приёмов ЧКД. Нас ознакомили с производством. Показали процесс изготовления компрессоров. Но не этим запомнилась поездка. Она запомнилась красавицей Прагой, старинной синагогой, может быть самой древней в Европе, музеем холокоста и древним еврейским кладбищем. Побродили мы основательно по Вышгороду, полюбовались на мосты через Влтаву. Ну и, конечно, попили пивка чешского в прелестных пражских пивных.

Золотов, как заправский пивник, привёз из Казани черные присоленные сухарики под пиво, и мы отводили душу, испробовав все сорта пива, которые там подавали. Бродя как-то по городу, мы увидели афишу о гастролирующем в Праге казахстанском цирке. Мы его посетили и кайфовали на представлении. Там, в шапито, мы познакомились с цирковым акробатом (у него была повреждена нога), пребывающем на больничном. Его жена работала наездницей. Он отвёл нас к себе в вагончик, и мы немного выпили. Там же в ограждении мы обратили внимание на стоявшие белые «Волги». Оказалось, что циркачи, как он нам рассказал, покупали за кроны «Волги» и отгружали их на платформах в Москву. Стоила эта процедура 700 крон. А сама машина 2000 крон. В общем, это была очень выгодная сделка. И, гастролируя в течение 4-5 месяцев, они могли себе это позволить. Машины чехи охотно продавали из-за резкого подорожания бензина. А ведь «Волга», как известно, очень прожорлива и расходует массу горючего! В следующий раз мы появились в цирке как старые знакомые, прихватив с собой горючее. Хорошо посидели, поговорили и мирно расстались. Больше мы с ним не встречались.

Очень нам понравились Карловы Вары. Прекрасны там отели, санатории и всё, что их окружает. Я что-то прикупил в Праге, даже сейчас не помню, что. Но, конечно, в этом плане Чехословакия не могла сравниться с западными странами. Выбор был не тот, да и цены были неподходящими. Вот, пожалуй, и всё об этой поездке, если не считать некоторых мелких деталей.

О нашем быте. Мы, как все советико, были абсолютно без денег. И, зная это, понавезли с собой провизии в требуемом количестве. В ход шли электроподогреватели. С их помощью мы готовили чаи, кофе и жидкие супы. Торгпредство нам выдало какие-то талоны на питание в отеле, исходя из расчёта мизерной долларовой суммы на день. Я не помню, сколько это было в долларах, но что это был мизер, за это я ручаюсь. Мы попоробовали питаться по талонам, но это нам показалось глупым занятием, так как наши привезённые продукты пропадали! Тогда мы командировали Золотова, чтобы он в ресторане с официантом договорился о продаже талонов на кроны, так нужные нам для покупок. И Золотов умудрился провернуть это. Половина от номинала нам и половина официанту. Так и порешили, и ни одной секунды об этом не пожалели. Мы обрели вожделенные кроны, почувствовав себя мужчинами. Это было постыдно, но, как говорится, се ля ви! Такова жизнь!

Индия

Не счесть жемчужин в море полуднённом. Страна контрастов. Чувствовалась её мощь и перспектива.

В Индии я был 2 раза. Первый раз в 1987 году, в связи с запросом индийской компании Моди на закупку процесса производства бутилкаучука. Мы долго работали с этой компанией. Их представители часто бывали в Москве. Мы обсуждали детали контракта. А 26-дневная командировка была связана со сбором исходных данных для разработки проекта. Группа наша была небольшая: 9 человек. Я был руководителем. Работали мы в городке, отстоящем от Дели на 90 км. Там размещался шинный завод фирмы. Стояла жуткая жара, которую мы ощутили уже по прилёту в аэропорту. Было интересно и необычно практически всё. Нас предупреждали, что санитарная обстановка там требует питья только из фирменно закупоренных бутылок. Что никакие фрукты и овощи с лотков покупать, а тем более есть, нельзя категорически. Мы были напуганы этим обстоятельством и беднотой, которую мы видели вокруг себя. На тот период, как нам говорили, общество было страшно поляризовано. Лишь 10% было богатых людей, а 90% бедноты. Но там, где мы жили и работали, всё было цивилизованно и добротно. Нам предстояла поездка на южную оконечность Индии, в г. Визакхапатнам, где на НПЗ предполагалось разместить упомянутую установку.

Летели мы из Дели с посадкой в Калькутте. НПЗ стоит прямо у кромки Бенгальского залива, откуда он берёт воду для охлаждения теплообменников и туда же сбрасывает отработанную воду. Мы были ошарашены увиденным. Мы не могли себе представить, что солёная морская вода может использоваться для этой цели без предварительной подготовки. Оказывается, завод был спроектирован и поставлен англичанами в 1945 году с теплообменниками из меди, и ни о какой коррозии речь не шла все эти годы. Голова от этой проблемы у них не болела! Запомнилась пресс-конференция по окончании наших переговоров. Всё было организовано по высшему разряду, с приглашением местной прессы. Была культурная часть – бенгальские танцы. Своеобразные, грациозные танцы, очаровательно исполненные изящными танцовщицами с красной отметиной на лбу. Был отличный фуршет. Блестящая, хорошо и со вкусом европейским одетая публика. Мы с их руководителем проекта обменялись короткими речами. Я делал это впервые в жизни на английском языке. Мне пришлось написать речь на русском языке, затем наша переводчица перевела текст на

английский. А затем я этот текст зазубривал всю ночь. После этого я в присутствии нашей переводчицы его наговаривал вслух, а она правила моё произношение. В общем, всё прошло достаточно прилично, и мне показалось, что присутствующая публика даже поняла, что я хотел сказать. Затем мы были приглашены хозяином металлургического комбината к нему на виллу. Всё было великолепно. Его жена, сестра президента компании Моди, их сын с молодой и очаровательной женой, Чакроварти (рук. проекта) и наша группа расположились на открытой веранде, с которой открывался прелестный вид на бухту и люлечный транспортёр с железной рудой, идущий к металлургическому комбинату. Мы что-то пили, мирно беседовали. Был тихий, звёздный вечер. Прохлада спустилась после знойного дня. Было очень покойно.

Нам презентовали в память о встрече какие-то папки, и на следующий день у нас был обратный рейс в Дели. В самолёте вновь нашей попутчицей оказалась жена хозяина комбината, сестра президента компании Моди. Эта красивая, стройная, очаровательная женщина, хозяйка двух клубов йоги, была очень европеизирована. Со мной в самолёте случился казус: я выпил воду из пиалы, которая подавалась, как я потом уяснил, для омовения рук. По-видимому, это обстоятельство явилось причиной моего дизентерийного заболевания. Я провалялся в постели в нашем Торгпредстве 5 дней с высокой температурой, доходившей вначале до 39 градусов. Врач Торгпредства ничего сделать толком не смог и уповал лишь на силу иммунной системы организма и куриный бульон с рисом, который мне организовали мои товарищи по группе. И организм справился! Но как это было тяжело! Группа в это время гуляла по Дели и знакомилась с достопримечательностями этого чудесного города, а я валялся в постели. Я как руководитель группы вынужден был с температурой 38 градусов вести финальные переговоры с Президентом фирмы Моди, часто срываясь с переговоров в туалет. Это было постыдно и мучительно, но, как говорится, се ля ви. Я должен был завершить наши переговоры и наметить вместе с Моди дальнейшие наши шаги в деле. Но я несколько забежал вперёд. До этих завершающих наш визит переговоров было много событий, о которых хотелось бы упомянуть.

Один уикенд мы провели в Гималаях, в домике, принадлежавшем фирме. Если внизу температура доходила до 40 градусов, то в горах было 20-25 градусов Цельсия. По дороге мы ознакомились с религиозном центром на реке Ганг. Проходя по мосту через реку, мы видели прокаженных, идущих на моления. Мы видели мужчин и женщин,

опускающихся в воды Ганга для очищения от грехов. Причём женщины в рубашках методично опускались в воду, держась за цепи, укреплённые в каменных берегах, а мужчины возлегали на хорошо отполированных водой валунах. Всё тело этих мужчин находилось в воде, только головы возвышались над водой. Было много экзотики. Например, мы катались на слонах, и я даже держал питона у себя на шее. В горах прямо у кромки дороги свободно прыгали обезьянки. В Гималаях мы видели велорикш, везущих девочек с сикхским тюрбаном на голове. Как нам сказали, это были американские сикхские девочки, обучающиеся здесь.

Другой уикенд мы провели в Тадж-Махале. По пути следования мы посетили г. Акра. Мёртвый город с мраморными пустыми дворцами. По преданию, когда вода ушла из города, он опустел. Жители его покинули. И теперь он – лишь только объект туристического паломничества. Ручная работа в оформлении дворцов, оригинальная ажурная вязь, изящество мраморных конструкций, их гармоничность просто потрясают. Но венец, торжество таланта народа особенно ярко проявлено в чуде света Тадж-Махале, дворце на берегу реки. Этот шедевр зодчества нас просто очаровал. Я уверен, что и многих других многочисленных паломников со всех концов нашей планеты. Дворец поразил нас своей монументальностью, гармонией и красотой! В Дели мы побывали в храме пяти религий – «Лотосе». Спокойствие и прохлада, царившие в его покоях, навевали думы о вечном, возвышенном и недосягаемом. Думалось о Создателе, сотворившим наш беспокойный мир. Хотелось молиться о благополучии ближних и любимых. Хотелось обрести покой и благоденствие.

Мы побывали на шинном заводе фирмы Континенталь, производящей более миллиона разнокалиберных шин в год. В Индии из-за плохого качества дорог ещё тогда применялись камерные шины. Мы посетили проектную фирму. Уже тогда, в этой отсталой стране, все расчёты и чертежи выполнялись на персональных компьютерах! А у нас в Гипро был лишь один ПК! А там компьютеры фирмы Тошиба стояли на каждом столе. В Индии, как правило, все бизнесы – это совместные предприятия с развитыми странами Запада и Востока. Такими, как США, Япония, Германия, Франция, Канада, Италия и т.д. Мы встретили там, к примеру, чудесную малолитражку Марутти – совместный проект с фирмой Тойота. На шинном заводе, упомянутом выше, мы обратили внимание на большое количество ручных операций. Но нам объяснили, что это вопрос экономики, так как при мизерной зарплате им выгоднее на некоторых переделах держать людей, а не

устанавливать дорогостоящее оборудование. И, во-вторых, социальный аспект – занятость малоквалифицированного контингента.

В Индии хорошо развита сеть, изготавливающая медицинские природные препараты. Мы встречали там представителей немецкой компании Хёхст, ведущих с Индией бизнес. Некоторые медицинские препараты, в частности, мази от ожогов, вообще уникальны. Я имел возможность это проверить на практике. Я приобрёл там тюбик такой мази, и он нам в жизни очень пригодился. Когда наш малолетний внук опрокинул чашку с кипятком на руку, мы тотчас же смазали это место, и никаких волдырей не было и в помине. Но часть кипятка попала под рукав его рубашонки, а мы это не заметели, и на этом месте образовались волдыри, с которыми потом боролись врачи детской Морозовской клиники в Москве. Эта мазь пропутешествовала с нами от Москвы через Тель-Авив до Бостона. И вот уже более 30 лет мы продолжаем пользоваться этой мазью, не утратившей своих великолепных качеств!

Прелестен индийский чай Даржилинг. О нём просто ходят легенды. Мы проверили это на себе. Его целебные свойства потрясают. Его настой снимает конъюнктивит за момент. Я уже не говорю о его вкусовом превосходстве в сравнении с другими сортами чаёв. Чай со слоном, популярный в бывшем СССР, – это просто жалкий пигмей против Даржилинга. То же относится и к цейлонскому чаю. Мы и в Америке употребляем только чай Даржилинг, покупая его в индийских магазинах Бостона.

Много великолепных, недорогих вещей производились тогда в Индии. Бирюза, изумруды, сапфиры, тигровый глаз и т.д. Я в аэропорту г. Калькутты купил дочурке прелестый бирюзовый комплект зеленоватого оттенка. А меха! Обувь! И многое, многое другое. Страна очень больших потенциальных возможностей! Это чувствовалось буквально во всём, хотя уровень нищеты зашкаливал! Мы часто встречали детей-попрошаек, так называемых прилипал. От них было невозможно отделаться, не подав им. Как нам рассказывали, в многодетных, бедняцких семьях детей выставляют на улицу попрошайничать. Для большей жалости отрубали им руку или ногу. И таких детей-инвалидов мы часто встречали на улицах. В это невозможно поверить. Но это факт!

Запомнился визит дружбы к гл. инж проекта на дом. Он с семьёй жил целиком за счёт фирмы: дом, машина, два грума, мебель, и т.д. Обед был сервирован отлично. Жена Гипа преподнесла нашим трём

женщинам сари, и они на следующий день радовались, примеряя их. Выглядели очаровательно. Не хватало только голого пупка и красной точки в центре лба!

Нам регулярно в гостинице к вечеру, видимо, в целях дезинфекции, служитель притаскивал по три бутылки виски (по 0,75 л), и мы их выпивали каждый вечер, несмотря на непрекращаюся жару, помятуя об антибактериальных свойствах виски. Не могу не отметить экзотику подаваемой еды.

Она была всегда очень острой, нашпигованной специями до предела. Видимо, это делается в Индии также в антибактериальных целях. Всё внутри горело, но зато все члены делегации были здоровы!

Вторая командировка в Индию (1989 г.)

Всё происходило в этот раз на другой, западной стороне страны, в Бомбее. Это была конференция мировых производителей синтетических каучуков. Наша делегация была немногочисленна – 4 человека. Нас встречали, размещали и заботились о нас люди с фирмы Моди. Жили в предместье города, в отеле немецкой авиакомпании Люфтганза. Отель замечательный, с открытым бассейном, своим зоопарком, с сетью ресторанов всех стран мира, с отличными номерами. Высота потолков в вестибюле до 10-12 метров. Мои руководители, Юдин, гендиректор Тобольского НХК, Карпенко, зам. Министра, и Никандров, директор Гипрокаучука, не понимая ни слова по-английски, предпочитали не сидеть на скучных заседаниях, а уезжать в город за покупками, оставляя меня заложником. Несколько дней я тоже скучал на заседаниях, а затем решил, что эта скучища не для меня, и всё время проводил в бассейне, купаясь, загорая и попивая коктейли. Я был спокоен, так как за всё платила фирма. В конце командировки Юдин, располагавший валютой, подписал какой-то контракт на 40 000 долларов на поставку обуви, косметики, лекарств и т.д. Запомнился заключительный вечер, организованный устроителями конференции. Выпивали, закусывали а ля фуршет в тени прелестного искусственного пруда, завязывали контакты с фирмачами. Я беседовал с разработчиками и производителями силоксанов. Обменялись бизнес-карточками. Фуршет закончился глубокой ночью под тихую приятную музыку. Были мы в Бомбее всего 6 дней, из которых 5 дней шла конференция, и один день мы

посвятили осмотру музея Ганди. Запомнилась громадная набережная города с большими, высокими, с орнаментным рисунком воротами в морском порту и массами людей, что-то кричащих, толкающихся, стремящихся куда-то.

Америка (1991 г.)

Мой первый визит в Америку состоялся в 1991 году. Он был сопряжён с модным тогда направлением в министерствах и ведомствах: кратковременный курс обучения маркетингу и менеджменту для руководящих работников. Нашу группу, состоящую в основном из директоров предприятий отрасли и их замов по экономике, возглавлял зам. министра шинной промышленности. Учёба была организована на базе университета им. Вашингтона города Сиэтла, на северо-западном побережье США. Добирались мы туда в течение 24 часов по сложному маршруту. Мы вылетели рейсом Аэрофлота из Ленинграда, на таможне которого был вселенский шмон. У директора Днепропетровского шинного завода оказалось много бутылок водки «Беловежская пуща», и таможенники задержали его. Увидев это, я вмешался и заявил, что половина бутылей принадлежит мне. Мы отделались легко: отдали таможенникам лишь одну бутылку. Остальные 9 полетели в Штаты. Так я познакомился с этим человеком, который впоследствии оказывал мне некие услуги, но и я ему кое в чём помог в Сиэтле. Об этом позже.

В нашей группе оказалось два человека, с которыми я был знаком ранее по Нижнекамску. Один – Лёва Котляр, бывший директор завода дивинила (точно не помню), другой – бывший зам. директора шинного завода, работавший тогда в главке шинпрома министерства. В группе был один колоритный мужик – директор Капотневского маслозавода с интересной женщиной, его заместительницей по экономике. Но мы все знали, что это его гёлфренд. Вот так он устраивал свои сердечные дела! Конечно, мы все завидовали ему. Командировка была рассчитана на 26 дней. Слушали мы различные курсы по экономике, учились работать на ПК, встречались с различными людьми и бывали на предприятиях.

Немного о полёте. Летели мы с тремя пересадками: в Анкоридже, затем в Нью-Йорке, затем в Далласе и, наконец, посадка в Сиэтле. Полёт проходил в штатном режиме. Месяц был июль. В Нью-Йорке была страшная жара при высокой влажности. Наши организаторы

курсов встречали нас в Нью-Йорке, и далее мы летели уже вместе с ними. Никаких особых эмоций я не испытывал. Физически себя чувствовал вполне удовлетворительно. Правда, чувствовалась дикая усталость от такого непревычно длительного полёта.

Первые впечатления от Америки начались уже при подлёте к Нью-Йорку. С высоты птичьего полёта была видна плотная сеть автодорог, на предмет которых мы заспорили с моим соседом из Баку. Он сомневался, что такая густая сеть дорог заасфальтирована. Я же утверждал, что вся сеть дорог высокого качества и, конечно, или заасфальтирована, или забетонирована. Когда мы спустились к аэропорту, то стало очевидно, что я выиграл этот спор.

Собственно знакомство с Америкой началось в Сиэтле. Это крупный город северо-запада Штатов, недалеко от канадского Ванкувера (25 минут лёта). В городе чудесное озеро Онтарио. В Сиэтле дислоцирована база военно-морских сил США и находится центр самолётостроения фирмы Боинг. Разместили нас в студенческом кампусе университета. Прикрепили к нам для общения студентов славистского факультета университета, и началась учёба. Лекции и прочие занятия проходили на английском с синхронным переводом. Так как я немного знал английский, мне было полегче, чем другим. Когда нас разбивали на группы по 5-6 человек для работы на ПК, то меня, вроде как-бы знающего язык, назначили руководителем группы. Лекции по экономике нам читал приглашенный профессор, делающий упор на практических вопросах. Запомнились две задачи, поставленные им перед аудиторией.

Первая задача была связана с недавним землетрясением в Сан-Франциско, следы которого мы видели воочию. Вопрос состоял в следующем: для восстановительных работ понадобилось много пиломатериалов. Многие фирмы, выпускающие пиломатериалы, тотчас взвинтили цены и быстро потянулись к городу, чтобы успеть заработать и опередить конкурентов. Но так как для штата это было неприемлемо, то губернатор штата издал указ, ограничивший потолок цен за кубометр древесины. Фирмы, озадаченные этим решением, полные желания заработать, всё-таки сумели реализовать свои намерения. В задаче спрашивалось, как они этого добились? Никто из нас не смог найти ответ. А он был прост. Фирмы-поставщики организовали продажу пиломатериалов за границей штата. Покупатели сами своим транспортом доставляли в Сан-Фрацисско материалы, приобретая их по ценам, приемлемым для продавцов. Там указ губернатора Калифорнии не действовал!

Вторая задача была связана с решением транспортных проблем. Спрашивалось, как расшить транспортные потоки в пиковое время при проезде по мосту, связывающему г. Сиэтл с канадской стороной через озеро Онтарио. Многие канадцы работали в Сиэтле, и ко времени окончания работы создавались большие пробки при проезде через мост. Нужно заметить, что проезд был платным. Канадцы, возвращаясь домой из Сиэтла после работы, сталкивались с тяжелым трафиком. Нам предлагалось придумать варианты решения этой проблемы. Никто из нашей группы не мог предложить экономически приемлемый вариант. А ответ был опять прост. В пиковое время с 5 до 6 вечера была увеличена плата за проезд на 1 доллар. И сразу пробки исчезли. Прошло более 20 лет, а эти задачки сидят в моей памяти!

Немного о кампусе. Территория громадная. Много зданий различных факультетов. Кругом ухоженные газоны, чистенькие аккуратные пешеходные дорожки, прекрасные спортивные сооружения: теннисные корты, бассейны, спортзалы, стадион для американского футбола и бейсбола. Чистота идеальная. Мы каждое утро устраивали групповые пробежки до озера. Купались. Нам было странно, что американцы предпочитали плавать в бассейне, а не в открытом озере. Мы видели, как американские студенты поутру или бегали, или ездили на велосипедах. Вообще чувствовалось, что в университете культ спорта хорошо развит. Жили мы в студенческом общежитии. У каждого была отдельная комната с кроватями в двух уровнях. На четыре такие комнаты был общий холл с холодильником, телевизором, диванами и креслами. Душевые и туалеты располагались на этаже в конце коридора. Там же имелся телефон-автомат. В целом, условия нашего проживания были вполне достойными. Питались мы в студенческой столовой по талонам, выданным нам руководством курса. Из занятий особо ничего не запомнилось, кроме работы на компьютере. Я делал это впервые, и мне это было очень интересно. К сожалению, этот раздел обучения был прикладным, и на него было выделено очень мало времени. Из отдельных эпизодов запомнились следующие:

- поход в дельфинарий,
- поход на бейсбольный матч,
- парад-шествие американских войск после победы в Иракской войне (Буря в пустыне),
- поход на гонки скутеров и авиа парад над озером,
- встреча с работниками фирмы Боинг (осмотр сборочного цеха),

- визит на нефтеперерабатывающий завод,
- дружеская встреча-пикник с работниками НПЗ,
- товарищеский ужин у руководительницы курса дома,
- поход в ночное кафе,
- визит на предприятие по изготовлению пластиковых труб,
- полёт в Сан-Франциско и пребывание там в течение 3 дней,
- визит в шахматное кафе Сиэтла с руководителем курса.

Каждый из перечисленных эпизодов заслуживает описания, но это было бы очень утомительно, а может быть даже и скучно. Поэтому я опишу некоторые из них, особо запомнившиеся мне и кажущиеся наиболее значительными.

Парад-шествие войск

Это было феерическое представление! Оно происходило на широкой, центральной улице города, запруженной людьми. Люди сидели и стояли по обеим сторонам улицы. Яблоку было упасть негде. Я еле нашел место и весь парад простоял, как аист, на одной ноге. Парад длился три часа. Начинали это шоу праздично разодетые полицейские на харлеях, блестевших на солнце своей чистотой. Колонна примерно из 12 мотоциклов, с характерным грохотом, очень красиво смотрелась. Они то выстраивались во всю ширину улицы, то, перестраиваясь, неслись навстречу друг другу, разъезжаясь немного в стороны, чтобы избежать столкновений. Ну а затем пошли ребята военно-морских сил США. Это было потрясающее зрелище! Высокие, молодые, красивые парни, пышущие здоровьем. Отборные воины, в красивой, парадной форме маршировали, заполняя улицу и наполняя её радостью жизни и победы. Они были очень улыбчивы, и музыка удивительно гармонировала с их маршем. Молодые девушки подбегали к строю моряков, обнимали их, целовали и дарили цветы. Такого единения народа и армии я не видел никогда. Только в кино, на встрече солдат, возвращающихся с фронта после победы над Германией в 1945 году. После марша моряков началось костюмированное представление в диснеевском варианте. Всё двигалось, переливаясь красками. Перед этим было красочное шествие оркестров школьников города под звуки барабанной дроби, звуков труб, трамбонов и саксофонов. Диснеевский вариант представления, вероятно, очень популярен в Америке. На этом

параде, на задрапированных грузовиках по улице двигалась какая-то масса, изображающая различные стороны американской жизни, в воздухе плыли огромные надутые фигуры разукрашенных экзотических животных. И всё это под несмолкаемую музыку с большим одобрением страждующей публики. Я много фотографировал, и фотографии увёз домой, где мои домашние могли представить себе величие этого праздника.

Гонки скутеров и авиапарад

Был солнечный жаркий день. Солнце жарило нещадно. Нас привезли на автобусе к озеру, и дальше мы с толпой американцев потянулись вдоль по берегу огромного озера, ближе к арене действия. Все прибывающие зрители были основательно упакованы закусками и безалкогольными напитками. Кое- кто имел мобильные солнцезащитные зонтики и раскладные стулья. Алкогольные напитки в США в местах общественного присутствия категорически запрещены, и их распитие строго карается по закону приличными штрафами. За этим на озере строго следили полицейские, которые, согласно закону, запрещали распитие даже пива.

Само шоу было великолепно отрежиссировано и представлено с блеском! Скутера на огромной скорости барражировали озеро, 6 истребителей, подлетая к озеру, взмывали в небеса и распадались, как бутон цветка. Ярко лиловая окраска корпуса самолётов переливалась цветами радуги на солнце. Зрелище было потрясающее! Представление длилось два часа. Сигарообразные скутера, празднично разукрашенные, соревновались в скоростном прохождении трассы, вырываясь вперёд и обгоняя друг друга. Было похоже на автогонки, так как скутера гоняли по кругу, вписываясь в очертание озера. Для меня это красочное шоу было очень интересно и необычно. Такое я видел впервые в жизни!

Визит на фирму Боинг

Нас ознакомили со сборочным цехом компании. С балкона, на высоте порядка 8 метров, мы наблюдали сборку огромных лайнеров Боинг 737 и Боинг 747. Немного в стороне нам показали личный Боинг императора Японии, находящейся в этом ангаре на технической проверке. Размеры сборочного цеха нас поразили: длина – 3 км, ширина – 120 м, высота – 25 м. Одновременно на сборке находилось несколько лайнеров. Сборщики

лазили по лайнерам, что-то монтируя, завинчивая, закрепляя какие-то мелкие детали самолёта. Затем была беседа в офисе, затем ланч. В завершение мы предложили сразиться в шахматы. Вызвался один молодой мужчина китайского происхождения. Но он на шахматном поле оказался совершенно несостоятельным и проиграл мне подряд две партии. Чем, собственно, и закончился наш визит на Боинг. Нужно сказать, что вся встреча, беседы, пояснения при осмотре сборочного цеха, вся атмосфера были пропитаны духом взаимоуважения и понимания.

Ознакомление с НПЗ

Мы были ознакомлены с генпланом НПЗ, структурой управления и набором установок. Побывали на центральном пульте управления НПЗ. Были поражены малочисленностью персонала и высоким уровнем автоматизации и защиты от неприятностей. Всё управление заводом, благодаря микропроцессорам, было вынесено на мнемосхему и производилось в автоматическом режиме. Все параметры работы различных установок были хорошо видны на мнемосхемах и облегчали, тем самым, работу оператора. Нештатные ситуации – выброс параметров и др. – моментально сопровождались звуковой сигнализацией и специальным знаком на мнемосхеме. Так что ведение процесса всегда было под неусыпном контролем приборов автоматики и микропроцессоров, что обеспечивало высокое качество выпускаемой продукции и самых оптимальных расходов как сырья, так и энергозатрат. Ремонтной службы на заводе как таковой не имеется. Все ремонтные плановые работы сдаются специализированной фирме, работающей на контрактной основе. На заводе есть очень малочисленная группа механиков, поддерживающая оборудование в рабочем состоянии. И только! У меня, глядя на это производство, невольно возникли ассоциации с когда-то разрабатываемым Гипро проектом завода-автомата по выпуску СК. Мне тогда показалось, что наша мечта была уж не так далека от реалий.

Ночное кафе

Сеть ночных кафе Сиэтла расположена на одной из центральных улиц города. Так называемый район увеселительных заведений. Мы вчетвером,

в том числе один американец-студент славистского факультета университета, на такси подъехали к этому району в 10 вечера. Улица была в огнях и звуках. Зайдя в первое по ходу кафе и заплатив за вход $10 или 15 (не помню точно) и не увидев свободных мест в зале, мы, получив отметку на руке об оплате, поимели возможность двинуться дальше и отыскать место в других кафе в этом районе. В третьем или четвёртом кафе по ходу мы, наконец, завладели столиком и начали озираться. Мы, пожалуй, были самыми пожилыми посетителями кафе. Но это нас нисколько не смущало, так как на нас никто не обращал внимания. Мы сделали заказ, угостив и американского студента. Секстет и солист играли настоящий джаз. Публика веселилась, и танцплощадка не пустовала всё время, что мы были в кафе. Обстановка была тёплая, семейная, дружеская. Флирт витал в воздухе, и девицы имели возможность оценить достоинства своих кавалеров. Наш американец углядел какую-то знакомую девицу и почти всё время танцевал с ней. Мы были предоставлены сами себе и, в основном, выпивали, слушали музыку и взирали на окружающую публику. А она была, как мне показалось, в основном молодёжная, улыбчивая, весёлая и довольная жизнью. Ни о какой пьяни речи быть не могло. Американцы, в основном, пили пиво и слабоалкогольные, сухие вина. Некоторые, правда, пили виски с содовой и льдом. Но в небольших количествах: это довольно дорогое удовольствие. Отгуляв, мы в 3 часа утра на такси возвратились в кампус.

Сан-Франциско

Руководители нашего курса запланировали 3-дневное путешествие и осмотр Сан-Франциско. Закончив цикл лекций и практических занятий, посетив ряд предприятий и учреждений в Сиэтле, мы вылетели в Сан-Франциско. Через три дня мы должны были вернуться в Нью-Йорк и вылететь в Москву. Прежде чем описать наше пребывание в Сан-Франциско, я должен сделать отступление и вернуться назад по времени в Москву, в период начала Перестройки 1985-1988 г.г.

Встреча с Эдной Туркенич

Встреча произошла в 1987 году. Я был на работе, в своём кабинете. Я тогда уже работал замом Главного инженера института. Раздался

телефонный звонок. Я поднял трубку и услышал голос Танюшки. Он был какой-то взволнованный, с несколько загадочной интонацией. Прозвучал вопрос: «Отец, ты сидишь или стоишь?» Я ответил, что я сижу. Она продолжала: «Сиди, пожалуйста, крепче». Затем поведала мне о случившемся. Произошло же следующее. Она была дома, когда зазвонил телефон. Она взяла трубку. Женский голос справился, это ли квартира Л.Я. Кнубовца? Таня ответила утвердительно. Тогда женщина на другом конце провода сказала, что Л.Я. разыскивает женщина из США, которая стоит с ней рядом в отеле «Космос». Таня попросила передать ей трубку, но переводчица сказала, что беседа должна вестись через неё. Таня сказала, что она хорошо владеет английским языком и настойчиво просила передать приехавшей американке трубку. Переводчица сдалась и передала трубку. Таня при разговоре выяснила, что это Эдна Туркенич из Нью-Йорка, моя кузина по отцовской линии. Они договорились о встрече в отеле в 7 вечера, когда я вернусь с работы. Я знал, что у отца в США есть родная сестра Айда. Они очень редко даже в смутные времена переписывались на идиш. Она в период хрущёвской оттепели в 1965 году даже была в Москве. Но я её не видел, так как именно в это время был в командировке в Куйбышеве. Её приезд здорово осложнил мою карьеру. Это было связано с моей так называемой секретностью, так как КГБ вычислил её связи и родственников в Союзе, и мне пришлось долго оправдываться, почему она в 1919 г. уехала в Штаты. Из-за неё мне закрыли выезд за границу и т.д. Но это к слову. Времена менялись, и в эпоху Горбачёва мои американские родственники потянулись в Москву. И вот наступил этот знаменательный вечер: мы втроём подъехали к отелю «Космос» с цветами. Мы были озадачены, как же в фойе, где полно народа, отыскать Эдну. Мы вошли в фойе и остановились в недоумении. И в это время какая-то женщина с противоположной стороны фойе направилась к нам. Подошла прямо ко мне и обняла меня. Это оказалась Эдна. Она сказала, что я – копия её брата, и она поэтому безошибочно знала, что я – это Леонид Кнубовец. Ну а далее было всё: осмотр Москвы, ресторан на 21-м этаже, обед у нас дома и т.д. Мы обменялись телефонами и договорились поддерживать отношения. А через год в Москву прилетела моя другая кузина, Марша Ховард, живущая в городе Оушен-Сити, штата Мериланд, недалеко от Вашингтона. Эта молодая, очаровательная женщина замужем за англичанином, хозяйка двух магазинов женской одежды. У них двое сыновей. С ней мы тоже помотались по Москве, побывали на выставке полузапрещённого скульптора Сидура, обменялись телефонами и проводили её домой в Штаты.

Это отступление необходимо, чтобы объяснить некоторые детали моего пребывания в Сан-Франциско. Итак, вернёмся к Сан-Франциско. Нас разместили в небольшом отеле прямо у въезда в китайский квартал города, Чайна-таун. Как нам сказали, в Сан-Франциско самая большая в США китайская община. Нам устроили автобусную экскурсию по городу. Мы проехали по Голден-Бридж, полюбовались видами на океан, осмотрели ещё сохранившиеся остатки разрушеной землетрясением автоэстакады. Нам показали высотные здания, которые устояли во время землетрясения, только полетели застеклённые наклонные панели крыши здания, да и то частично. Город производит большое впечатление, а здание оперного театра, одного из лучших в США, в особенности. Но самое интересное меня ждало впереди. В Сан-Франциско живёт Боб Розенберг, брат Марши Ховард, моей кузины. Он имел информацию от сестры, что я буду в СФ и остановлюсь в отеле. Я знал его домашний телефон. Я позвонил ему, представился. Мы немного поговорили, и он пригласил меня провести вечер у него дома. Он заехал за мной, и мы поехали к нему. Там нас ждал хорошо сервированный стол, его жена, две дочери и его сосед, адвокат с супругой. Бутылка водки стояла около моего места. Я купил 20 прелестных белых роз и вручил этот букет хозяйке дома. Обстановка была очень доброжелательной, откровенной и сердечной. Видимо, Марша их хорошо подготовила, рассказав о приёме, какой мы ей оказали в Москве, и они платили мне тем же.

Небольшое отступление. Перед этим вечером со мной случился небольшой казус. Я покупал джинсы и в магазине, в примерочной, забыл свой фотоаппарат. Я был очень огорчён. Забегая вперёд скажу, что он нашелся. Я об этой пропаже сказал в отеле в отделе регистрации, объяснив, где я его забыл. Они позвонили в магазин, и оттуда фотоаппарат доставили в отель. На следующий день, в день отлёта мне его вернули. Но я уже к этому времени имел другой фотоаппарат: мне Боб, узнав о пропаже, дал свой. Я позвонил Бобу и сказал, что мой аппарат нашёлся и что я оставляю его аппарат в гостинице, чтобы он его забрал. А сам вечер у Боба дома удался на славу. Мы хорошо посидели. Меня они пытали об обстановке в Москве. Затем я сыграл и спел что-то из русских романсов. Всё было тепло и радостно. Жена и его дочки просто замечательные. Сам он оказался прелестным, душевным человеком. Он врач-стоматолог, практикующий 15 лет и имеющий свой небольшой частный кабинет. Он был сплошное очарование. Закончив ужин и попрощавшись, мы с Бобом поехали ко мне в отель.

По дороге Боб неожиданно предложил мне 500 долларов на карманные расходы. Но мне моя гордость не позволила их принять. Правда, я его спросил, что если я уеду в Израиль, сможет ли он одолжить мне 10000 долларов на покупку квартиры. Боб с радостью согласился. И он сделал это по первому моему звонку! Затем, когда мы приехали в Штаты, он не хотел их брать обратно. Нам с большим трудом удалось уговорить его взять эти деньги. Таков Боб! Но об этом и других деталях нашей жизни в Америке я буду писать позже.

Мы вернулись в Нью-Йорк 18 августа и остановились в прекрасной гостинице напротив Карнеги-Холла. Номер был на двоих, кажется, на 35 этаже. Мой сосед был молодой парень из Баку. У него только родилась дочка, и он вёз ей американскую коляску. Проснувшись поутру, я услышал телефонный звонок. Звонила Рэнина двоюродная сестра Ляля Миллер, которая уже жила в США. Голос её меня насторожил. Она спросила, есть ли у нас ТВ в номере. Я ответил, что есть. Она быстро проговорила: включи, в Москве переворот и танки на улицах. Так мы узнали о ГКЧП. Мы обалдели, увидев в ТВ такое! Я немедленно стал звонить Рэне. Но Москва была, видимо, заблокирована, и дозвониться не было никакой возможности. Что делать?! Вся наша группа, не сговариваясь, ссыпалась вниз и собралась в фойе отеля. Наш руководитель стал связываться с посольством. Мы же должны были в 12.45 лететь в Москву. А тут такое! Все боялись, что по прилёту будут арестованы или ещё чего там напридумывают. Горбачёв то ли болен, то ли низложен. Введено чрезвычайное положение. В стране полный бардак. Это был тот ещё денёчек! Завершающий день нашего пребывания в США! Где-то к 10 утра нам сказал руководитель, что самолёт полетит, что всё в порядке и что мы без паники должны грузиться и ехать в аэропорт. К вечеру 19-го августа мы, измотанные и взволнованные, приземлились в Москве. К последним дням нашего пребывания на московской земле я вернусь позже. А сейчас – Израиль.

Израиль (1991-1997 г.г.)

История нашего паломничества в Ерец Израиль началась давно. Мы думали об эмиграции в США, и документы были поданы. Наше прошение было в Американском компьютере. Но дело продвигалось медленно. В результате время было упущено, и въезд в США Конгресс Америки прикрыл. Мы опоздали с подачей на несколько месяцев. Нам не

повезло. Наша дочурка настойчиво искала другие возможные варианты эмиграции: Канада, Австралия и Израиль. В 1991 году она попадает на конференцию в Зальцбург и знакомится там с профессором из Тель-Авива господином Навоном. Он экзаменует её и предлагает ей приехать к нему на работу в том случае, если она оформит все необходимые документы в течение месяца-полутора. Татьяна оформляет все документы и летом 1991 года уезжает на работу в Израиль, оставив мужа с ребёнком в Москве. Татьяна не думала возвращаться и взяла с нас слово, что мы все последуем за ней. В декабре 1991 года я с Рэной и Сашенькой (Танин муж Боря остался в Москве с парализованной мамой) улетаем в Тель-Авив через Ригу и остаёмся там. Так мы очутилмсь в Израиле. Мы не просто уехали, мы бежали из страны, в которой евреям не было места.

Еврейские дачи палили, рисовали на воротах и заборах свастику, составлялись повсеместно списки евреев, готовились погромы, черносотенная организация «Память» расправила крылья и т.д. Обстановка была мерзопакостная, а тут ещё ГКЧП и полнейший бардак в стране. Были веские причины покинуть Родину. И мы сделали это! Скрепя сердце, мы, уже далеко перешагнувшие полувековой возраст, имевшие хорошую работу и положение, вынуждены были эмигрировать. Но из-за моей секретности мы решили ехать по гостевой визе, а не на ПМЖ. Так было легче уехать, не вызывая подозрений. Мы даже приглашение имели не от Татьяны, а от её друга Бориса Белкина. Продав всё, что было можно: квартиру, машину, 2 гаража и недостроенный сруб в садовом кооперативе Гипрокаучука, мы улетели в Израиль. Мы не знали ни единого слова на иврите, мы плохо знали английский язык, но желание быть рядом с единственной дочерью всё пересилило. Мы знали, что исход евреев из СССР был колоссальным в это время. За 2-3 года в Израиль приехало около 700 000 человек. В этих условиях найти работу людям в 56-57 лет было архисложно, да ещё без знания иврита. Но мы всё-таки уехали и ни разу не пожалели о содеянном!

Но прежде я хотел бы вернуться немного назад и описать последние месяцы нашего пребывания в Москве. За период с августа 1991 г. до декабря этого же года, когда мы улетели в Израиль, произошло очень много событий:

- автомобильная авария у Рижского вокзала,
- продажа и отправка книг в Израиль,
- продажа гаражей, садового домика и квартиры,

- хлопоты по получению денежной компенсации от виновника автоаварии,

- продажа повреждённого автомобиля,

- отправка вещевого груза в Израиль,

- подготовка и упаковка 14 чемоданов для транспортировки в Израиль,

- приобретение билетов до Риги (ж.д.) и авиабилетов Рига – Тель-Авив,

- получение паспортов в ОВИРЕ,

- обмен денег!

Обстановка на работе у меня оставляла желать лучшего. В институте поползли слухи о моём отъезде. Тучи сгущались. А я не мог говорить правду и лгал прямо в глаза, уверяя каждого, кто об этом меня спрашивал, что это наглая ложь. Всё рушилось, трещало по швам. Танин муж Борис проводил нас до Риги и помог добраться до аэропорта. В аэропорту начались трудности. Первая – проверка багажа, включая ручную кладь. А там было много запрещёнки! Всё это происходило с Сашенькой на руках, ему было 1,5 годика. Но не увезти старинные серебряные ножи, ложки и вилки с эмблемой Фаберже (фамильные наследственные реликвии) мы не могли. Зная о запрете, мы всё-таки рискнули. Я ещё прихватил 3 бутылки (по 0,5литра) спирта, которые также стали запрещёнными, к моему удивлению. Их арестовали, и даже был составлен протокол изъятия. Это несколько отвлекло внимание таможенников. Видимо, они предвкушали, как они выпьют нахаляву! А Рэна в это время запудривала мозги какой-то женщине-таможеннице и вытаскивала из сумки одна за другой металлические кружки, ложки, вилки для кормления Сашулика. Наконец, это всё контролёрше надоело, и она Рэну отпустила с миром. А ведь внутри сумки, на её дне лежала запрещёнка! Нам просто повезло. Ну, конечно, ещё актёрское мастерство Рэны. А мне протокол изъятия спирта был до лампочки, так как я не собирался возвращаться в Москву.

Затем началась чехарда с отлётом. Оказалось, что несколько стариков вывозят за деньги СОХНУТа. А так как рейс был коммерческим, то владельцы отказывались отправлять рейс с этими стариками, пока не получат деньги или какие-то заверения от СОХНУТа. Несколько часов тянулась эта бодяга. Нам казалось, что мы в этот день не улетим. Но еврейская солидарность победила. Все ожидающие рейса яростно протестовали. Приехало какое-то начальство, и в конце концов мы,

включая этих многострадальных стариков, улетели. Это произошло 18 декабря 1991 года.

Через 5 часов мы приземлились в Тель-Авиве с Сашенькой на руках и четырнадцатью чемоданами. Таня нас встречала, и мы двинулись на снятую ею квартиру в Рамат-Авиве. В ней была 1 спальня и салон, кухня, туалет и балкон. Была она на третьем этаже блочного дома с приподнятым первым этажом. Пролёты были высокие, так что наша квартира практически оказалась на 5-м этаже. Дом был без лифта. Во дворе располагались баллоны с пропаном, который использовался для готовки и для нагрева воды в бойлере. В бойлере был резервный электроподогреватель. Район, самый лучший в городе, но и самый дорогой. В этом районе находится университет, много магазинов, офисов, клиник и т.д. В этом районе селились богатые, обеспеченные люди. Здесь строились дорогие, современные, благоустроенные здания. В этом же районе было много зелени, парков и садов. Зима 1991-1992 г.г. была редкостная. Как говорили старожилы, они не видели такой морозной зимы лет 50! В квартире был собачий холод. Мы спали в спортивных костюмах и всё равно мёрзли. Отопление в квартире отсутствовало. На беду, сломался бойлер, и мы ходили грязные. Помыться не было никакой возможности. Вся еда покупалась на рынке Шук-Кармель, а затем тащилась на автобусе и на верхотуру в квартиру на своих двоих. Но мы потихоньку вживались в новую жизнь. Нам уже не казались странными указатели на улицах, и глаза привыкали к неказистой архитектуре старых застроек. Нам предстояло войти в жизнь другой, маленькой, но гордой страны, ведущей постоянную войну с враждебным мусульманским окружением. Страна со своей, незнакомой нам ментальностью, другим языком и культурой. Это оказалось ой как не просто! Порой нами овладевало отчаянье. Неказистые дома, почти без отопления, также не внушали оптимизма. Но мы приехали, чтобы начать новую жизнь, и наш неиссякаемый оптимизм способствовал нашей абсорбции. Первое деяние – это получение израильского гражданства. В моём свидетельстве о рождении не была указана национальность. В московской синагоге мне посоветовали сделать копию паспорта, где национальность была указана. Я так и поступил. И вот при прохождении собеседования в Министерстве абсорбции меня направили к какому-то ребе для беседы. Он посмотрел на меня, затем заглянул в мои метрики и сказал, что от Гонды Иделевны и Якова Самойловича мог родиться только еврейский мальчик. Так разрешилось первое, но не последнее недоразумение на Израильской земле!

Мы получили Израильское гражданство и соответствующую корзину абсорбции - деньги на жизнь и съём квартиры. Но нам нужен был иврит и работа. С ивритом нам помог ульпан, где вновь прибывающие на ПМЖ изучали бесплатно в течение полугода иврит.

Ульпан

Мы не знали на иврите ни слова! А нам предстояло жить и работать в этой стране, где большинство людей говорит на иврите. Первостепенной нашей заботой было изучение иврита. Правительство для целей приобщения огромной массы репатриантов к активной жизни организовало сеть ульпанов, где олим хадашим изучали бесплатно в течение 6 месяцев иврит. Распределяли по ульпанам в зависимости от мест проживания. Наш ульпан располагался недалеко от нашего дома. Преподавание велось на высоком уровне.

Мы попали в интернациональный ульпан, где были представлены люди со всех стран света: из США, Бразилии, Уругвая, Франции и СССР. Это был разношерстный коллектив, владеющий европейскими языками, а некоторые знали прилично идиш. Запомнилась пара из Канады, юристы, имеющие свою юридическую контору в Канаде. Они эмигрировали в Израиль к дочери, которая также занималась юриспруденцией, и родители рассчитывали на базе её конторы подработать. Они были с деньгами (не нам чета), снимали хорошее жильё и имели машину. Была пара из США – писатели. Их причину эмиграции в Израиль я не знаю, но думаю, что, видимо, для поиска новых сюжетов и ощущений, необходимых для творчества. Был один пожилой мужчина из Уругвая. Он там владел какими-то фабриками. Но, выйдя на пенсию, потянулся к еврейским корням. Он, в основном, занимался поиском спутницы жизни. Иврит ему не давался. Но зато он хорошо владел идиш и был хорошо обеспечен материально. Были девочки из Бразилии. Молодые, хорошенькие, ищущие свой путь в жизни. Был один парень из Парижа. Там он работал в банке. Его выперли с работы, как он говорил, из-за того, что он еврей. Он мечтал устроиться на работу в какой-нибудь тель-авивский банк, а пока ухаживал за девушкой из Бразилии. Они впоследующем поженились, и у них родилась дочка. Мы с ними тепло общались и даже бывали у них дома. Был один парень из Москвы – Борис Турецкий, электрохимик, кандидат наук. Приехал с мамой. Сейчас живёт в Торонто. Работает программистом. Преуспевает. Была

пара (мать и сын) из Молдавии. Симпатичные люди, хорошо и быстро постигшие иврит и израильский быт. Он, как мне помнится, мечтал торговать компьютерами и, вроде, в этом деле преуспел. Были ещё какие-то люди, но я их не запомнил. Был выпускной бал, и мы поплыли самостоятельно, ища свой путь.

Занимаясь в ульпане, мы одновременно искали работу. Но, увы, её не было. Поток репатриантов был настолько велик, что профессорам не хватало метёлок для уборки улиц. Но нам всё-таки хотелось как-то помочь единственно работающей Танюшке, и мы были готовы пойти на любую работу, чтобы хоть немного поправить наши бюджетные дела. Сашеньку Танюша пристороила в детский садик от университета. Но он, бедненький, не понимая ни слова на иврите, всё время плакал и просился домой. Ему было всего 1,5 годика. Он адаптировался медленно. Время его пребывания в садике мы увеличивали постепенно на 10-15 минут каждый день. Но затем всё пошло гораздо быстрее. Он попривык и уже калякал на иврите с ребятами. В последующем мы с трудом его забирали из садика домой – он не хотел уходить, пытаясь всё время с кем-то из ребят ещё о чём-то погутарить. Через соцработника нашего района я получил работу по уборке школы. Это была та ещё работа! Нас было 4 человека, все репатрианты из России. Мы мыли огромную школу 3 раза в неделю, за 300 шейкелей в месяц, что составляло 100 ам. долларов. Школа многоэтажная, постороенная по канадскому проекту. Руководил нами молодой араб, который часто уезжал в Эйлат, оставляя нас одних. Всё было бы ничего, пока в наш коллектив не влилась Рэнина подруга Элла. Чистюля из Риги. Она органически не могла халтурно мыть полы. Она работала на совесть, очень добросовестно. Араб-руководитель стал нас всех заставлять работать, как Элла. Он всё время ставил её нам, как пример для подражания. Нам работать стало тяжелее, да и ульпан отнимал массу времени.

Изучение иврита продвигалось медленно. Жизнь в целом как-то налаживалась, хотя всё было непривычно и сложно. Особенно нас заботила проблема поиска квалифицированной работы. Ни я, ни Рэна не имели никаких предложений, несмотря на поток отправляемых нами куррикулум-вите во множество израильских фирм. Ситуация с работой в Израиле в это время была просто катастрофической. Поиски работы не давали результата. А пока мы питались за счёт рынка, где продукты были намного дешевле, чем в магазинах. Рэна нашла подработку, ухаживая за парализованной женщиной. Танюша, основа нашего материального благополучия, работала тяжело и помногу.

У Рэны было несколько друзей, с которыми она работала вместе в Москве и которые ранее эмигрировали в Израиль. Кроме того, у Рэны обнаружились и родственники: тётя Оля, жившая в Нетании и тётя Этя с дядей Мишей, живущие в Рамат-Авиве. В Тель-Авиве жила также Рэнина казанская подруга Элла Сидорова, о которой я упоминал выше. Мы постепенно обживались, обрастали знакомыми, появлялись какие-то новые лица, завязывались связи и т.д. В основном, обретание знакомых происходило в ульпане. Постигая иврит, мы успевали ещё подрабатывать и жили надеждой на лучшее. Почему-то верили, что нам, специалистам высокой квалификации, найдётся должное применение на обетованной, прекрасной земле! Пришла весна, первая наша весна в Израиле, которая изменила в корне нашу жизнь. Всё зацвело, заблагоухало. Все прилегающие к нашему дому сады и парки оделись в новые, яркие наряды. Всё блистало и сверкало. Было чисто и нарядно.

Рэнины родственники

Тётя Оля и её дети Итамар и Рути. Мы застали тётю Олю в солидном возрасте. Она проживала в курортном городе Нетания с помогавшей ей компаньонкой. Она была женой родного брата Рэниной мамы. Выходило, что Итамар и Рути были двоюродными братом и сестрой Рэны. Итамар был преуспевающим ветеринарным врачом, а Рути долгие годы жила в Париже. Была замужем за болгарским мужчиной и имела сына и дочь. Если с Итамаром мы не имели никаких контактов, то с Олей и Рутей их было достаточно много. Оля неплохо говорила по-русски и была само очарование. Рути была очень эмоциональна и тепла. Мы с ней часто встречались и бывали друг у друга в гостях. При странных обстоятельствах, таинственных каких-то, у ней пропал её сын в Израиле, и Рути сейчас живёт в Париже у дочери. Оля – мужественный человек, приезжала к нам на автобусе из Нетании после перелома ноги и длительной и сложной реабилитации. Ей уже было за 90 лет, когда она ушла из жизни. Мир праху её!

Тётя Этя и дядя Миша

Эти люди сыграли большую роль в становлении нашей жизни в Израиле. Это были прекрасные люди, польские евреи, давно

приехавшие в Израиль. Миша в своё время работал в таможенной службе аэропортов в Польше, а затем Израиле. Он был зам. начальника таможенной службы аэропорта Бен-Гурион. Он сам говорил, что если бы он брал взятки, то он бы стал очень богатым человеком. Но он был абсолютно, кристально честным человеком. И даже сама мысль об этом ему претила. Он очень многого натерпелся. В годы войны он воевал в составе польской армии Крайёвой. Был в плену. Бежал. Затем его арестовывали то как польского шпиона, то как шпиона российского. Они жили очень дружно, недалеко от нас в пятиэтажном доме, который, как он нам говорил, даже не имел фундамента и стоял на плите из-за сейсмики этого района. Рядом тоже жили приехавшие из Польши. У них была своя дружная комьюнити. Миша был очень добрый и отзывчивый человек. А о тёте Эте вообще говорить не приходится. Она была просто прелесть и вся лучилась добром и доброжелательностью. У них было двое детей и внуки. Мы их встретили, когда им было уже за 70 лет. Они недавно ушли из жизни друг за другом. Мы потеряли замечательных друзей, с которыми мы до их последних дней поддерживали телефонную связь. Миша был очень рукастым мужиком и много и в охотку помогал нам в обустройстве купленной нами в Неве-Шарете квартиры. Все еврейские праздники мы обычно бывали у них в гостях. Однажды они пригласили нас на свадьбу их внука в кибуц-миллионер. Это была грандиозная свадьба! По-моему, там было более 500 человек. Со всеми обрядами, хупой и т.д. А затем жених вместе с друзьями играл джазовую танцевальную музыку, танцевали и веселились. Это был чудный вечер!

Нагирнеры. Борис, Ида, Мила, Света и Юра

Старинные наши казанские друзья. Они эмигрировали в Израиль раньше нас и поселились в Реховоте, научном центре Израиля. В Израиле мы нашли друг друга после длительной разлуки. Мы тесно поддерживали наши контакты, дружеские отношения. С Борисом мы были знакомы по работе на Казанском СК с конца 50-десятых годов. Когда он уволился и перешёл на работу на Казанский завод Оргсинтеза, наши отношения заглохли. В Израиле наши отношения возобновились, хотя мы перешли далеко 50-летний возраст. Наша общность Судьбы толкала друг к другу, и мы с удовольствием общались, ибо расстояние от Тель-Авива до Реховота невелико. У нас дочери примерно одного

возраста, хотя и разной судьбы. После нашего переезда в Москву в 1963 году мы отдалились и подрастеряли связи не только с Нагирнерами, но и со многими другими казанскими друзьями.

В Израиле часто происходили невероятные встречи. Одной из них была встреча с Нагирнерами. Мы начали общаться вновь. Общие интересы, общие казанские знакомые, воспоминания юных дней придавали нашим встречам особый аромат. Борис, работая в камерном оркестре Тель-Авива, часто помогал мне бывать бесплатно на их концертах. Оркестр был замечательный, состоящий почти полностью из новых репатриантов. С оркестром часто выступали заезжие звёзды. У Нагирнеров бывали тёплые, весёлые застолья, на которых мы непременно присутствовали. Их дочь и зять работали в израильских компаниях и поддерживали родителей. Они жили недалеко от института Вейцмана на тихой улочке Мельцар. Я запомнил название улицы, так как это была фамилия моего институтского шахматного визави Жени Мельцера, нашего главного конструктора института. С Борисом нас сближала любовь к музыке и поэзии. Он так же, как и я, немного писал стишата. Он даже издал книжечку стихов. Я же почему-то в Израиле стихов не писал. Этому я не могу найти объяснения. Лишь в Штатах я расписался и даже издал 3 книжки стихов. Стихи я продолжаю писать и поныне, немного уходя в песенный жанр.

Но я отклонился и возвращаюсь к израильскому периоду нашей жизни. Хочу сказать, что он был интересен новизной обстановки и ощущений от незнакомой, хрупкой и чудесной страны! А говоря о Нагирнерах, можно сказать, что они нам напоминали нашу юность, наше счастливое и радостное время жизни, Казань, его сады и парки, Волгу, друзей, институт, школу, завод. Мы вместе ностальгировали по нашей весёлой компании. Свою привязанность к Борису и Иде мы перенесли на их дочь и внучку.

Элла Сидорова

Рэнина казанская подруга по КГУ. Она после университета вышла замуж и переехала в Ригу. Наши контакты из-за этого и нашего переезда в Москву несколько притормозились. Они возобновились в Израиле, куда Элла эмигрировала с дочкой, разведясь с мужем. Её судьбе, её доле не позавидуешь. Элла всю жизнь несёт безропотно свой крест: нездоровая дочь – шизофрения. Одной из причин её эмиграции была надежда на

то, что в Израиле ей смогут помочь излечить дочкин недуг. Но, увы, израильская медицина не смогла с этим справиться. Так они и живут. Болезнь дочери оказалась неизлечимой! Мы очень жалели Эллу и всячески пытались ей помочь и поддержать её. У неё был светлый период, когда она сошлась с одним человеком, у которого она сперва убирала квартиру и помогала по хозяйству. Это был высокообразованный человек, прекрасно знающий иврит. Он очень чутко и трепетно относился к Элле, и, в конце концов, они зажили в гражданском браке. Я не помню, оформили ли они свои отношения или нет. Но не в этом суть. Элла с Давидом вся преобразилась, несмотря на то, что он был намного старше её. Но счастье было недолгим. Давид ушёл из жизни, и Элла вновь оказалась одна с нездоровой дочерью, которой было уже много лет, и оставаться с ней в одной квартире было просто опасно. Так вот Элла и живёт. Прекрасный, умный, скромный, добрый, отзывчивый человек, Элла продолжает нести свой крест. О её чистоплюйстве я писал выше, и добавить нечего. Это врождённое качество ещё более дополняет характеристику этой женщины. Её трудолюбие, её заботливость, её нежность и скромность делают ей честь. При любых обстоятельствах она хранила сдержанность и достоинство.

Встреча с Гидеоном Сартена

После садика я обычно брал Сашульку и шёл с ним гулять в соседний сад. Благо до него было подать рукой. Сашулька там резвился, играл в песочнице, качался на качелях, бегал с мячиком и т.д. В это же время в этом садике появлялся мужчина с маленькой девочкой. Он был в районе, как мне казалось, 70 лет. Интеллигентной внешности, интересный мужчина с умными глазами. От него шли какие-то флюиды добра и расположенности. Мы начали раскланиваться. И как-то раз он спросил меня: «А кто ты есть?» Он попросил меня рассказать о себе, о моей трудовой карьере. Мне в общем-то было о чём рассказать, и я ему поведал о себе и своём пути. После чего он попросил дать ему мой куррикулум-вите. Он обещал его размножить и разослать на фирмы. Я ему возразил и сказал, что я уже сделал рассылку куррикулум-вите по многим фирмам, но, к сожалению, ответов и предложений не получил. На это мне новый мой знакомый (как потом выяснилось, под именем Гидеон) сказал, что если он разошлёт, то это будет выглядеть совсем по-другому. Я не очень поверил в чудо. Но он оказался прав! Уже буквально

через считаные дни у меня дома стали раздаваться телефонные звонки. И обычно спрашивали, кстати всегда на русском языке, а Леонид уже работает? Вскоре я был приглашен на интервью в одну инженерную компанию, в районе Хайфы. С Гидеоном впоследствии меня судьба сведёт не раз. Он оказался моим добрым израильским ангелом, который сыграл очень существенную роль в моей жизни на Обетованной земле. Я впоследствии работал в компании, возглавляемой им. Он был очень крупный, блестящий инженер, имеющий очень хорошую репутацию в кругах израильской инженерной элиты. Имя Гидеона Сартана открывало многие двери и стоило дорого. Возглавляемая им агентская посредническая компания вела огромную работу по поиску самого новейшего, эффективного оборудования на рынках самых развитых стран для внедрения на предприятиях Израиля. Сартена, знающий 9 иностранных языков, свободно общался с представителями таких стран, как США, Англия, Канада, Франция, Германия, Италия и т.д. 27 сотрудников его компании, каждый отвечающий за свой сектор работы, имел обязательства в целях самоокупаемости фирмы принести в компанию договоров на 1 млн. ам. долларов. Но об этом позже, я забежал несколько вперёд. А сейчас вернёмся к эпопее поиска работы.

Моё первое интервью

По дороге на фирму, где я проходил первое интервью на израильской земле, со мной приключилась интересная история. От центральной хайфской автобусной станции (таханат-мерказит) мне нужно было пересесть на местный автобус и ехать куда-то на север, где располагалась эта компания. Я сел ближе к водителю и на ломаном иврите попросил его сказать мне, когда я должен выходить. И вдруг неожиданно женщина, сидевшая впереди меня, обернулась и спросила меня по-русски: «А вы, случайно, не Леонид Кнубовец?» Я был просто ошарашен. Оказывается, она работает в этой компании и слышала разговор босса, который говорил, что завтра я должен прибыть к ним на интервью. С кем говорил босс, она не знала. Но я предположил, что это был Гидеон Сартана. Эта женщина тоже ехала на фирму, и мы, миленько болтая, доехали до фирмы. А затем она сказала, что она мне приготовила сюрприз. Я поговорил с её боссом. Я понял, что я им не подхожу и зашёл к ней в её отдел, как и обещал. Она набрала чей-то номер телефона и передала мне трубку. На другом конце провода

оказался Леонид Демнер, стоматолог, профессор из Казани, хорошо знакомый мне, работавший с моим отцом в Казанском мединституте в 70-80-е годы. Это был действительно сюрприз! После этого разговора мы долго поддерживали контакты и отдалились только после нашего отъезда из Израиля. А женщина, которая нас свела, оказалась его подругой, а впоследствии – его женой.

Продолжение поиска работы

Мои поиски работы продолжались долго, пока я не был приглашен на интервью в инженерную компанию БАРАН. Меня интервьюировали все, кому не лень, от простого инженера технологического отдела до вице-президента компании, всего 5 человек. Затем все были приглашены к президенту компании, где мне объявили вердикт: я должен изучить местные стандарты, для чего они решили меня направить на курсы 1000 инженеров. Так называлась правительственная программа, направленная на интеграцию эмигрантов-инженеров из СССР. Одна интересная деталь моего интервью. Каждый интервьюер просил меня говорить только на иврите, но, так как я иврит знал слабо, я начинал говорить на иврите, а дальше плавно переходил на английский. Никто мне не сделал ни одного замечания. Другая деталь заключалась в том, что эти курсы уже функционировали полгода, и я должен был влиться в эту группу инженеров на полпути. Но другого варианта не было, и я согласился с их предложением. На курсах мне было очень тяжело: иврита я не знал, а все занятия проходили на иврите. Занимались мы в Хайфе, а семья жила в Тель-Авиве. Приходилось каждый день ездить на поезде или автобусе. Платили на курсах 1000 шейкелей в месяц, что составляло около 330 ам. долларов. Это уже было что-то, но главное высвечивалась перспектива получения квалифицированной работы по специальности! Хотя, к превеликому моему сожалению, такой необходимый предмет, как компьютер, был пройден в первой половине курса. Занятия происходили, как я раньше упоминал, на иврите, и мне, не знающему достаточно этот язык, приходилось записывать лекции на диктофон и дома их переводить. Занятия были несложными (если бы не иврит): технология, процессы и аппараты, чтение чертежей, автоматика. Всё в объёме студенческого курса 50-60-х годов. Мне было легко и смешно всё это слушать. На одной парте я оказался с молодым парнем, уже три года живишим в Израиле. Он неплохо знал иврит, но был

слаб в английском. Я с ним обменивался знаниями и как-то выплывал. И вдруг разразился гром. Нам объявили, что скоро будет контрольная на иврите по технологии. И если я предмет знал хорошо, то иврит!! О боже! Что же делать? Но тут вмешался его величество случай!

Людан

На работу в фирму Людан я попал следующим образом: устройство теплообменников на курсах нам излагал молодой парень с фирмы Людан. Он приглядывался ко мне. Я был самый возрастной в группе и, как-то раз он, подойдя ко мне, попросил дать ему мой куррикулум-вите, чтобы показать его боссу. На следующий день он сказал мне, что босс заинтересовался моей персоной и просил привезти меня на фирму. Мы приехали на фирму и г-н Моргенштерн (румынский еврей), главный инженер компании, поговорив со мной, предложил мне выйти на работу. Так я обрёл свою первую работу в Израиле. Платили мне те же 1000 шейкелей в месяц (за счёт правительственной программы 1000 инженеров). Так что я бюджет фирмы никоим образом не отяготил. Больше на курсах я не появлялся и стал трудиться инженером в технологическом отделе компании. Но что это была за работа! Азохенвей! Мелочь, какой я не встречал на своём пути. Ко мне приглядывались, меня изучали, меня проверяли, давая мелкие работы, такие, как, например, расстановка датчиков (нюхателей) на складе пропана. Меня пытал их технолог (англичанин) по поводу систем пожаротушения для триэтилалюминия, применяющегося в процессе синтеза полипропилена по технологии Монсанто. Затем мне поручили вести авторский надзор на строительстве установки полипропилена. Мне поручили произвести экспертизу рабочих чертежей склада пропана. Я накатал массу замечаний. Их рассматривали, и большинство было принято. Мне давали на перевод статьи с английского на русский и обратно. С одним эмигрантом (нефтяник из Уфы) мы подготовилии предложение по развитию нефтехимической промышленности Израиля. Предложением заинтересовался наш босс и пригласил нас на говорильню-обсуждение. Но, как обычно, дальше этого дело не пошло и благополучно умерло.

Меня постепенно стали продвигать по службе, и в итоге я был переведён из общей комнаты технологов в отдельный кабинет, где работали ГИПы. Всё это происходило в преддверии моей первой

заграничной командировки 1993 года. В том году руководство фирмы предложило мне командировку в Казахстан для оценки возможности реконструкции установки полистирола с наращением мощности по технологии французской фирмы Литвин. Командировку возглавлял Иона Телмор, главный специалист фирмы, польский еврей, владеющий английским, русским и ивритом. Это был настоящий зубр, работавший ранее вице-президентом компании. Он меня отобрал из наших спецов, влившихся в фирму. Завод располагался в городе Актау на казахстанской стороне Каспия. Установка была запроектирована и поставлена французской компанией Литвин (Париж). Нами был подготовлен тематический план изучения всех обстоятельств этого наращения, утверждён Главным, и мы вылетели в Париж. Но перед этим об меня руководство хотело вытереть ноги. Иона как-то раз приходит в кабинет и говорит мне, что я в Париж не лечу, а присоединюсь к нему в Москве. Меня это очень задело, я почувствовал себя оскорблённым и в ответ на его заявление ответил, что в таком случае я никуда не полечу! Я понимал, что в обстановке страшного дефицита с работой моё заявление было сопряжено с потерей работы. Но я не смог снести такого оскорбления. Тем более, что я ранее бывал на фирме Литвин и знал там некоторых специалистов. Иона посмотрел на меня несколько удивлённо и пошёл к боссу обсудить ситуацию. Через короткое время он вернулся и сказал мне, что я в Париж полечу вместе с ним. Это была моя первая психологическая победа! Я ликовал! Я радовался, что я не согласился с их диктатом!

Командировка была в марте 1993 года. Париж, как всегда в это время, уже дышал весной. Несмотря на потерянный мой багаж, который я получил лишь в день отлёта, настроение у меня было приподнятое, а сама встреча с Парижем, как всегда у всех его гостей, вызывала только положительные эмоции. Разместились мы в дешёвом отеле на выселках. Дорога на фирму занимала много времени (примерно 1-1,5 часа). Наша скупердяйная фирма не разрешала нам проживать в центральных районах города, где стоимость номеров была от 100 ам. долларов и выше, а мы жили за 40 долларов в сутки. Несколько дней пребывания в Париже не были отмечены чем-то исключительным и запоминающимся. Разве только ланч в интересном кафе в центре Парижа, где мне понравилась их модель перпетуум-мобиле, и ужин в еврейской семье в доме у бывшего сотрудника Людана, перебравшегося в Париж. Это были дни еврейского праздника, и мы были вознаграждены чудесным ужином в спокойной, домашней обстановке. А далее начались

приключения. Иона получил указание от Главного вылететь в Прагу, в связи с чем он предложил мне полоботрясничать в Париже несколько дней или возвратиться в Тель-Авив, а уже оттуда вылететь в Москву и присоединиться к нему. Я выбрал второй вариант, так как, живя на выселках в Париже и имея ограничения в валюте и языке, я по сути Парижа не мог лицезреть. Таким образом, Иона улетел в Прагу, а я полетел домой и далее в Москву.

Я не был в Москве 2 года. Остановились мы в гостинице «Белград». Ко мне вечером пришёл Эммануэль, мой бывший помощник. Мы повспоминали, протрепались до полночи, распили бутылку водки и распрощались. Рано утром на следующий день я уже спешил в Домодедово, откуда мы вылетели в Актау. Там нас встретили, разместили в отеле и обхаживали, предоставив всё необходимое для работы. Мы обстоятельно всё изучили и на заключительном совещании у гендиректора г-на Белоусова изложили наши предложения. Цена вопроса была в районе 150 млн. ам. долларов. Вывод наш был отрицательным из-за отсутствия необходимого для увеличения мощности полистирола этилена. А новый этанопровод тянул ещё на те же 150 млн. ам. долларов, и никто не хотел его строить и инвестировать в него деньги. На совещании у гендиректора был забавный момент, когда вдруг гендиректор обратился ко мне с вопросом, давно ли я живу в Израиле? Оказалось, что он из Воронежа и знал обо мне от работников нашего воронежского филиала.

На обратном пути нас подстерегали неприятности. Мы не могли вылететь из Актау, так как все билеты были раскуплены на неделю вперёд. Никакие ходатайства и просьбы дирекции завода на работников аэропорта не действовали. Тогда я предложил Ионе лететь через Минводы, так как я знал, что там летают в Москву аэробусы и мы как иностранцы улетим без проблем. Так мы и сделали. Долетели до Минвод. Но там не оказалось гостиницы для интуристов, и нас отвезли в Пятигорск, где такая гостиница была. Мы должны были провести одну ночь там, а на следующий день вылететь в Москву. В Пятигорске я часто бывал. Но в этот раз я город не узнал. Какое-то уныние и запустение царило во всём. Выяснилось, что народ перестал ездить на курорт, так как и билеты, и лечение стали очень дороги. А профсоюзы перестали давать скидки на путёвки. Мы поутру взяли машину, и я повёз Иону показывать город. Но он всё время хотел только на рынок. Конфликт назрел неожиданно. Я хотел показать провал и место дуэли Лермонтова и его музей-квартиру. Но Иона был

неумолим и тянул меня только на рынок. Но всё же я шепнул водителю, чтобы он втихую проехал мимомо места дуэли. Он так и сделал, хотя Иона просил этого не делать. Боже! Что с Ионой творилось! Он ругался, он сердился, он надулся и перестал со мной разговаривать! Но после рынка, где он купил малахай, он несколько оттаял и стал более контактным. Мы улетели в Москву и опять остановились в гостинице «Белград». Я созвонился с Сазыкиным, бывшим начальником Главкаучука, и он, несмотря на субботний день, нас принял. Мы с ним встретились, по-дружески обнялись. Далее у нас была обстоятельная беседа о положении в каучуковой промышленности. Сазыкин поведал нам, что производство каучуков упало до 1 млн. тонн в год с производимых ранее 2 млн. тонн и предложил нам продать излишки СК на западном рынке. Цена вопроса была где-то в районе 1 миллиарда долларов в год! Предложение крупное, интересное. Но в этом бизнесе для нас, непрофессионалов в этом вопросе, было много скрытых проблем. И мы это понимали. Приехав в Израиль, мы составили отчёт по командировке, и я написал докладную записку боссу о предложении Сазыкина. К этому на фирме отнеслись с должным вниманием, и из головной компании из Иоганнесбурга прилетел для выяснения деталей и принятия решения вице-президент компании . Поговорили и, как часто бывало с нашим шефом, всё благополучно умерло. Остались лишь воспоминания об утраченных возможностях.

Немного о компании Людан. Она была человек на 100-120. Примерно 75% были эмигранты из России. Только нач. отделов были сабрами, то есть евреями, родившимися в Израиле. Отдел автоматики возглавлял некий Шайя. Он как-то проникся ко мне и даже принял мои предложения без изменений об установке дополнительных нюхателей на складе пропана. Отношение ко мне со стороны руководства компании было нормальным. Хотя я всё время шутил, что меня переселяют из одной комнаты в другую, ближе к выходу. Видимо, хотят от меня избавиться. Но реально дело обстояло совсем не так. Тут возникла тема очистки и перекачки попутного нефтегаза из района Томска в центр России. Проект тянул примерно на 100 млн. ам. долларов. Главный привлёк меня к этому проекту, и я занялся установкой обессеривания и осушки этого газа. Намечалась встреча с российскими проектировщиками. На этой встрече я должен был представлять израильскую компанию, а на синхронный перевод я привлёк Танюшку, которую после беседы с Ионой Телмором и наняли. Мы хорошо поработали, определили области сотрудничества и согласовали необходимые детали. Далее

дела должны были решаться в Москве. Руководство компании намечало группу специалистов для поездки в Москву и, как я понял, меня опять в дискриминационном порядке в группу не включали. Об этом я узнал от мужика, притащившего к нам этот проект. Как-то, выходя из кабинета, я столкнулся с этим человеком и сказал ему, что если они летят в Москву решать судьбу этого проекта, то я мог бы им помочь в положительном решении вопроса благодаря моим связям. Он попросил меня написать ему, с кем именно я мог бы подтолкнуть проект. Я написал ему несколько важных мужей, моих знакомых. Это была моя грубейшая ошибка. Это всё нужно было сделать через моего босса, а не за его спиной! На следующий день я был уволен. Видимо, этот молдаванин продал меня моему боссу. Так я потерял работу. Но, уже имея кое-какой опыт и знакомых, я через неделю получил работу на фирме Баран и с повышением зарплаты! У меня сложились неплохие отношения с сотрудниками из России и местными спецами на фирме Людан. В период работы на этой фирме были некоторые моменты, которые врезались в память и которые я хотел бы отметить:

- бармицва сына начальника технологического отдела в Нагарии,
- собрание специалистов по случаю ухода с фирмы Ионы Талмора.

Хочу отметить, что в рабочие дни я жил в комнате, которую снимал за 100 долларов у русских эмигрантов. На уикэнды я спешил к семье в Тель-Авив. Дорога занимала около двух часов. А утром в понедельник я мчался обратно в Кирьят-Моцкин (около Хайфы), где находилась наша компания. Кстати говоря, русская семья, у которой я снимал комнату, была вполне приличной, если бы не их дочь-стерва, всё время норовившая сделать мне какую-нибудь гадость. Так что я после работы, поужинав, бежал из дома в скверик и играл там в шахматы до полуночи, а затем прокрадывался домой и мышкой юркал в постель. Рано поутру я спешил на автобус, который подвозил работяг на работу. Жизнь была на клеточном уровне, но нужно было как-то выживать!

В Баране уже некоторые люди меня знали, я там проходил интервью перед тем, как попасть на курсы. Так что визит к ним на смотрины свёлся, в основном, к беседе с Эли, начальником технологического отдела. Я был сразу после беседы с ним приглашён на работу. Видимо, сыграла роль ещё протекция Михаила Шаргородского, с которым я был знаком по курсам 1000 инженеров и который работал уже год на этой фирме и имел определённый авторитет у начальства. Баран тоже находился

недалеко от Хайфы и вёл более солидные проекты, нежели Людан. К примеру, они занимались проектом реконструкции первички на Хайфском НПЗ, в работу над которой я был в дальнейшем вовлечён. Они меня с таким прицелом и брали на работу. Таким образом, я, в основном, работал в офисе на НПЗ, где трудились инженеры Барана, главным образом, эмигранты из России. Я лазил по установке и делал эскизы трубопроводов, сдавал их чертёжникам, а они уже на компьютерах делали деталировочные чертежи. Работа была очень тяжелая, под палящими лучами солнца. Более 20 минут я не выдерживал и бежал в машину под кондиционер (машину мне давали на фирме). Я приходил в себя и вновь взбирался на установку. И так до обеда. Затем был обед в заводской столовой по талонам, которые нам выдали на фирме. А далее всё продолжалось в таком же духе до конца рабочего дня. Затем автобус и домой. Так продолжалось полгода, а затем меня перебросили под начало Пирятинского, руководившего группой, занимающейся разработкой проекта реконструкции первички. Эта часть работы была недолгой. Вдруг меня пригласил на разговор Гидеон Сартена, который меня протежировал в Израиле. Оказалось, что он следил за моей карьерой в Израиле и в итоге, видимо имея положительные отзывы о моей работе, предложил мне работу в его компании в Тель-Авиве. Это предложение решало много проблем: во-первых, Тель-Авив, во-вторых, инженерная, чисто офисная работа, в-третьих, зарплата 3000 шекелей в месяц и ряд бенефитов. Всё это подвигло меня дать согласие. Так в 1994 году началась моя работа на г-на Сартена. Он возглавлял интернациональную торгово-посредническую инженерную компанию. Она была расположена в центре Тель-Авива. В ней работало 27 человек, инженеров различных специальностей. Меня определили в отдел оборудования, где работал один человек, Дорон Сартена, сын президента. Вообще эта компания была, как семейный бизнес. Главный экономист фирмы был родной брат жены президента Юлиан. Русских на фирме не было. Задачей фирмы было внедрение на израильском рынке самого современного и эффективного оборудования. В сфере деятельности фирмы, существующей несколько десятков лет и имеющей прекрасный рейтинг среди других аналогичных израильских компаний, были предприятия многих отраслей индустрии, включая производство удобрений, полупроводников, косметики, пищевой промышленности, химической промышленности, оборонной промышленности и т.д.

Во время работы на этой фирме мне удалось наладить поставки поливинилхлорида (ПВС), производимого в Израиле в кибуце, на

Нижнекамский нефтехимкомбинат для производства обуви. Было две командировки в Нижнекамск (1995 и 1996 г.г.). Одна с Дороном, а другая с Гидеоном и его русскоговорящей женой Женей. Нижнекамск меня ещё помнил по прежней работе и встречал очень доброжелательно. Мы решали технические вопросы, намечали возможности взаимовыгодных путей развития сотрудничества. Гидеон предложил свою фирму, как базовую для реализации на западном рынке продукции, выпускающейся НХК, обувь и линолеум. Мы с Дороном побывали в Воронеже и обсудили возможности каучукового бизнеса. Я одновременно изучал рынки сбыта каучука в ЮАР, Египте и Израиле. К сожалению, это направление не имело продолжения из-за высокой стоимости транспортировки полимеров из России. Стоимость СК с учётом затрат на транспорт была неконкурентноспособной с СК из США и натуральным каучуком. Продажа обуви на западном рынке также не состоялась из-за её высокой стоимости и её неконкуретноспособности с аналогичной продукцией из Китая. В итоге, мы не смогли расширить наши контакты с Нижнекамском, и эти упомянутые направления в бизнесе сами по себе испарились, не начавшись. В целом моя работа на Гидеона им расценивалась удовлетворительно, и он был очень огорчён моим отъездом в США. Он со своей женой Женей устроили нам с Рэной замечательный прощальный вечер, пригласив нас в изумительный греческий ресторан. Были речи, были тосты, была прелестная еда и была грусть... расставания.

Рэна, карьера в Израиле

Нам было трудно вживаться в новую страну, в новую жизнь. Но особенно это ощущала Рэна. Ведь на её хрупкие плечи свалилось так много забот: готовка, обустройство квартиры, Сашуля, Таня, я, ульпан, добывание продуктов и многое другое. Но самое главное, конечно, поиск достойной работы, что на первых порах нам казалось совершенно нереальным. Масла в огонь подливали её бывшие коллеги из Москвы Веня Прейгерзон и Юра Гуревич, ранее эмигрировавшие в Израиль. Они нас искренне жалели и в один голос говорили, что работы абсолютно нет никакой. Они добавляли, что и перспективы тоже нерадужные. Это, конечно, не добавляло нам оптимизма, но мы, несколько наивные и одновремённо целеустремлённые люди, верили в свою звезду-Судьбу и статус высокой образованности,

квалификации и опыта. Что-то должно было произойти. Конечно, мы не знали иврита, но Рэна его достаточно быстро постигла, учась в ульпане. Английский язык, особенно технический, она знала прилично и, несмотря ни на что, надеялась получить работу. В это время страна обустраивалась и прогрессировала. Экономика находилась на подъёме. Высокоинтеллектуальная алия из России здорово подпитывала науку и промышленность страны высококвалифицированными кадрами. Но, конечно, стране было сложно решить проблему трудоустройства огромного количества вновь прибывших специалистов. Но, как говорится, не бывает правил без исключений. В ход течения событий вмешался, как всегда, случай. Вот об этом хочется рассказать подробнее.

Поиск и получение Рэной работы

Если в моём случае палочкой-выручалочкой оказался Гидеон Сартана, то в Рэниной истории эту роль сыграла информация, почерпнутая из газеты. В ней говорилось, что вскоре в Израиле состоится международная научная конференция по теме: физика, химия и минералогия минерального сырья. Поскольку эта тема была в русле Рэниных исследований, то она решила послать заявку-постер оргкомитету этой конференции. Её доклад назывался «Структура, свойства и технология переработки фосфатного сырья». Через некоторое время пришёл ответ, что оргкомитет хочет включить её доклад на пленарное заседание и просили дать согласие на это. Её тема была интересна для израильтян, так как Израиль обладает большими залежами фосфорита в Негеве, единственного минерального богатства страны. Вот так всё и закрутилось, завертелось. Доклад нужно было представить на английском языке. Продолжительность доклада 45 минут. Существенной трудностью было произношение доклада на английском языке. Сама тема никаких трудностей не представляла, так как Рэнин многолетний опыт работы, её диссертации и публикации (более 140) позволяли ей быть спокойной за суть сообщения. А если ещё прибавить её врождённый артистизм, умение задеть, заинтересовать слушателей, её логичность и ясность изложение материала, то априори можно было ожидать успеха. Что и случилось. Правда, нужно оговориться, что Танюшка, отлично зная английский, наговорила на пленку всё сообщение, и Рэна, прослушивая

неоднократно его, старалась точно соблюсти все интонационные детали. Была ещё одна трудность, которая могла свести насмарку весь доклад. Имеется в виду ответы на вопросы! Рэна остерегалась, что она не сможет понять суть вопросов на иврите и упросила Веню Прейгерзона сесть поближе к докладчику и, если возникнут какие-либо трудности в понимании вопроса, чтобы он помог Рэне. Но как всегда бывает, именно во время её доклада кто-то Веню вызвал, и он исчез надолго в кулуарах здания. Так что Рэне пришлось напрячься и отвечать на вопросы. А их было около 10. Всё прошло замечательно. В конце заседания, выступая в прениях, один профессор из Хайфы произнёс: «Вот, господа, с кого вам надо брать пример. Докладчик только что приехал в Израиль из России, а на каком отличном английском языке сделал очень интересное сообщение!» После доклада к Рэне подошёл вице-президент компании из Бер-Шевы г-н Рабинович и предложил ей поступить к ним на работу. Для начала Рабинович предложил Рэне работать в университете в Бер-Шеве. Она сразу отказалась, так как не могла бросить Таню, работавшую в Тель-Авивском университете с утра до ночи, одну с Сашенькой.

Потом была попытка устройства в специализированный исследовательский институт в Хайфе, занимающийся фосфатами. Рэна при ознакомлении с институтом была потрясена наличием прекрасного оборудования и крайне низкого уровня и работ и работников. Так началось знакомство Рэны с израильской наукой и промышленностью. В конце концов, г-н Рабинович договорился с Университетом в Тель-Авиве, выделил им финансирование, и была определена тематика, которой должна была заниматься Рэна. Так началась Рэнина трудовая жизнь в Израиле. За этот период с 1992 по 1997 г.г. произойдёт ещё много событий, которые достойны описания, но мне хотелось бы выделить некоторые из них:

- покупка квартиры,
- приезд Таниного мужа,
- приезд брата с семьёй,
- визит эстонской правительственной делегации с М.А. Вейдермой,
- наш переезд в Америку,
- переезд Тани и Саши в Канаду.

Из перечисленного я хотел бы особо выделить визит эстонской правительственной делегации в Израиль и покупку квартиры.

Визит эстонской правительственной делегации

Этот визит состоялся где-то в середине 90-х годов. Мы бы, наверное, и не обратили на него внимание, если бы не одно обстоятельство. Эту делегацию возглавлял М.А. Вейдерма, с которым Рэна сотрудничала долгие годы. По его просьбе Рэна была включена в состав группы израильтян, которые должны были встречаться с эстонцами. М.А. Вейдерма в это время был Вице-Президентом Эстонской АН и начальником канцелярии Президента Республики. События разворачивались, как в настоящем детективе. Неожиданно Рэну пригласили к Ш. Пересу на встречу с эстонской делегацией. Она терялась в догадках. Рэна не знала, что там будет официальная встреча делегаций двух стран. Только там, увидев Вейдерму, она поняла всю интригу этого события. Перес был несколько обескуражен, наблюдая общение Рэны с М.А. Вейдермой, главой эстонской делегации. А им было о чём поговорить. Ведь у двух стран был профессиональный интерес, так как они обладали большими запасами сходного сырья для производства удобрений. Эта встреча и стала отправной точкой научно-технического сотрудничества стран. В этой истории был один курьёз, когда Перес узнал, что Рэна не в составе эстонской делегации, а что она живёт и работает в Израиле. Он побеседовал с Рэной и даже предложил финансовую помощь для института. Но Рэна, как настоящая интеллигентная женщина, от этого отказалась, за что в последующем была подвергнута критике со стороны своих коллег по работе. Как продолжение этой истории был приём, который мы устроили у себя дома с приглашением Вейдерма, израильских коллег и друзей. Этот визит позволил Рэне, развивая сотрудничество с Эстонией, побывать в командировке в Таллинне и повидаться с Ноночкой и всей семьёй наших друзей Мастбаумов. Рэна успешно трудилась на благо Израиля и побывала в Италии на конгрессе. Наконец, её мечта сбылась! Она так мечтала там побывать! Две недели, проведённые в Италии, ей показались очень короткими, как один большой Праздник!

Покупка квартиры

Сложнейший вопрос, определивший нашу последующую жизнь в Израиле. А, как потом выяснилось, прожить в Израиле нам оставалось ещё несколько лет. При выборе квартиры мы руководствовались несколькими моментами: район, комфортность, транспорт и цена, конечно. Исходя

из мест работы Рэны и Тани, нам надлежало искать квартиру в районе, близком к Рамат-Авиву. Конечно, о самом Рамат-Авиве, самом дорогом районе в городе, не могло быть и речи. Но быстро растущий район Неве-Шарет с хорошо организованным автобусным городским транспортом, а также сравнительной близостью к Рамат-Авиву (5 км) вызывал наш интерес. В конечном итоге, после длительных поисков нам удалось найти то, что мы искали. Это была вполне приличная 3-комнатная квартира, 2 спальни и салон, на 3-м этаже 6-этажного дома.

На крыше дома располагались солнечные панели и бойлер для подогрева воды, которая использовалась нами. Была в доме централизованная разводка газа. Квартира имела городской телефон. Систему кондиционирования мы организовали сами. Охлаждённый воздух подавался в салон и две спальни. Конденсат сбрасывался на улицу по резиновому шлангу. Дом располагался на некотором возвышении, вблизи с рядом стоящими домами такого же типа, создающими некое каре, внутри которого росли пальмы. Недалеко располагалась большая площадка для паркинга автомобилей. Всё пространство вокруг паркинга было застроено жилыми домами. Хорошая, асфальтированная дорога связывала наш район с Рамат-Авивом. Мы имели возможность за 15-20 минут на машине добраться до пляжа. Я успевал съездить искупаться перед работой, которая у меня начиналась в 9 утра. До работы я на машине добирался за полчаса. Купили мы квартиру с использованием государственного кредита-машканты. Хитрющая система кредитования Израиля связывала покупателя по рукам и ногам. Мы никогда не смогли бы уехать из Израиля, если бы не прозорливость и настойчивость Танюши. Она совершенно правильно считала, что мы обязаны все свободные, заработанные деньги употребить на оплату кредита, в чём совершенно не был заинтересован банк. Чем больше мы платили и гасили кредит, тем меньше зарабатывал банк. Доходило просто до обмана. Оказалось, что русский текст условий машканты отличается от оригинала на иврите! Слава Богу, что Таня это усекла и заставила банковских работников принимать у нас деньги в счёт погашения кредита. Только таким способом мы смогли рассчитаться с банком, когда нам было нужно уезжать из Израиля.

Меблировка квартиры

Эта детективная история связала Таллинн и Тель-Авив. Рэна от Ноны получила сообщение, что дети её знакомой, намереваясь

эмигрировать в Израиль, отправили туда комплект мебели на 3-комнатную квартиру, включая пианино. Но впоследствии им (Света и Дима Носовы) удалось уехать в Штаты. А мебель уже несколько лет находилась где-то в Израиле. Нам предлагалось забрать эту мебель безвозмездно. Но всё оказалось не так просто. Мы разыскали эту мебель на каких-то складах. Срок хранения её истекал, и нужно было решать вопрос быстро, так как иначе она должна была перейти в собственность государства. Когда мы появились с соответствующими документами, то нам предложили заплатить за хранение мебели 3 тыс. долларов (9-10 тыс. шекелей), после чего она перешла бы в наше пользование. Мы на это пошли и получили за эти деньги комплект мебели на 3-комнатную квартиру. В том числе у нас оказалось и рижское пианино. Сашенька с удовольствием на нём играл.

Сложности были с транспортом. У нас тогда была лишь одна маленькая красная 4-местная Сузуки с 3-тактным двигателем, объёмом 0.8 л. Но эта малышка нам скрашивала жизнь. Я развозил всех на работу: Таню и Рэну в Рамат-Авив, Сашеньку в детский садик и себя к г-ну Сартана в центр Тель-Авива. Обратно я подбирал Рэну и Сашулика, которого Рэна частенько брала к себе в лабораторию университета, где она работала. Танюша же часто задерживалась на работе до глубокой ночи, и тогда я уже из дома заезжал за ней в университет. Так обычно заканчивался трудовой день.

В Израиле было много неожиданных встреч и знакомств: в Иерусалиме с археологом и историком А. Сперанским и его семьёй, в Тель-Авиве с приехавшей А.М. Гельфгат, моей сослуживицей по Гипрокаучуку, с семьёй Юры Гуревича (Рэнин сослуживец), с Веней Прейгерзоном и его сестрой Асей (её сын Гарик живёт в Бостоне и дружит с нашей Таней), с Перятинским в Хайфе, при работе над реконструкцией первички на НПЗ и многими, многими другими. Сейчас всего и не упомнить. Самые запоминающиеся события из израильской жизни мне хотелось бы упомянуть:

- моя работа на г-на Г. Сартана,
- Рэнина работа в университете,
- Танина работа в университете Тель-Авива,
- Сашенькино взросление (садик, музыка, бассейн и т.д.)
- Иерусалим и Сперанские,
- приезд Ноны и Риты Мастбаум,
- Приезд Гины и Изи Заков,

- Нагария - бармицва сына начальника отдела фирмы Людан,
- Акко - Блейнесы и главный архитектор Таллинна,
- Нагария - Бахайский храм,
- Кейсария - экспозиция работ Сальвадора Дали,
- Кейсария - римский амфитеатр, выступление балетной американской труппы Барышникова,
- концерты камерного оркестра Израиля,
- концерт Е. Образцовой,
- поездка Рэны в Эйлат,
- моя поездка в Италию на фирму Прессиндустрия,
- Рэнина командировка в Таллинн,
- Мои командировки в Россию в 1995-1996 г.г., Казань-Нижнекамск,
- поездка с Дороном Сартана в Воронеж,
- заезд с Дороном во Франкфурт для ознакомления с производством озонаторов,
- покупка автомобиля Фиат Уно,
- выигрыш по лотерее американской гринкарты,
- юбилей Гидеона Сартана,
- прощальный вечер в греческом ресторане с четой Сартана,
- поездка Рэны в Италию на конгресс,
- покупка Таней квартиры,
- покупка сувенира в Яффо Гидеону Сартана к его юбилею и многое, многое другое, чего и не упомнить. Из перечисленного я хотел бы остановиться на эпопее с выигрышем нами американской гринкарты по лотерее.

Выигрыш американской Гринкарты

Эта история заслуживает того, чтобы её положили на бумагу. Она абсолютно детективного характера, со всеми признаками этого жанра.

Рэна, сговорившись с Юрой Гуревичем, решила попытать счастья и подготовить документы для отправки в оргкомитет лотереи. Они отправили заявку, но никакого ответа не последовало. Ведь количество победителей было ограничено, а желающих были миллионы. Рэна даже и думать забыла об этой истории, как вдруг на второй или третий год после отправки нашей заявки мы получили большой фирменный конверт из американского посольства в Израиле. Открыв конверт, Рэна обнаружила, что нас поздравляют с выигрышем гринкарты и предлагают срочно подготовить необходимые документы для

рассмотрения и принятия окончательного решения по нашей эмиграции в Америку. Рэна решила, что эта злая шутка Юры Гуревича, и выбросила этот конверт в мусорное ведро. Когда Таня вернулась с работы, Рэна ей рассказала об этом конверте. Таня всполошилась, понеслась к мусорному ведру, достала этот конверт, разгладила его, очистила и внимательно прочла содержимое. Оказалось, что Юра Гуревич, ничего не говоря Рэне, продолжал каждый год посылать заявки на нас и свою семью в оргкомитет и что это никакая не шутка, а реальное решение комитета о нашей гринкарте.

Мы, конечно, обрадовались, но это был лишь первый этап. Нам необходимо было подготовить для оргкомитета кучу документов и справок, без которых выигрыш гринкарты был невозможен. Мы должны были указать финансового гаранта нашей жизни в Штатах, но мы там никого не знали, кто бы мог за нас поручиться. Нам было нужно пройти медицинское обследование. Рэна опасалась за свои лёгкие. Нам нужна была справка из России об отсутствии у нас криминального прошлого. Причём эти документы необходимо было подготовить срочно-спешно, так как в письме Американского Посольства чётко указывалось, что из прошедших по первому туру 100 тысяч человек половина будет отсеяна и что быстрое представление требуемых документов повышает шансы выигрыша гринкарты. Мы в итоге всё преодолели, хотя на пути возникали серьёзные проблемы. Смешной выглядела история получения справки о нашем криминальном прошлом в России, вернее сказать об отсутствии такового. Мы подались в Российское посольство в Израиле, чтобы заполучить эту справку. Но нам заявили, что они таких справок не дают. Тогда мы попросили, чтобы они дали нам справку, что они таких справок не дают. Они сказали, что они выдадут нам такую справку, но нам необходимо будет заплатить 50 долларлв. Оплатив, мы стали обладателями справки, в которой Российское Посольство написало, что они такого рода справок не дают! Что самое удивительное, эта справка устроила американских чиновников. Да здравствует бюрократия! В итоге мы оказались в числе 50тысяч счасливицев, выигрывших американскую гринкарту, дающую право на жизнь и работу в Америке! В 1996 году мы улетели в США оформлять документы. А затем вернулись в Израиль и, проработав там ещё целый год, вернулись уже окончательно в США в 1997 году. С этого времени начинается наша Американская Одиссея. В это же время Танюша с Сашенькой оформили эмиграцию в Канаду и улетели в Торонто.

Оглядываясь назад, я очень сожалею, что не вёл дневник. Ведь очень многое исчезает в тайниках памяти. Если начать скурпулёзно вспоминать день за днём нашу жизнь в Израиле, то я могу с твёрдой уверенностью сказать, что набралось бы материала на добрую многостраничную книгу. Но, увы. А Кейсария, Нагария, Акко, Нетания, Герцлия, Хайфа, Эйлат, Кеннерет, Мёртвое и Красные моря и многое, многое другое. А люди! Прекрасные и подлые, доброжелательные и завистливые, добрые и жадные, хищные и коварные. Мы встречали различных людей на своём пути. Как говорится, в калейдоскопе театра жизни краски переливались всеми цветами радуги. Но всё-таки доброго было гораздо больше, что и помогало нам сравнительно достойно жить в Израиле. Мы прожили в Израиле более 5 лет. Суммарные впечатления об израильском периоде жизни видны в стихотворении «Еврейская сага».

Еврейская сага

Я плавился на солнце, душил меня хамсин,
Я был безумный оле, олим вэ хадашим.
Поддался я соблазну и дёрнул в Израиль,
За дочкою помчался без страха и ветрил.
Сомнений был я полон, еврей я или нет,
Ведь в метрике об этом не значился ответ.
Меня там просветили и, увидав обрез,
Мудрейший из раввинов сказал, то наш конец.
Меня там приютили, блуждавшего во мгле,
Меня усыновили на праведной земле.
И мощною стремниной краса стеснила грудь,
Миллионами открытий увенчан был мой путь.
Я повидал там много чудеснейших картин,
Но долго-долго-долго не мог понять витрин.
Не знал я алфавита, там всё наоборот,
Мне буквы на иврите несли секретный код.
Я в неге расплывался, когда встречал англит,
Он там мне показался роднейшим из родных.
Но всё лечило время, и я лечился сам,
Я забывал про бремя, врастая в их бедлам.
В религии неистов еврейский раввинат –
Неверного отыщет и отошлёт назад.
Там стон исповедальний, на праведной земле,
Там колокол прощальный звучит по всей стране.
Стена надежд и плача, святейший бастион,
Где ты, искатель счастья, пред Богом преклонён.
Земля там первобытна, прелестна и хрупка,
Вся в зелени клубится, вся в цитрусах, вся, вся!
Священна там земля, пропитана вся кровью,
Земля кровавых войн, рождённая с любовью.
Земля больших надежд, земля святых свершений,
Заветная мечта еврейских поколений.
Галланские просторы, Кейсария, Эйлат, открыли миру створы,
Вдохнули аромат.
Там море Средиземное, прелестные пляжи,
Погоды расчудесные, хоть пой или пляши.
Там небо сине-синее, там пальмы и цветы,
Благоухают нежные во всех концах страны.

Там, на Святой земле, мы стали к Богу ближе,
Там, в красочной стране, сказка стала былью.
Страна в кольце врагов, террор не утихает,
Но светлая мечта отцов живёт и побеждает!

Мои юбилеи

Каждое 10-летие мы отмечали с друзьями и сослуживцами мои дни рождения. Я не помню 30-летний юбилей, но хорошо помню все остальные: 40-, 50-, 60-, 70- и 80-летие. 40- и 50-летие мы отмечали в Москве, 60 лет в Израиле, а 70 и 80 – в Бостоне.

На 40-летие мы созвали 40 человек по количеству лет, прожитых мною. Думали, что на 50-летие будет 50 человек, но ошиблись. На юбилее было 90 человек. Мне этот юбилей запомнился, пожалуй, лучше всех остальных. Это был пик моей жизни, рубикон, когда уже можно подводить промежуточные итоги. Юбилей отмечали в помещении институтской столовой. Было много речей, тостов, пожеланий, в общем, всего того, что бывает обычно на таких юбилеях. Но самое главное – это проявление дружеских чувств моих друзей и соратников по работе, которое я хорошо ощущал и за что я им всем очень благодарен. Я навек сохранил к своим товарищам самые дружеские чувства:

Без вас я, как без солнца,
Зачахну и умру,
Вы мне нужны как воздух,
Как росы поутру.

К одному из Юбилеев мой бостонский друг Давид Клебанов писал мне:

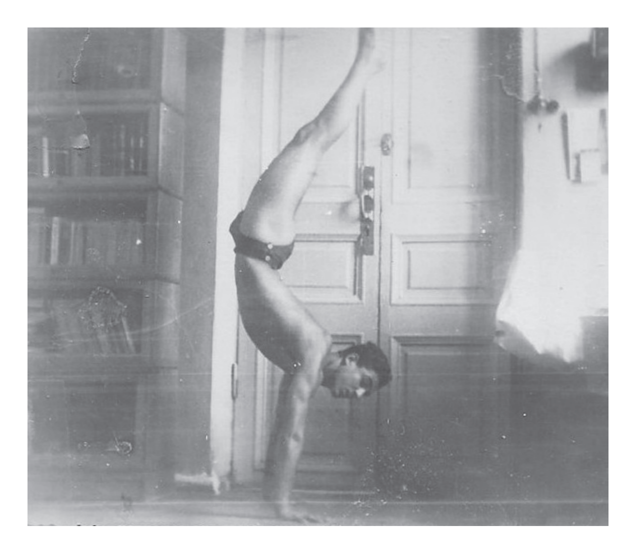
Судьба одарила нас всех Кнубовцом,
Ему наши песни и тосты,
Гордятся по праву таким молодцом
Россия, Израиль и Бостон.
И тот, кто однажды увидел его,
Мечтают о нём, как о чуде,
Подобного видел я одного,
Но тот был звездой в Голливуде.
Тот тоже был, правду сказать, молодец,
Но Лёне, принявшему водку,
Тот тип голливудский, увы, как певец
Вообще не годился в подмётки.
Когда Кнубовец открывает свой рот
И дарит нам чудо вокала,
Становится ясно, что так не споёт

Любой баритон из Ла-Скала!
Но славен не пеньем своим Кнубовец
И не красотою от Бога,
А тем, что прекрасный он муж и отец,
А дед – не отыщешь такого!
А то, что порою в течение дня
Во всю тебя Рэна склоняет,
Так ты не печалься – ведь даже меня
Жена не всегда понимает.
А если серьёзно, то ты, Леонид,
Достоин любви и доверия,
Мы счастливы будем тебе их дарить –
И я, и, конечно, Валерия.
Мы дружбой с тобой, Леонид, дорожим,
Чтоб высказать все пожелания,
Готов я сегодня нарушить режим,
Который был чужд мне и ранее.
Шагай, дорогой, по счастливой Судьбе
Вперёд, как по праздничной улице,
А всё, что сегодня желали тебе,
Поверь, обязательно сбудется!

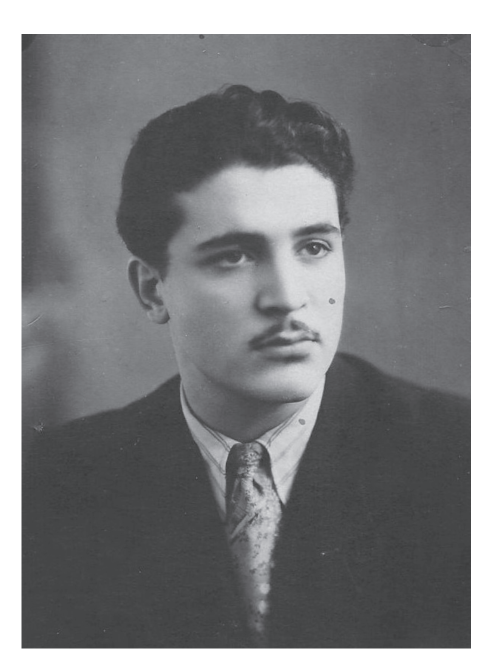
На этом я хотел бы закочить первую часть моих вопоминаний. О своей жизни в Америке, если хватит сил, я напишу позже.

Вся семья в сборе (Казань, 1947 г.)

Мне 16 лет (Дома на Свердлова 2, Казань, 1950 г.)

Мне 21 год.

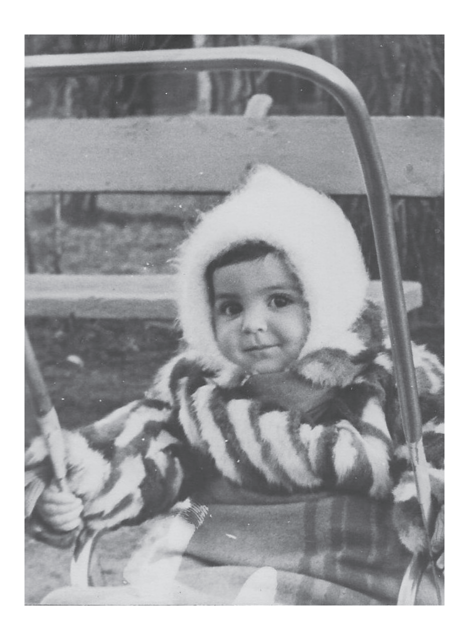
После свадьбы (1955 г.)

Свадебное путешествие (Теплоход «Грузия», 1955 г.)

Трускавец, 1959 г.

Танюшке 2 года (Казань, 1962 г.)

Танюшке 5 лет.

Танюшке 5 лет (Дагомыс, 1965 г.)

Гагры, 1966 г.

Река Дунаец (Закопане, Польша, 1968 г.)

Живецкое озеро (Польша, 1968 г.)

Озеро Пюхоярве (Эстония, 1972 г.)

Желязова Воля со Сташеком Лоскотом (Польша, 1974 г.)

С Нелей и Виктором Старосветскими (Икша, 1975 г.)

Икша, 1978 г.

Ресторан Этуаль-де-Моску, с Прессиндустрией (Париж, 1979 г.)

С вице-президентом фирмы Зальцгиттер (Кёльн, 1980 г.)

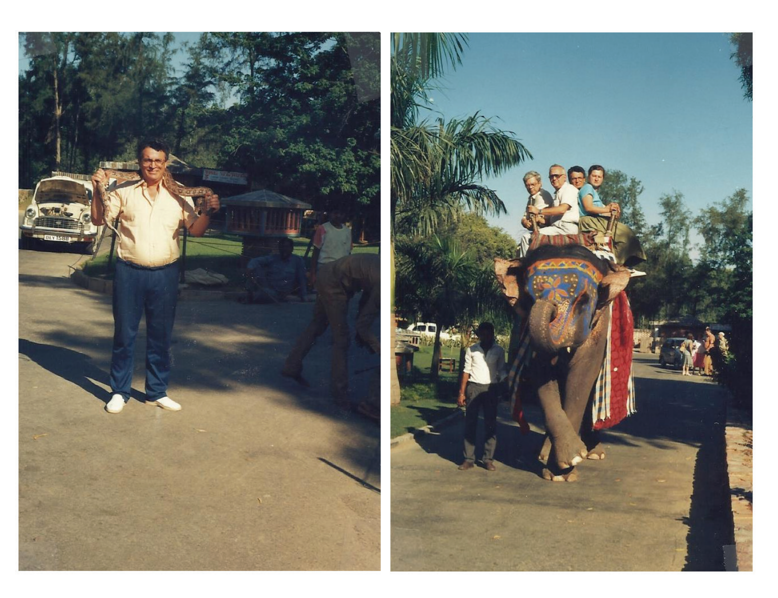
Виллы А.М. Горького (Италия, Капри, 1983 г.)

Пресс-конференция в Визакхапатнаме (Индия, 1987 г.)

Презентация Бенгальские танцы (Индия, 1987 г.)

Индия, 1987 г.

Отель Люфтганза (Бомбей, Индия, 1989 г.)

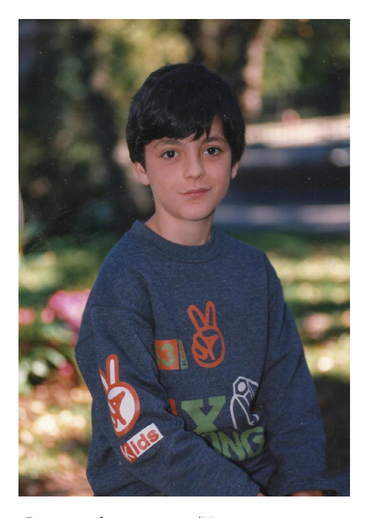
С Сашуликом (Проспект Мира, Москва, 1990 г.)

С Бобом Розенбергом и его женой (у них в доме, Сан-Франциско 1991 г.)

С М.А. Вейдермой (наш дом, Тель-Авив, 1995 г.)

Сашулику 7 лет (Бостон, 1997 г.)

Сашуле 17 лет (Бостон, 2007 г.)

На презентации моей первой книги стихов (Бостон, 2007 г.)